Ямщиков Савва Васильевич

Антикультурная революция в России

Москва, 2014

«Иных времён татары и монголы»----------2
Кто виноват----------2
Слепые ведут слепых----------4
Дети Розенберга----------5
Чёрный ящик----------7
«Иных времён татары и монголы»----------8
Есть ли у них совесть и стыд?----------10
Кривозащитники----------13
Не плюй в колодец----------14
Гоголь и Швыдкие----------15
Выкормыши Собчака----------16
Закономерная случайность: пропажи в Эрмитаже----------17
Беспамятство----------19
Сберечь каждое брёвнышко!----------20
Вальпургиева жизнь----------22
Возврату не подлежит----------24
Из дальних странствий возвратясь...----------25

Плоды демократии----------30
Давайте одумаемся----------30
«Осторожно, православие»?----------32
Об играющих, праздно болтающих----------34
«Триумфаторы»----------35
Галереи, галереи, кругом одни галереи----------37
«Пятая колонна»----------39
Ай, моськи...----------41
Идолы рукотворные----------45
Единожды солгав----------47
Я не хочу, чтобы слово «интеллигенция» было ругательным----------49
Плоды демократии----------53
Кому ЧК, а кому мать родная?----------54
Русская классика и носороги----------56
Лохотронщик----------57
Пароксизмы----------59
Пароксизм «Тэфи»----------60
Воланду и не снилось----------61
Грехостояние----------63

«Мчатся бесы рой за роем...»----------64
Культура смутного времени----------64
Так с кем же вы, мастера культуры?----------74
Кто разжигает экстремизм----------76
Диалог художника и журналиста----------76
Костёр ненависти----------77
Это всё одна команда----------78
Нам вливают оплаченный яд----------79

Кто у нас нынче в роли «властителей умов»?----------80
Диалог с обозревателем «Правды» Виктором Кожемяко----------80
Чтобы привлечь внимание----------81
На груди у власти----------82
Из-за границы тоже пригреты----------84

Затмение----------86
Министр культуры должен быть её хранителем----------90
Каковы сами - таковы и сани----------90
Похмелье после «Афинской ночи»----------93
Вместо скамьи подсудимых - кабинет на Смоленской площади----------93
Кто и зачем хочет разрушить музей-заповедник А.С. Пушкина в Михайловском----------94
Чума во время пира----------98
«Россия - это... кто?»----------102
Антикультурная революция Швыдкого----------103
Что же за феномен такой - Швыдкой?----------105

Эта книга - о тех, кто целенаправленно тянул и тянет Россию назад, кто уничтожал и продолжает уничтожать наши духовные и культурные ценности, для кого «чем хуже - тем лучше». О таких знаменитый реставратор и искусствовед Савва Васильевич Ямщиков недвусмысленно писал: «Всё это напёрсточники, как правило, полуграмотные, образования у них художественного настоящего нет, их задача - всё расшатать». И пока они действуют на поле нашей Родины, прикормленные властью, России не возродиться.

Видный общественный деятель, возвративший к жизни многие имена забытых отечественных художников и иконописцев, Савва Ямщиков (1938-2009) был блестящим публицистом, который неустанно отстаивал честь поруганных национальных идеалов. Его слово «воина, подвижника и просветителя» по-прежнему актуально - ведь за прошедшие годы практически ничего не изменилось к лучшему.

«Иных времён татары и монголы»

Кто виноват

Как мало в России евреев осталось, Как много жидов развелось... Юнна Мориц

Трудно нынче жить в России русскому человеку, любящему Отечество, знающему историю, чтящему прошлое своего народа и исповедующему православие. С утра до вечера захваченные «бархатными» революционерами «почта, телеграф и телефон», по-нынешнему СМИ, стращают обывателя «русским фашизмом», который страшнее немецкого; суют насильно в руки представителей титульной нации провокационный лозунг «Россия для русских»; пытаются воссоздать в многонациональном государстве атмосферу, царившую в Германии 20-30-х годов прошлого века и обернувшуюся триумфом нацизма. Постоянные убийства, зверские проявления вандализма и насилия, захлестнувшие разорённую Горбачёвым и Ельциным страну, напропалую блефующие политики и их духовные вдохновители пытаются записать на счёт якобы заражённых бациллами шовинизма и национализма русских. Убивают, к примеру, иностранного студента, жителя ближнего зарубежья или, не дай бог, оскорбляют еврея, - и сразу во всех газетах, на экранах телевизоров, в радиоэфире устраиваются

охота за ведьмами, поиск русского следа и гневное осуждение любых патриотических проявлений. Когда же безжалостные негодяи насилуют русскую девочку, расстреливают казачьих атаманов или сжигают дома и целые деревни, суровые витии молчат, набравши в рот воды, а случившееся считают необходимой закономерностью. Точь-в-точь, как в суровые годы Второй мировой: миллионы уничтоженных нацистами русских, белорусов и украинцев - это неизбежные жертвы войны, а холокост - вопиющая несправедливость.

Мне, человеку в высшей мере интернациональному, открытому для общения с людьми любого вероисповедания, кроме нацистского, хочется сегодня сказать провокаторам, наводнившим нашу страну: «Не играйте с огнём! Коричневую чуму не накличете на страну Пушкина и Достоевского, а вот кровавый, бессмысленный и беспощадный бунт может обрушиться из-за вас на головы невинных людей». Спасать же провокаторов трагедии, как это делали гуманные русские люди на рубеже XIX-XX веков, будет некому, ибо вывели тех благородных покровителей под корень революционеры в кожанках и с маузерами, «комиссары в пыльных шлемах» и бериевско-аграновско-бриковские палачи своими холодно-кровавыми руками.

Прожив большую часть отмеренного мне на земле времени в условиях тоталитаризма и обещания светлого будущего, я никогда не ощущал, однако, дыхания ксенофобии в стране. Слыша суждения о пресловутом пятом пункте, видел в родном МГУ столько евреев, что и на одесском Привозе мало бы не показалось. А разве в процветающем советском кинематографе творили только русские Пырьев с Бондарчуком? Неужели лишь Прокофьев, Шостакович, Светланов и Мравинский участвовали в грандиозном музыкальном празднике тех времён? Были ли нетерпимыми к иноверцам Уланова и Сергеев, Лемешев и Козловский? Такое и представить невозможно. Разве интересовала кого-то национальная принадлежность Утёсова, Бернеса, Райкина или Дунаевского, талантливые проявления которых составляли законную гордость русских, узбеков, латышей и белорусов.

Я в мыслях не держал и не держу националистическую настороженность, общаясь с самобытным и принципиальным художником Михаилом Шварцманом; приятельствуя с замечательным учёным-физиком Аркадием Мигдалом; восхищаясь порядочностью и благородством одарённого актёра и поэта Валентина Гафта; работая с капитаном I ранга, прошедшим трудными дорогами войны до Берлина, а потом возродившим историко-художественный музей в Рыбинске Ильёй Борисовичем Рабиновичем. Разве приходило мне в голову обсуждать еврейское происхождение моего друга - первоклассного кинооператора Саши Княжинского или хотя бы на минуту задуматься о том же, работая сейчас бок о бок с молодым коллегой - первоклассным реставратором Володей Сарабьяновым. А как близок и понятен мне прекрасный знаток творчества Гоголя, блестящий критик Игорь Золотусский, который, не в пример квасным патриотам и чинушам, героически борется с псевдорежиссерами Фокиным и Лунгиным, оплёвывающими наследие классика и

оскорбляющими его память. Многие годы в одном с нами доме жил раввин Шаевич, и моя истовая старообрядка мама общалась с ним как с хорошим соседом. Зато другой квартиросъёмщик, бездарный смехач Жванецкий, умудрился бедную старушку, попросившую его не выбрасывать мусор из окон во двор, обложить таким матом, которого она даже из уст сына, хорошо знакомого с русско-татарским набором нецензурных слов, не слышала. А можно ли даже в страшном сне представить покойную матушку, беседующую нынче с хабадом-сектантом Берл Лазаром - гражданином многих стран, учащим нас жить, «украшая» своим присутствием Общественную палату, и социально близким руководству страны, которое одаривает милого друга правительственными наградами.

Вместо того чтобы высасывать из пальцев призраки фашизма в России, господа озабоченные, посмотрите на своих единомышленников и послушайте духовных «окормителей», заполонивших «родные» теле- и киноэкраны, пичкающих народ своими отнюдь не славянофильскими сентенциями страницы сотен газет и журналов, поливающих его ушатами грязной шоу-продукции и более чем сомнительного юмора. Поставьте в один длинный ряд всех этих шендеровичей, жириновских, гельманов, млечиных, лолит, венедиктовых, асмоловых, познеров, шустеров и сразу ощутите себя в атмосфере изначального шовинизма.

Задайтесь на минуту вопросом, почему так ненавистны нынешним временщикам имена и дела Валентина Распутина, Василия Белова, Татьяны Глушковой, Юрия Кузнецова, Валентина Курбатова, Александра Панарина, Вадима Кожинова, Гелия Коржева, Олега Комова, Аркадия Пластова, Виктора Попкова и других одарённых представителей русской культуры. «Сколько бы ни нашлёпала плодовитая Зинаида Серебрякова своих сексапильных нюшек, все они продадутся на аукционах за большие деньги, а вот первоклассный портрет Р. Фалька останется невостребованным не доросшими до него покупателями», - буквально сокрушается корреспондентка «Коммерсанта».

А теперь представьте себе вот такой пассаж на страницах, скажем, газеты «Труд»: «Сколько бы ни намалевал плодовитый певец местечковой жизни Шагал летающих евреев, все эти картины за бешеные деньги сметут со стендов его миллиардеры-соплеменники, которые и ухом не поведут при имени великого русского художника, философа, поэта и драматурга Ефима Честнякова». Привожу именно этот пример, ибо возвращённый из социалистического небытия талантливейший шабловский мастер всем своим творчеством свидетельствует о высочайшей духовности русского народа, его исконном миролюбии, умении уважать честь и достоинство иноверцев, если они не заносят меч над Россией.

Слепые ведут слепых

Поиски национальной идеи, призванной объединить различные слои населения и возродить былую мощь России, напоминают, как это ни странно, игровые телешоу «Поле чудес» и «Кто хочет стать

миллионером». Пресловутую идею ищут все: начиная от президента и его сподвижников до владельцев миллиардов, украденных у обездоленной науки. Любое более или менее разумное предложение, особенно если оно базируется на патриотической основе и предполагает возрождение славных традиций, мгновенно вызывает шквальный огонь либеральных СМИ, действующих с оглядкой на чужеземных политиканов и щедро отовариваемых разрушителями державы. Ни для кого не секрет, что главное составляющее национальной политики России сегодня - объединение с Белоруссией, являющейся самым верным и необходимым нашим союзником в политике, экономике и духовной жизни. Но посмотрите, с каким остервенением, издевательством и неприкрытой враждебностью шельмуют доморощенные щелкопёры и телевизионные «головы» добившуюся стабильности и благополучия большинства населения республику. Не скрывают оплачиваемые из государственной казны провокаторы своей солидарности с грузинскими, украинскими и прибалтийскими националистами, действующими по указке американского госдепа и получающими немалые денежные пособия от заокеанских ненавистников президента Лукашенко. Когда после всей этой лжи и подтасовки очевидных фактов прочного положения братской Белоруссии слушаешь очередные разглагольствования крупных российских чиновников о становлении национального самосознания и укреплении государственных основ, невольно чувствуешь себя в «гостях у Якубовича».

Думая о национальной идее и собирании так поспешно и хаотически разбросанных камней из державного фундамента оголтевшей кликой свердловского рушителя Отечества, прежде всего понимаешь, что Россия обязана исправить последствия предательского поведения козыревых, черномырдиных и ивановых, помогавших Клинтону, Солане и Олбрайт развязать кровавую бойню в Югославии и обречь сербский народ на уничтожение.

Когда же читаешь российские газеты и смотришь телевизор в дни преднамеренного убийства президента Югославии Слободана Милошевича, продуманно осуществлённого выморочным Гаагским трибуналом, невольно чувствуешь, что словно продолжаются бомбардировки Белграда, рушатся древние монастыри и храмы Косова, и вот-вот снова бравые американские лётчики откроют люки, чтобы сбросить на Югославию бомбы с надписью «Поздравляем с Пасхой».

О какой национальной идее можно думать, если грязнейший рупор рыночной экономики с социалистическим названием «Московский комсомолец» буквально желчью исходит, злорадствуя над трагической смертью Милошевича и других сербских мучеников. А руководит же газеткой лжи член Общественной президентской палаты - ловкий лохотронщик Гусев, которому плевать на любые идеи, если они не приносят ему барышей, позволяющих отстреливать в африканской саванне редких хищников. Стоило же только патриотически ориентированной газете «Слово» выступить с объективной оценкой действий злой гаагской «Карлы» и выразить соболезнование сторонникам

Милошевича, как «родные» радиостанции заверещали о поддержке сербских радикалов российскими журналистами. Точно так же ведут себя все прогрессивные СМИ по отношению к проблемам Приднестровья или русскоязычного населения Крыма, борющегося за свои права. «Чем хуже для России, тем лучше для нас» - вот девиз, который мог бы стать логотипом для большинства отечественных газет, журналов и телевизионных программ.

Нынешние СМИ, обслуживающие ловких приватизаторов, или, как их смачно недавно охарактеризовал замечательный актёр Гостюхин, «долбаных олигархов», по прямой унаследовавших приёмы и принципы троцкистских удушителей русской национальной идеи, захвативших почту и телеграф, свято чтут ленинский лозунг: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино».

Какими лживыми «московскими сагами», месхиевскими «своими», рыбаковскими «детьми Арбата», «дозорами», «гамбитами», «диверсантами» и «гарпастумами» пичкают халтурщики от искусства бедного российского зрителя! Единственный телевизионный канал, ответственный за культурную подпитку национальной идеи, продолжает регулярно озвучивать скучнейшие посиделки у писателя-циника Ерофеева, лишённого малейших признаков профпригодности, не говоря уже о таланте. Погрузивший отечественную культуру в пучину безысходности и поставив во главу творческих процессов вседозволенность, пошлость и тлетворность, непотопляемый глава ФАККа Швыдкой способен одной своей «Культурной революцией» уничтожить и намёк на обретение Россией национальной идеи.

«Бедный человек опасен для государства», - заявляет тему очередного представления шоумен, лишённый какой-либо телевизионной привлекательности. И похожие на него собеседники убеждают нас, что именно от бомжей (читай, бывших учителей, врачей, инженеров и научных сотрудников) исходят главные беды, обрушившиеся на Россию. Не от богатых их кумиров, проливающих кровь мирного населения в Ираке, Югославии и других «горячих точках», а именно от бомжей, от которых Швыдкой на Патриарших прудах услышал рассуждения о Ницше и Шопенгауере и возмутился самим фактом такой беседы.

Представьте себе, какую нацию мы теряем, если низшие слои её общества, обречённые кумирами Швыдкого на вымирание, спорят сегодня о таких серьёзных философских проблемах. Но обездоленные народные массы всё чаще задаются вопросами о том, откуда у таких нерадивых чиновников, как Швыдкой, появляются роскошные дачи на дорогостоящих земельных участках, и почему они с презрением относятся к нищенским зарплатам сотрудников музеев, библиотек, клубов, реставраторов и хранителей древности. Обречённым на невольную слепоту истинным хозяевам жизни и творцам прекрасного всё страшнее становится от швыдковких биеннале, церетелиевских уродливых болванов, никасофроновских пошлых и бездарных ковриков. Они не хотят, чтобы их вели от рождения слепые поводыри, ибо дорога эта кончается в пропасти,

из которой не поможет выбраться никакая, даже самая мощная национальная идея.

Дети Розенберга

В том, что в сегодняшней России превалирует пресловутая «свобода слова», а подлинной демократией и не пахнет, я постоянно убеждаюсь, грубо говоря, на собственной шкуре. Открытое моё письмо президенту Путину о преступлениях главного культуртрегера страны Швыдкого донесли до народа лишь газеты «Слово», «Завтра» и «Новый Петербург». Либеральные СМИ свояка в обиду не дадут. Заигрывающий с патриотами попсовый писатель запросто может сказать: «Запрещается печатать Ямщикова, он слишком много себе позволяет!» И попробуй его подчинённые в газете не выполнить барского указа.

Пригласили меня пару раз на псевдосвободное «Эхо Москвы», дабы подискутировать о трофейных ценностях и поспорить с инициатором создания памятника Александру II пустобрёхом Немцовым, нашкодившим в сём благородном начинании так же, как и при захоронении фальшивых останков царской семьи. Поняв, что даже среди их продвинутых слушателей набрал я ощутимые очки, звать перестали. А тут на прошлой неделе раздался звонок с НТВ, и очень обходительная дама передала приглашение г-на Соловьёва принять участие в полемике о правомочности возврата на Запад художественных ценностей, справедливо вывезенных Советской Армией из освобождённых от нацистской чумы стран.

Это моя работа, которой занимаюсь уже двадцать лет, а потому обязан был согласиться. Вот только предложение спорить с шоуменом Швыдким категорически отверг, ибо с людьми, нарушающими юридические законы и находящимися под пристальным оком Генпрокуратуры, предпочитаю не общаться. Заменили сомнительную кандидатуру верной сподвижницей Швыдкого - директрисой Библиотеки иностранной литературы мадам Гениевой. Сия либеральная прогрессистка известна как верная слуга и распорядительница финансов мирового спекулянта Сороса. На заре перестройки, когда Горбачёв сдавал страну своим западным кумирам, внедрялся сей пронырливый «царь тьмы» в нашу пошатнувшуюся экономику. Меня вместе с Валентином Распутиным и Валерием Ганичевым рекомендовали в «Соросовский фонд». Да только уже тогда «гениевы», ведя тщательный фильтраж кандидатов, забраковали нас с Ганичевым, да и Распутина быстренько вывели за штат. Так что я хорошо знал пристрастия и вкусы своего противника.

Василий Ливанов, позвонивший мне сразу после эфира, сказал, что моё волнение стало одной из составляющих убедительного превосходства в этом поединке и большим подарком ко Дню Победы. Я действительно волнуюсь всякий раз, когда нынешние законодатели моды в России пытаются предать забвению трагедию Второй мировой, буквально разрушившей устои родного Отечества, но не поставившей его, однако, на

колени. Ведь не мы пришли с огнём и мечом в Европу, а нацисты пытались снести с лица земли нашу державу.

Специальный штаб, возглавляемый расистом Розенбергом, проводил плановое уничтожение шедевров русской архитектуры и систематическое разграбление сокровищниц искусства. «Не разнузданная солдатня занималась разбоем ради личной наживы... Солдаты и офицеры исполняли государственный заказ, подстраивались под государственную политику, под расово обставленный вандализм. Каждому полку вермахта и войск «СС» придавался «офицер по культуре». Обычно родом из дворян. Считалось, что аристократы лучше разберутся в том, какое произведение обогатит рейх... И Федеральная Республика Германии, объявившая себя преемницей «третьего рейха», не выполнила международных обязательств по возвращению предметов искусства и культуры, украденных у советского народа в годы войны». Так пишет в предисловии к моей книге «Возврату не подлежит» блестящий историк, политик высочайшего уровня Валентин Фалин, многие годы проработавший послом СССР в ФРГ.

Зато наши беспардонные вожди умудрились, не выслушав мнение народа, вернуть в Германию миллионы трофейных исторических и художественных ценностей. Хрущёв, сдуру подаривший Крым, уничтоживший тысячи церквей, «отстегнул» друзьям по партии Дрезденскую галерею, Пергамский алтарь и массу других сокровищ. Разбазаривали трофеи и при Брежневе, и при Горбачёве. Вот только взамен ничего не получали. Создали мы при Ельцине «Комиссию по реституции», помешавшую многим широким жестам пьяного вурдалака. Да быстренько прикрыл её глава культурного ведомства Швыдкой, чтобы безвозмездно (для государства, но не для его команды) возвращать немцам народное добро.

Вот и пишет в «Московском комсомольце» горе-мэр Гавриил Попов, что наши искусствоведы, реставраторы и художники, спасшие Дрезденку от затопления нацистами в штольнях, на самом деле мародёры, а никакие не герои. Вот и заходится в ложном пафосе мадам Гениева, призывая себе в помощницы дочь, якобы попросившую мамочку поскорее вернуть трофеи немцам, дабы забыть о проклятой войне. А моя дочь, напутствуя перед эфиром, пожелала мне и моим соратникам здоровья и сил, чтобы мы всегда хранили память о миллионах воинов и мирных жителей, уничтоженных нацистами. Десятки тысяч зрителей, поддержавших нашу позицию, выглядят могучей армией на фоне малочисленных пораженцев и «детей Розенберга», которые, к сожалению, правят бал в России. Но взволнованные слова Николая Губенко, поздравившего меня с победой, дают основание надеяться, что листы Бременской коллекции, украденные тремя мародёрами, равно как и другие трофейные ценности, не станут добычей швыдковской зондеркоманды и разменной монетой в политических играх.

Чёрный ящик

Полтора века назад оптинский старец Варсонофий, обладавший даром провидения, предсказывая козни Антихриста в наши дни, главной из них назвал одурманивание людей посредством телевидения. Когда его спросили верующие: в церкви ли будет происходить растление душ человеческих, праведник произнёс: «Нет, дети мои, в углу ваших комнат явятся самые изощрённые непотребства, а вы не оторвёте от них глаз, сидя на стуле или лёжа в кровати». Попробуйте не согласиться с этим пророчеством, включая в очередной раз кнопку дистанционного управления.

Мне посчастливилось немало поработать на телевидении в те времена, когда оно, будучи рупором загнивающей государственной машины, благодаря блистательным профессионалам дозировало немало качественной продукции, в основе которой лежали добротные литературные материалы, мастерство режиссёров, операторов, художников и одарённых рассказчиков. Но уже тогда с помощью старших коллег, людей, умудрённых опытом и тонко разбирающихся в телевизионной специфике, научился я главному правилу: не появляться на экране слишком часто и не стремиться в эфир, если ты не можешь поведать зрителю что-то новое, одному тебе известное, позволяющее расширить кругозор собеседника и обогатить его необходимыми познаниями.

Поэтому сегодня, когда я вижу почти ежедневно и в течение многих лет одни и те же «говорящие головы», а точнее, болтающие, мне жалко и налогоплательщиков, и заряженных бациллами телевизионной проказы государственных деятелей, липовых правозащитников, претендентов на престол и на место в Думе, пошлых «культурных революционеров», художников-человекособак, самодовольных юристов, прислуживающих олигархам, и что обидно, присоединившихся к ним в последнее время людей, чьи взгляды я разделяю. Своих единомышленников хочу предупредить, чтобы не бежали они по первому зову в любые телекомпашки - от малаховских постирушек до ерофеевско-швыдковско-архангельских провокаторских сборищ, напоминающих «говорильни старых баб». Постараюсь на конкретных примерах объяснить мою тревогу и доказать смертельно опасную сущность телеящика.

Захватив почту, телеграф и телефон, нынешние опьянённые до неприличия вином либерализма, в изобилии поставленном на стол командами рушителей державы Горбачёва и Ельцина, хозяева жизни, приняв телевизионную липучку-мухоловку за медовые соты, увязли своими хилыми щупальцами в её клейкой и зловонной поверхности. Поверьте мне, не сделай бархатно-кровавые революционеры ставку на оккупированное ими телевидение, народ до сих пор продолжал бы верить их рыночной экономике, хранить под подушкой чубайсовские ваучеры и принимать Гайдара за истину в конечной инстанции. Но, доверившись шустрым владельцам компаний, умевшим украсть даже у церковной мыши, положившись на целую армию холёных, наглых, бессовестных

телевизионных маэстро, написавших на своих знамёнах лозунги антипатриотизма, презрения к «этой стране» и преклонения перед идеями Даллеса, Бжезинского и Сороса, буквально заполонили собой все программы: от государственных до уворованных частных.

«Пили, веселились и сквозь землю провалились» - именно этот слоган лучше всего характеризует бесшабашный спектакль, разыгранный самодовольными демократами, финалом которого стали жалкие процентишки голосов избирателей, лишивших их возможности запудривать мозги народу с думской трибуны. Смех и слёзы одолевают меня при воспоминании телешабашей с участием Киселёва, Курковой, Сванидзе, Парфёнова, Сорокиной, Познера, Шустера, Шендеровича, Диброва, Митковой или разъярённого человека-быка Черкизова, чуть ли не гениталии зрителям демонстрировавшего. Часами упивались они беседами, диспутами, «дуэлями» и просто трепотнёй со своими кумирами - Ельциным, Чубайсом, Явлинским, Березовским, Гайдаром, Немцовым, Жириновским, Хакамадой, Ваней Рыбкиным, Колей Травкиным и другими слепцами, ведущими массы слепых в пропасть.

Зрители, которые поопытнее и поумнее, мгновенно разобрались в лохотронных телешоу, а вот более доверчивые долго доходили до сути ничтожной болтовни самоуверенного нарцисса Собчака или неистовых речей Старовойтовой, входившей в состав учредителей нескольких десятков сомнительных финансовых компаний. Но и они скоро убедились, что все эти «факиры на час» больше всего любят Америку и вместе с Черномырдиным и главой МИДа Ивановым на голубом глазу предают братскую Югославию, а телевизионные гуру похваливают их и поощряют на дальнейший развал России. Поняли миллионы зрителей, что комментаторам и обозревателям телеканалов гораздо ближе чеченские бандиты, которых они величали повстанцами, чем псковские герои или юный солдат Евгений Родионов, головы сложившие за многострадальную, Родину. Разобрались они, какой премьер-министр рулил Россией, когда через два дня после дефолта увидели на экранах Кириенко с женой, улетающих отдыхать в Австралию, а потом прочитали в газете «Версия» разоблачительный материал о миллиардных австралийских счетах «киндерсюрприза».

А какой позор высветил телеэкран во время захоронения фальшивых останков якобы царской семьи, когда околпаченные немцовской кувыр-коллегией «специалистов» предстали перед нами горе-плакальщики во главе с непросыхающим Ельциным и его духовным отцом - «совестью нации» Лихачёвым, поспешившие отсветиться на бутафорской церемонии. Примеров телевизионной вирусной болезни и её трагических последствий можно привести бесчисленное количество. Сейчас, когда болезнь купирована, но отнюдь не залечена до конца, хочется посоветовать руководителям государства не поднимать «чёрный ящик» рухнувшего лайнера, пилотировавшегося либералами, и не разбираться в причинах их гибели.

«Иных времён татары и монголы»

Насмотревшись до отвала извержений чудовищного телеящика за годы болезни, я теперь стараюсь как можно реже нажимать на его стартовую кнопку. Но иногда, ткнувшись в «сокровищницу лжи и пороков», чтобы узнать последние новости или повосхищаться нашими футболистами, которые вдруг проявили невиданный патриотизм и немалое мастерство, когда их возглавил костромской мужик Георгий Ярцев, нет-нет да и не удерживался перед соблазном «посозерцать» монстров, прочно обосновавшихся на телевизионном пространстве России. Весной, вернувшись из поездки по Европе, где государственные, да и частные каналы являются образцом целомудрия, полез я в «наше всё» и вместо новостей увидел сразу во весь экран показанный голый зад Бори Моисеева. Именно зад показали папарацци киселёвского детища, дабы знали мы своё место под нынешним российским солнцем, где, понимаешь, демократии хоть залейся. А намедни мне повезло чуть больше, ибо вместо моисеевского седалища глянуло на меня лицо Жванецкого. И вспомнил я сразу частушку русскую про это самое лицо, которое узрел однажды его владелец в лесной луже и удивился.

Боже, ну сколько же можно пичкать уставший от бархатной революции народ насквозь прогнившими, подобранными на одесском привозе каламбурами доморощенного сатирика? Словно до неприличия раздувшаяся Царевна-Лягушка, вещает он с утра до ночи по всем программам. Меня и раньше тошнило от дешёвенькой программки «Вокруг смеха», коей заправлял неистово ненавидящий всё русское человек, почему-то носящий фамилию Иванов. А теперь вот этот, за тяжкие грехи наши повешенный на шею камень в виде лживого, слащавого и бездарного чревовещателя. Видимо, одураченный видом его засаленных шпаргалок шоу-ведущий Максимов, ничтоже сумняшеся, сравнил Михал Михалыча с Чеховым и Салтыковым-Щедриным, на что лауреат Президентской премии за достижения в области русской (да-да, русской!) литературы под номером один согласно улыбнулся.

Ну, Максимов этот, напоминающий в своих «ночных полётах» лётчика со злополучного корейского «боинга» (помню, как он терзал вопросами Евгения Колобова и Максима Шостаковича в поисках гнилой «клубнички»), известен своей придумкой «дежурных по стране». Годами мы общались благодаря ему с дежурными по России Шифриным, Ширвиндтом, Аркановым, Хазановым, Арлазоровым, Карцевым и другими их земляками, напрасно ожидая, когда же своими переживаниями за судьбы многострадального Отечества поделятся Евгений Носов, Василий Белов, Валентин Распутин, Михаил Ножкин, Евгений Нефёдов, Валентин Курбатов, Александр Солженицын, Валерий Ганичев или Александр Проханов. Не дождались, ибо, в конце концов, Максимов отрядил на постоянное дежурство одного Жванецкого. А тот в очередном словоблудии заявил во всеуслышание, что жизнь свою прожил по заветам дедушки, приказавшего ему идти только прямо, никому не угождая и ничего не вылизывая. Лоснящееся жирком мещанского благополучия лицо самозваного диссидента, «прямолинейного» и «принципиального», ну

никак не гармонирует с измождёнными лицами Леонида Бородина, Владимира Осипова, Марченко, Гинзбурга...

И вспомнил я пышные застолья у партийцев, власть предержащих, которые, отрыгнув обильный ужин, позволяли Жванецкому потешить себя теми же шпаргалками, что он и по сей день достаёт из неопрятного своего портфеля. Я-то эту Царевну-Лягушку, которую со слезами на глазах в последней передаче актриса Селезнёва воспела как неподражаемого лирика (Петрарка и Пушкин отдыхают), не понаслышке знал. В мою мастерскую приволок его вездесущий журналист Рост. Он много кого ко мне таскал, да только один оказался замечательным человеком - Сергей Купреев, с которым мы дружили по-настоящему до трагической его гибели, произошедшей, как мне некоторые осведомлённые люди говорят, не без участия «демократических» хозяев России. Время подтвердило сомнения, которые мне не раз высказывал добрейший и кристально чистый партийный чиновник Купреев по поводу перестройки.

Представляю, что бы пережил Серёжа, узнай он об участии демжурналиста вместе с Собчаком, Лихачевым и другими регионалами в фабрикации документа, опорочившего русских солдат, брошенных вместе с элитным генералом Родионовым умиротворять разбушевавшихся грузин. Представляю, какими словами сопроводил бы он телекартинки, на которых Рост выражает своё восхищение Эдиком Шеварднадзе, ненавидящим Россию до зубовного скрежета, или поздравляет с юбилеем злостную русофобку Боннэр, не поленившись для этого слетать в Нью-Йорк. Меня некоторые бывшие приятели, продолжающие таскаться на вечеринки к Росту, попрекают тем, что когда-то я с ним был близок, а теперь презираю его. Кто из нас не ошибался в молодости? А в мою мастерскую, наряду с замечательными людьми, немало и сброду просочилось. Да и горе-приятели эти не за дружбой ходили, а чтобы время убить да похалявничать. Некоторые из них теперь, подобно Росту, и со свечками в церкви стоят, а иногда рядом с церковными иерархами торжественные русские собрания возглавляют, забыв при этом о милости к павшим и о подлинном всеотдачном творчестве.

Так вот в тот вечер выгнал я Жванецкого из мастерской. Сначала мои собутыльники, отличавшиеся подлинным чувством юмора, заставили его убрать шпаргалки в портфель и не портить атмосферу хорошего застолья. А когда тип сей, постоянно лапавший размалёванную девицу, пришедшую с ним, случайно обронил, что у него сегодня жена родила, я дал ему пять рублей на цветы и на такси и сказал, что в следующий раз за такой цинизм он получит по сусалам. Но он ещё раз грязно отметился в моей жизни. Покойные мама и брат жили в квартире, расположенной этажом ниже обиталища Жванецкого. Делая ремонт, он поставил короб для сброса мусора на улицу. Пыль и сор попадали в мамино окно, и только несколько дней спустя она сказала мне, каким грязным матом крыл её одесский литератор, когда она сделала ему замечание. На вопрос, почему она сразу не пришла за помощью ко мне, в соседний подъезд, мама сказала: «Убил бы ты его».

Рассказывая про Жванецкого сейчас, я вспомнил, как несколько лет назад в передаче «Русский дом» её ведущий Александр Крутов в беседе с кумиром нынешних религиозных обращенцев Ильей Глазуновым посетовал на подельника Жванецкого, «комика» Хазанова, сравнившего русских в своей репризе с приматами, только что спустившимися с дерева. И вы думаете, что маэстро возмутился таким оскорблением донельзя любимого им народа? Нет, он в присущей ему манере попросил Крутова не трогать эстрадника, ибо они с ним близкие друзья. К сожалению, для многих псевдопатриотов хазановы подчас дороже истины.

А сейчас ещё раз хочу покаяться в молодой неразборчивости своей при общении с людьми. Слабым утешением и оправданием могут служить доброта моя душевная и пылкая увлечённость каждым встреченным человеком. Я ведь и нынешнего шоу-министра Швыдкого подпустил к себе ближе, чем на пушечный выстрел. Снимал он с моей помощью телевизионный фильм о Бременской коллекции, и каталог выставки этого же собрания помогал я ему готовить к печати. Сохранились у меня вырезки газетные тех времён, где Швыдкой высказывает своё отношение к трофейным ценностям, хранящимся в России.

Он точь-в-точь повторяет те слова и проповедует те постулаты, которые отстаивает Николай Губенко со своими единомышленниками. А почему Швыдкой сейчас готов всё «бесплатно» отдать немцам и почему он предпочитает немецкий фашизм несуществующему русскому, спросите у него. А заодно спросите у журналиста Роста, почему он и его коллеги по «Общей» и «Новой» газетам промолчали, когда их покровительница Боннэр вместе с правозащитником Ковалёвым устроили в Сахаровском центре выставку, поносящую православную веру и всё христианство в целом. Ответьте мне, «иных времён татары и монголы», не стыдно после таких выставок свечки зажигать да наспех себя перекрещивать?

Есть ли у них совесть и стыд?

...В те далёкие уже по времени октябрьские дни 1993 года я следил за кровавой драмой, развернувшейся на улицах Москвы, а значит, и на всём российском пространстве, через телевизионную коробку. Болезнь не позволила мне принять участие в обуздании распоясавшихся убийц, поразивших своей кровожадностью и цинизмом всех здравомыслящих людей, за исключением, конечно же, наших записных полупрофессиональных правозащитников образца Ковалёва и его сподручницы мадам Боннэр, сумевшей трансформировать благородные идеи Сахарова в человеконенавистничество, борьбу с православием и ничем не скрываемую русофобию.

Поразило меня, с какой лёгкостью подмахнули тогда письмо-обращение к президенту-вурдалаку, засевшему с пьяной командой своей в Кремле, призывающее к физическому уничтожению живых людей. Я прекрасно понимал ещё со времён путча, придуманного ставропольским полукрестьянином Горбачёвым, что от называющих себя демократами,

разгулявшихся от рубля и выше вершителей судеб Отечества добра ждать может лишь простофиля или жулик, на котором негде ставить пробу. Подло брошенные под танки организаторами бутафорского восстания молодые мальчишки вызывают и по сей день человеческое сожаление. А вот те, кто их заставил лечь под гусеницы машин, поддерживающих элементарный правопорядок в столице, должны не показные слёзы перед телекамерами пускать, а привлечены быть непременно к уголовной ответственности.

Я уже в те годы развала нашей державы прекрасно знал истинную цену болтунам типа Руцкого, игравшего бравого генерала, а на самом деле напоминающего трусливую бабку Маланью. Лицемерные, ненавидящие всё русское регионалы устроили чудовищный фарс в Грузии, превративший некогда цветущий край в помойку для американских отходов и приют для предателя и мздоимца Шеварднадзе, также достойны самого сурового наказания за свои пролживленные отчёты и враньё перед журналистами.

Не у академика Лихачёва, возглавлявшего Советский фонд культуры и ловко его развалившего, нашёл я, тогдашний член Президиума, поддержку и понимание в те жуткие дни. Когда академик восторгался Собчаком и его подельниками, Владимир Максимов, диссидент, как говорится, из первой тройки, заявил в наших с ним телеинтервью, что у него руки опускаются при виде стоящих у государственного кормила бракоразводных юристов (Собчака), торговцев цветами (Чубайса) и годящегося разве что разливать пиво в ларьке Шумейко (все эпитеты максимовские. - С.Я.). Сколько их, персонажей нелицеприятного карнавала, пронеслось тогда перед поражёнными зрителями. Шахраи, филатовы, паины, гайдары, яковлевы (оба), коротичи, волкогоновы, черниченки, бакатины. Имя им - «тьма тьмы».

Ждать от восторженно причмокивающих при одном виде своего свердловского пахана сочувствия невинно гибнущим людям на Пресне и в Останкине мог разве что простодушный Иванушка-дурачок. Но вот когда завопили на все лады с призывами к уничтожению соотечественников так называемые деятели культуры, то невольно вспомнилось ленинское выступление, окрестившее интеллигенцию дерьмом. Тогдашняя русская интеллигенция была столь духовна и возвышенна, что обвинение вождя мирового пролетариата и пятнышка грязного на её мундире не оставило. Провидческое определение Ленина пришло на ум при виде нынешней духовной элиты нации, как они себя во весь голос обзывают. Поэт, вопивший из последних силёнок при виде крови на московских улицах: «Раздавите гадину!»; пианист, осквернивший стены Бетховенского зала в Большом театре истошным призывом к ЕБН бить шандалом по голове своих сподручных; актрисы, некогда воспевавшие с киноэкранов образы советских тружениц и получавшие за это все мыслимые и немыслимые цацки, а теперь впадающие в транс при виде новых хозяев - вот этих Ленин метко сравнил с дармовыми отходами.

Персонажей из самой низкопробной трагикомедии напоминали

Гайдар и транзисторная актриса Ахеджакова, призывавшие мирных граждан к кровопролитию. И что вы думаете, покаялась эта лицедейка в своей виновности перед родителями, потерявшими и по её милости детей в те октябрьские дни, и перед детьми, оставшимися без отцов и матерей? Неужели у любимицы демократического ельцинского соловья Рязанова (чего стоил его холуйский телерассказ о президентской табуретке с гвоздём, впившимся в задницу услужливого интервьюера, смачно жующего котлеты, которые президентша приготовила из магазинного фарша) во время показа по НТВ (да-да, по НТВ!) в страшную годовщину правдивого фильма журналиста Кириченко при виде кадров, рассказывающих о маленькой девочке, целенамеренно расстрелянной одним из зверей-снайперов Ельцина, не встали дыбом волосы и не побежала она в храм, дабы испросить у Бога прощения за солидарность свою с убийцами?

Не покаялся никто и ни в чём! В траурные дни на экранах телевизоров, как обычно, кривлялись опостылевшие до тошноты юмористы, демонстрировали бездарные и циничные номера непрофессиональные певцы и певуньи. Изощрялся в старческой пошлости давно переставший быть поэтом Вознесенский, солидаризировался с теми, с кем когда-то враждовал или делал наоборот фигляр Евтушенко, таял и млел в лучах незаслуженной славы Шекспир и Станиславский в одном флаконе, тщеславный прихвостень ельцинского времени Марк Захаров, не задумываясь дающий советы простодушным слушателям - от вопросов высшей политики до подсказок, сжигать партбилет или не сжигать и когда выносить содержимое Мавзолея.

Главный виновник беды октябрьской, родоначальник тенниса в России, не моргнув глазом, оттягивался в день скорби на очередном турнире. Да и спортсмены нынешние, служащие скорее культу денежных знаков и забывшие основной олимпийский принцип, что главное для спортсмена - участие в играх, а не победа, так и лезут приобняться с кровавым мясником. Ну да Бог им судья, может, когда перестанут делать деньги на спорте, одумаются и покаются.

А до покаяния ли политическим тяжеловесам из ельцинской камарильи было в скорбные дни общероссийской памяти? «Без нас в Госдуме будет просто кошмар, - кричал «золотой мальчик демократии», несостоявшийся карточных дел мастер Боренька Немцов. - СПС представит в парламенте трезвых и бодрых». Заявляя так, нижегородский бонвиван, видимо, имел в виду, что у его ребят есть возможность хорошо похмеляться и заниматься фитнесом после дорогостоящих загулов. Другой ельцинский думный дьяк, Гайдар, накануне октябрьского поминовения складывал чемоданы, отправляясь помогать вконец окочуриться растерзанному Ираку. Один мой друг сказал, узнав про такой манёвр со стороны американской администрации: «Теперь в Ираке разворуют и песок пустыни». Но передумали заокеанские заказчики. Услужливый до приторности член их тимуровской команды, видно, нужен дома, чтобы продолжать обескровливать Россию.

Савик Шустер, так ловко внедрённый ненавистниками России на постсоветское пространство, что и в футбол русских учит играть, болея при этом за «Фиорентину», «помянул» погибших в октябре 1993 года москвичей беседой с ещё одним «страдальцем» за русский народ - Глебом Павловским.

Мало удовольствия получаешь, слушая приторную и лживую болтовню сих русофобов, иногда, правда, неумело мимикрирующих и надевающих личину страдальцев за Россию. Но нет-нет и сорвутся эти сладкоголосые певуны на злобу и неприязнь по отношению к тому положительному, что так пугало их в России всего два десятка лет тому назад. Вот и в этой беседе Шустер пожурил одного из её участников в зале, осмелившегося вспомнить о былой боевой мощи Отечества. Вкрадчиво, но уверенно оборвал ведущий впавшего в ностальгию собеседника: «Ну ведь вы же знаете, какая тогда была армия, лучше уж и не вспоминать».

Конечно, господин Шустер, лучше вам про ту армию и не вспоминать. При той армии шустеры только и могли из-за угла потявкать в сторону России. А сейчас положили ноги на стол, за который бесцеремонно сели, и ведут себя не лучше того животного, которое в этой пословице упоминается.

От шустеров ждать покаяния за горечи и беды, подобные октябрьской трагедии, не приходится. Они их нам и сервировали, трусливо потирая потные от страха ручонки.

Но может, кто-то из них всё же одумается? Вспомнит о таком человеческом атрибуте, как стыд, и покается перед Богом, а прежде всего перед самим собой. Каяться никогда не поздно! Ибо сказано: «И последние да будут первыми».

Можно нам надеяться на ваше раскаяние, господа?

Кривозащитники

Ни для кого не является секретом печальный факт оскудения исторического и культурного кругозора населения Российской державы, ставшего закономерным следствием разрушения классической системы школьного образования «комиссарами в пыльных шлемах». Борясь с ненавистным православием, насаждая чуждые нашей стране революционные идеалы западных атеистов, выплеснули они вместе с водой и младенца, лишив подрастающее поколение главного источника знания - истории мировой христианской культуры. Мне верилось, что первым шагом на пути к духовному прогрессу в перестроечное время должно стать возвращение в школу преподавания истории религии, ибо без неё невозможно изучать литературу, изобразительное искусство, музыку, театр, философию и даже основы юриспруденции. Верилось недолго, ибо уже в августе 1991-го, увидев ельцинское маскарадное представление у стен «Белого дома» и американского посольства, понял я, какие «познеровские времена» наступают в земле Российской. Не

удивила меня неистовая, с пеной у рта и душераздирающими воплями борьба не на жизнь, а на смерть, объявленная детьми и внуками тех комиссаров введению «Основ православной культуры» в школьные программы.

Либералы - они и в Африке либералы. Против высказались все - от Минкина до Шендеровича, что само по себе и не удивляет. Но вот взял слово уполномоченный по правам человека господин Лукин - и тут же запахло государственным неприятием права русского человека знать и любить историю своих предков. Светский характер государства, по словам лукавого омбудсмена, «указывает на недопустимость обязательного преподавания «религиозных предметов» как совокупности знаний и представлений с точки зрения только одной конкретной церкви... На момент принятия закона о религиозных организациях зачастую просто не было необходимых помещений, где можно проводить религиозное обучение».

Заметьте, это говорит, хотя и серенький, но всё же бывший посол в Америке, обязанный знать мировую практику обсуждаемой проблемы. Православная Греция, не мудрствуя лукаво, основы христианской культуры включила в школьную программу, разрешив ученикам других конфессий во время этих курсов заниматься своими делами. Мои греческие друзья рассказывают, что освобождённые иноверцы с удовольствием приходят на уроки и слушают лекции преподавателей о православии. Хитрит уполномоченный защищать наши права. Игнорирует мнение огромной части российского общества, пляшет под дудки яблочных и эспээсных лидеров. Не нас он защищает, а идеологов дальнейшего разрушения державы, внося смуту в головы и без того одурманенных и обворованных рыночной экономикой её граждан. Оттоптавшись на святая святых - христианской культуре, лукавый уполномоченный хитроватенько и подловатенько проявился в комментарии Интерфаксу по поводу содомитского шабаша «голубых» у кремлёвских стен и Могилы Неизвестного Солдата: «Формально гомосексуалисты имеют право провести свой парад, но не понимаю, зачем это нужно». Как же хочется «принципиальному» уполномоченному съесть рыбку и соблюсти невинность!

Хочу спросить у г-на Лукина: чьи поруганные права он защищает? Разве чиновник высказался внятно хотя бы по одному из вопиющих случаев попрания достоинства, чести и свободы русского человека? Он заступился за верующих, оскорблённых боннэровско-сахаровской выставкой «Осторожно, религия»? Может, он попытался облегчить участь молодого парнишки, доведённого до отчаяния и осуждённого за необдуманный поступок в московской синагоге столь же сурово, как серийные убийцы? Встретился ли Лукин с русскими патриотами Квачковым и Шутовым, осмелившимися в одиночку выйти на поединок с Чубайсом и Собчаком, которые принесли горе и разруху в наш дом? Никогда он этого не сделает, ибо ему куда приятнее обсуждать с членом Общественной палаты хасидом Берл Лазаром «светлое» будущее так любимой ими России.

Уполномоченный Лукин не на ровном месте вырос. Корни правозащитного движения, пущенные такими, как он, ещё в советские времена, никогда не приносили плодов, способных оградить от поругания и ущемления свободных проявлений истинных патриотов Отечества. Неистово боролись пламенствующие витии с тоталитаризмом за права инакомыслящих граждан СССР: Щаранского, Буковского, Войновича, Аксёнова.

Боролись со всесильным андроповским ведомством и побеждали его, добиваясь почётной высылки своих подзащитных во Францию, Германию, Англию, США, а на худой конец, в Израиль. А может, и не боролись вовсе, а просто договаривались с мощным партнёром, «менявшим хулигана на Луиса Корвалана». Не беспокоили, однако, члены Хельсинкской группы хозяев Лубянки просьбами о защите Владимира Осипова, Леонида Бородина и многих других русских патриотов, продолжавших и на заре перестройки есть тюремную баланду.

В либеральные наши времена доморощенные «омбудсмены» во главе с иудушкой Ковалёвым грудью встали на защиту Басаева, Бабицкого, Гусинского, отодвинутых от кормушки киселёвских воронов телеящика. Плевать они хотели на гибнущих в Чечне псковских воинов, посмеивались над матерью героя-мученика Евгения Родионова, совершавшей в одиночку опаснейшие вылазки в стан врагов, чтобы обрести прах любимого сына. Послушайте полные лицемерия и отсутствия милости к павшим дешёвые театральные представления адвокатов Резника, Барщевского или Шмидта, и вам станет ясно, кого они уполномочены защищать и ограждать от справедливого гнева поруганной России.

Не плюй в колодец

Только что вернулся из Санкт-Петербурга, где обычно в это время принимаю дипломы у выпускников реставрационного отделения Художественного института имени И. Репина.

Эти встречи со студентами - всегда праздник, ибо вижу я прекрасно обученных специалистов, любящих старое искусство и готовых жизнь посвятить сбережению историко-культурного наследия. Велика и несомненна в воспитании молодых художников-реставраторов заслуга наставников, свято чтящих вековые традиции своей alma mater. Вспомнил я, возвращаясь из Большого зала Петербургской филармонии, где мой друг Максим Шостакович дирижировал Восьмой симфонией, написанной великим отцом, встречи и беседы с Дмитрием Дмитриевичем, так помогавшие нам в поисках своего пути. Такой же чистой водой из кладезя познания потчевали меня и корифеи живописи - ленинградские академики Евсей Моисеенко и Пётр Фомин. На всю жизнь остались в памяти их «исследовательские» рассуждения об искусстве, отличавшиеся духовностью, блестящим знанием профессии и умением говорить с молодёжью на языке доступном, лишённом заумной вычурности, согревая нас при этом поистине родительским теплом.

Мне, занимающемуся вот уже полвека открытием и сохранением

художественного наследия России, посчастливилось встречаться и дружить с яркими представителями отечественного изобразительного искусства. Павел Корин, Николай Ромадин, Олег Комов, Дмитрий Бисти, Анатолий Зверев, Олег Филатчев, Александр Харитонов, Дмитрий Краснопевцев, Михаил Шварцман, Всеволод Смирнов - вот далеко не полный ряд творцов, одаривших радостью духовного общения. И какая горесть, а иногда и жгучий стыд перед их вечной памятью охватывают меня сегодня, когда забвение, граничащее с наплевательством и презрением, стали участью, уготованной нынешними законодателями художественной моды столпам нашей культуры.

Устраиваемые культурным ведомством на огромные государственные средства биеннале демонстрируют москвичам скульптуры из замёрзшей мочи, целующихся геев в форме солдат Российской армии. Академия художеств награждает золотыми медалями, которые получали Брюллов, Репин и Суриков, человека-собаку Кулика - за выставленное им чучело Льва Толстого в клетке с живыми курами, которые гадят на классика. Редко же показываемое наследие художников, работавших в советские времена, славильщики «мастеров» неприличного постмодерна старательно обходят молчанием, ибо оно их раздражает. Не надо плевать в колодец прошлого, господа, ибо жажду можно утолить лишь его прозрачной и живительной влагой.

Гоголь и Швыдкие

В последнее время я стараюсь не участвовать в общественных диспутах и пленарных заседаниях; отказываюсь от пресс-конференций и уж, конечно, всячески избегаю содомитские тусовки. Причины «аскезы» просты: возрастная усталость и желание успеть сделать неотложную работу. Недавнюю же пресс-конференцию «Российской газеты» с членами попечительского совета «Фонда Гоголя» я отнёс к первоочередным делам, где моё появление необходимо. Каково же было удивление, когда в газетном отчёте о государственном обсуждении и осуждении чиновничьего равнодушия к памяти великого писателя, чей 200-летний юбилей в 2009 году обозначен ЮНЕСКО как «Год Гоголя», я не нашёл ни одного из высказанных мною аргументов и фактов. Ёрнический заголовок «От «мёртвых душ» - уши?» обязывал газету дать ответ на вопрос: кто эти «души» и кому их тянуть за торчащие позорно уши. Он и содержался в моём кратком выступлении.

Бюрократы от культуры с потрясающим упорством убеждают нас в том, что в доме №7а по Никитскому бульвару, где Гоголь писал второй том «Мёртвых душ» и сжёг его, где встречался он с лучшими умами России и где, соборовавшись, умер, не может открыться первый и единственный в стране музей писателя, ибо там нет мемориальных вещей. Служа по России, я провожу немало времени в пушкинском творческом приюте на Псковщине. Так вот, там подлинных предметов, которых касались руки поэта, раз-два и обчёлся, а сами дома Ганнибалов, Пушкиных, Осиповых-Вульф снесены до основания и заново построены.

Усадьба же Толстых на Никитском предстаёт ныне такой, какой она виделась и Гоголю...

Мне понятно, откуда растут уши чиновничьего презрения к памяти гения. Сегодня повторяется картина, «нарисованная» большевиками после революции. Одурманенные мертвящим запахом разрушения духовных государственных основ, пролеткультовцы уничтожали с упоением шедевры мирового искусства. Спешили при этом осуществить бредовые проекты вождистской «монументальной пропаганды», забыв, правда, поставить внесённый в списки памятник Андрею Рублёву, зато трижды увековечив при этом на площадях российских городов Иуду Искариота.

И ныне спешат суетящиеся и высоко котирующиеся мастера культуры открывать «музеи имени себя», с завидной последовательностью «рожать» уродливые монументы скромнейшему Достоевскому, пытаться уничтожить центр Москвы бесовским примусом в честь Булгакова. Только в стране, живущей по понятиям, стало возможным расположение церетелиевского зоопарка рядом со святая святых - Могилой Неизвестного Солдата у Кремлёвской стены или водружение колумбообразного монстра имени Петра I, обезобразившего вид на Кремль и подавившего «возрождённый» тем же халтурщиком храм Христа Спасителя.

Вот лишь малая часть ушей, торчащих из протоколов культурных чиновников, дающих жировать допущенным до кормушки служителям «прекрасного» и впадающих в коллапс при упоминании о музее Гоголя.

Не нашлось в отчёте о пресс-конференции места моим словам, ибо, когда они звучали, уже был свёрстан номер с пространной антигоголевской тирадой председателя ФАККа Швыдкого. Не стану утруждать читателя рассказом о деяниях бездарного шоумена: моё письмо Президенту России о его преступной деятельности стало достоянием общественности, равно как и многочисленные послания тому же адресату от сотен известных учёных, писателей, художников, актёров - всех тех, кому дорого культурное наследие Отечества.

«Понятно, что исследователи Гоголя не являются его душеприказчиками (!!!). И хотя битва за музей на первый взгляд выглядит как битва с чиновничеством, уже на второй взгляд в ней видна битва за имущество. И лишь на третий - за создание Музея», - изрёк министр-разрушитель. С цинизмом нынче сталкиваешься постоянно, но такой цинизм поражает своими грязными ушами. Обвиняет И. Золотусского, И. Антонову, В. Ливанова, А. Калягина, архимандрита Тихона и других членов попечительского совета «Фонда Гоголя» в шкурничестве чиновник, имя которого неоднократно появлялось в прессе и на телеэкранах в связи с участием в «культурных» аферах, ставших объектом изучения следственных подразделений Генпрокуратуры!

«Страшно (а не скучно) жить на этом свете, господа!»

Выкормыши Собчака

Эта грязная история, тянущаяся вот уже четыре года, характеризует, к сожалению, подлинный лик горбачёвско-ельцинской демократии.

Весной 2002 года умер один из выдающихся деятелей отечественной культуры, «музейщик №1», как его по праву называют - Василий Алексеевич Пушкарёв. На протяжении без малого тридцати лет возглавлял он Государственный Русский музей, находясь в постоянном противоборстве с чиновниками. В результате ему удалось пополнить фонды музея на 120 тысяч экземпляров! И поверьте, это не были случайные, проходные вещи. Среди них - 500 икон XIII-XVII веков; замечательные творения классиков русского искусства - от Рокотова до Врубеля; лучшие образцы отечественного авангарда; знаковые создания художников советского времени. Закончил многотрудное поприще хранитель художественного наследия России в Советском фонде культуры, закладывая основы Музея современного искусства.

Мы прощались с Василием Алексеевичем в Никольском храме в Толмачах. Гроб стоял на том же месте, где отпевали Третьякова. Пришло много художников, искусствоведов, реставраторов, писателей, музыкантов. Не «осчастливил» панихиду своим присутствием ни один чиновник Министерства культуры, Академии художеств и Союза художников, а самое страшное - не было тут руководителей Русского музея. В те дни в Петербурге собирался «Интермузей», руководимый «нуворишем» Пиотровским и объединяющий всех российских музейных директоров. Можно ли себе представить, чтобы в дореволюционной России не отправили в Москву делегацию с венками для прощания со специалистом такого уровня? Он ведь один стоил целого «интермузея»! У гроба дорогого человека, с которым мне посчастливилось работать и дружить не один десяток лет, я поклялся сделать всё, чтобы и на доме, где жил Пушкарёв, и в Русском музее появились мемориальные доски.

Сначала хорошо знавшие Пушкарёва славные представители нашей культуры, среди которых Ирина Антонова, Дмитрий Жилинский, Наталья Нестерова, Петр Оссовский, Дмитрий Сарабьянов, Николай Скатов, Валентин Янин, обратились с письмом об увековечении его памяти к министру культуры А.С. Соколову, который незамедлительно отправил соответствующий документ губернатору Санкт-Петербурга В.И. Матвиенко. Ответ из Смольного за подписью г-на Тарасова (зятя Алисы Фрейндлих) был категоричен: согласно канцелярским параграфам, нужно ждать 30 лет со дня смерти Пушкарева, чтобы установить доску.

Директор же Русского музея г-н Гусев сказал дочери своего великого предшественника: «Мы повесим в музее табличку, где перечислим всех его руководителей». Своеобразный поминальный синодик, куда и самого Гусева, глядишь, занесут. Президент Российского фонда культуры Н.С. Михалков попытался достучаться до женского сердца питерской губернаторши. «В плеяде знаменитых людей, прославивших Ленинград, имя Василия Пушкарева стоит рядом с именами Д. Шостаковича, А. Ахматовой, Е. Мравинского, Ж. Алфёрова, Н. Черкасова, К. Сергеева и Г.

Товстоногова», - написал близкий к Президенту культурный деятель. Но это только ещё более разозлило питерскую челядь. Только что родственники Пушкарева получили разгневанную «гусевскую филиппику», где категорически сказано ещё раз о пресловутом тридцатилетнем сроке. Нет стыда у людей.

Моим хорошим друзьям - корифеям русского балета К.М. Сергееву и Н.М. Дудинской - доски были установлены чуть ли не в год смерти. Памятник И. Бродскому проектировался в обстановке максимальной поспешности. Мемориалы более чем сомнительным корифеям рыночного либерализма Собчаку и Старовойтовой открываются торжественно, с почестями, которые раньше оказывались героям войны или покорителям космоса.

Возглавляемый Гусевым Русский музей живёт за счёт богатств, накопленных рачительным и блистательным хозяином - Пушкарёвым. Возят они по миру выставки, составленные из его приобретений, издают альбомы, каталоги, печатают постеры, открытки, на которых очень уместен был бы, как они любят выражаться, пушкарёвский «бренд». А сами упиваются дешёвенькими показами бездарных изначально, но выдающих себя за гениев кабаковых, куперов и прочих генитальных выдвиженцев Швыдкого. Сидят питерские временщики одесную главного хозяина страны и думают, что схватили Бога за бороду. Нет, господа хорошие, хозяева меняются, а вместе с ними летят в тартарары и холуи. Такие же люди, как Василий Пушкарев, навечно остаются в памяти благодарных потомков, которым он оставил спасённое им духовное богатство.

Закономерная случайность: пропажи в Эрмитаже

Весть о разграблении фондов одного из главных музеев России настигла меня во Пскове и заставила содрогнуться, словно мощный электрошоковый разряд. Вот уже почти полвека работая в области сохранения культурного наследия, привык я принимать близко к сердцу любое происшествие, наносящее ущерб памятникам архитектуры или музейным коллекциям. Нынешнее же преступление совершено в наиболее защищённом и тщательно охраняемом мегамузее, а потому особенно тревожно и знаково. Оправившись от первичного потрясения, вспомнил я о серьёзном предупреждении, которое шесть лет назад комиссия Счётной палаты во главе с Юрием Болдыревым сделала руководству Эрмитажа. Меня обескуражило тогда поведение его директора г-на Пиотровского, который серьёзнейшие нарушения режима хранения ценностей, выявленные в процессе ревизии, пропустил мимо ушей, обрушив артистически разыгранный гнев на главу комиссии. Юрий Болдырев - один из немногих политических и государственных деятелей, не запятнавших свою тогу гражданина России в годы беспредельного её разграбления и оплёвывания. Вместо того, чтобы цинично-победительски поносить его в средствах массовой информации, следовало бы обласканному властями хозяину Эрмитажа незамедлительно принимать

меры по выявлению причин пропажи многочисленных предметов старины из различных отделов и наводить порядок в доме. Но, видимо, важнее для г-на Пиотровского было открытие филиала Эрмитажа в Лас-Вегасе (!), приобретение за миллион долларов потанинских денег совсем не для царской резиденции писанного Малевичем «Чёрного квадрата» или пополнение классической коллекции более чем сомнительными творениями его кумира-постмодерниста Кабакова.

Во Пскове я был уверен, что через день после случившегося г-н Пиотровский, следуя мировой музейной традиции, подаст прошение об отставке. Вместо такого закономерного и достойного решения директор стал искать виноватых в предании гласности случившегося и приказывать сотрудникам держать язык за зубами. Ну да, это у него наследственное. Лет двадцать пять назад, когда в Эрмитаже один из хранителей похитил драгоценные камни, заменив их стекляшками, а оригиналы вывез в чужеземство, отцу г-на Пиотровского, вместо заслуженного наказания, вручили звезду Героя Соцтруда.

Промолчал «герой» и когда международный аферист Хаммер «подарил» Эрмитажу фальшивый портрет якобы кисти Гойи, получив взамен от Советского правительства холст Малевича, проданный потом спекулянтом за несколько миллионов долларов. Любят демократы, к цвету которых относит себя Пиотровский-младший, цитировать слова Галича «промолчи - попадёшь в палачи», забывая, что это и про них сказано.

Выяснять, виновны ли в совершении преступления умершая на работе музейная сотрудница и её родственники - дело следственных органов. Меня же радует, что владелец антикварного магазина «Ортодокс-Антик» В. Студеникин незамедлительно вернул «Росохранкультуре» два предмета, приобретённых несколько лет назад, увидев их фотографии в Интернете. Он неоднократно показывал эти вещи на антикварных салонах, но никто из подчинённых г-на Пиотровского не обратил внимания на свою собственность. Кстати, обескураживает музейных специалистов почти полное отсутствие фотографий в картотеках Эрмитажа, куда занесены сведения о похищенных предметах. Негожее это дело!

Чиновники культурных ведомств, наперебой выказывая внешнюю готовность к борьбе с нерадивыми подопечными, единодушны в своём решении насчёт тотальных проверок и принятия чуть ли не карательных мер ко всем без исключения российским музеям. Это непродуманное, продиктованное сиюминутной паникой решение. Служа по России, я с абсолютной ответственностью заявляю, что хранители историко-культурного наследия в провинции не могут быть даже подозреваемы в нарушении музейной дисциплины и каких-либо попытках разжиться, пользуясь служебным положением. Получая смехотворное жалованье, верой и правдой стоят они на страже государственного имущества. Какие-то нелепые случайности, конечно, возможны, но они, к счастью, происходят крайне редко. Абсолютно спокоен я за судьбу раритетов,

хранящихся в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Историческом музее, Третьяковской галерее и других столичных сокровищницах, ибо руководят ими профессиональные и рачительные специалисты.

Самую большую тревогу и озабоченность в связи с «эрмитажной трагедией» вызывает у меня непродуманная, искусственно выстроенная управленческая система в области культуры. Сразу три ведомства отвечают за судьбу важнейшей составляющей государственного аппарата. Министерство культуры и массовых коммуникаций, Федеральное агентство по культуре и кинематографии и «Росохранкультура». У семи нянек, как известно, дитя всегда без глазу. Особенно если в няньках ходит самодеятельный шоумен г-н Швыдкой, успевший нанести непоправимый вред нашей культуре за время своего волюнтаристского правления. Несколько месяцев назад я отправил письмо Президенту России В.В. Путину, где указал на самые вопиющие проступки бывшего министра, а ныне председателя ФАККа Швыдкого!

Подручные обвиняемого мною, обязанные подготовить ответ мне, прислали лживые бюрократические цидульки. И сегодня, когда я вижу на экранах телевизора повинного в эрмитажном ограблении чиновника, я не верю ни одному его слову. Единомышленник и ближайший подельник г-на Пиотровского грозится обложить его денежным штрафом, что выглядит смешными считалочками для детей дошкольного возраста. В своём бездарном шоу «Культурная революция» Швыдкой сумел нанести ощутимый удар по духовному воспитанию современного человека. «Музеи - кладбища культуры» - вот один из лозунгов, озвученных ответственным за судьбу культурного наследия чиновником. Можно ли после таких передач удивляться плачевному состоянию музейного дела и участившимся случаям разграбления государственных кладовых?

P.S. Промолчал отец Пиотровского, когда заинтересованные органы разыгрывали фальшивый спектакль о надуманной свадьбе дочери тогдашнего ленинградского хозяина Романова. Не гулялась эта свадьба в Эрмитаже и не билась царская посуда партийными лидерами, ибо они привыкли пользоваться тарелками с гербами СССР и маркировкой «Общепита».

Беспамятство

Победные майские дни я положил за правило проводить в старинном Суздале. Война, а вернее, боевые действия миновали эти края, но братские могилы и памятники воинской славы, воздвигнутые благодарными потомками, свидетельствуют о подвигах суздальцев, отдавших жизни за Родину. Суздальская земля подарила России великого Суворова, в Суздале был похоронен и другой прославленный полководец - князь Пожарский. Вместе с друзьями посещаем мы здешние памятные места, вспоминаем знаменитых военачальников и не устаём поражаться варварству и вандализму «творцов» кровавой революции. Мало им было бессмысленной и жестокой бойни, мало расстрелянных, повешенных,

закопанных живыми в землю священников, учёных, писателей, художников и безвинных крестьян. Они с фантастическим упорством уничтожали драгоценные свидетельства памяти, рушили прекрасные усадьбы, взрывали храмы, сжигали возами иконы и редкие библиотеки. Пусть те, кто пытается сравнить большевистскую идеологию с христианскими постулатами, поедут в суздальское село Кистошь, где когда-то было имение Суворова и построенная под его присмотром великолепная церковь. Трудно себе представить, чтобы на родине Наполеона или Нельсона царила такая разруха и господствовал мрак запустения. Здесь в нынешний приезд мне вспомнились почему-то планомерные поступки идеологов революции, уничтоживших святыни нашей истории.

В 1918 году был закрыт мемориальный музей А.В. Суворова в Петербурге.

В 1929 году взорван Нижегородский храм, в котором находилось захоронение Кузьмы Минина.

В 1930 году снесён с лица земли главный Собор Рождественского монастыря во Владимире (XII век), где в ноябре 1263 года торжественно погребли Александра Невского.

В 1933 году разобрали часовню Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, сооружённую над могилой князя Д.М. Пожарского по всероссийской подписке. Видимо, она нелепо смотрелась рядом с помещением политизолятора ОГПХ, расположившимся в монастыре.

К сожалению, этот скорбный мартиролог можно продолжать долго. Волосы встают дыбом, если читаешь протоколы, составленные по случаям надруганий над священными мощами великих подвижников, молитвенников Русской земли. В трудные месяцы 1941 года, когда решалась судьба Отечества, Верховный Главнокомандующий вспомнил имена тех русских полководцев, чьи подвиги должны осенить действия советских солдат и офицеров. Были утверждены ордена и медали, украшенные их светлыми ликами, но никому и в голову не пришло позаботиться о восстановлении могил и памятных мест, связанных с жизнью и подвигами столпов державы

Не хотелось мне в эти победные дни думать о спорах, связанных с революционным кладбищем, устроенным большевиками на Красной площади. Мне, человеку истинно верующему и историку по образованию, стыдно видеть и слышать нынешнего лидера коммунистов Зюганова, пытающегося объединить пионерский галстук, украшающий его костюм, и церковную свечу в руках. Не знаю, завещал ли вождь мирового пролетариата похоронить себя рядом с матерью, но в православной стране такое погребение обязательно. Не хочу торопить события, но уверен, что Господь управит, и если не мы, то наши дети дождутся того светлого дня, когда прикремлёвский погост разместится во вновь отстроенном пантеоне. Соотечественники будут приходить туда, чтобы поклониться Королёву, Гагарину и другим великим людям. Пройдут

неразбериха и суета, царящие ныне на дворе, и перестанут произноситься всуе вместе со священномучениками, в российской земле просиявшими, имена их убийц. Недолго простоял гипсовый памятник Иуде, воздвигнутый при осуществлении ленинского плана монументальной пропаганды. Точно так же исчезнут рукотворные идолы вождям революции, соседствующие зачастую рядом с монастырями и храмами. Не будут больше пассажиры метро садиться в поезда на станции, носящей имя одного из убийц царской семьи Войкова, а Екатеринбург станет центром одноимённой губернии, не увенчанной больше фамилией Свердлова - коварного палача революции.

Сберечь каждое брёвнышко!

Из всех видов реставрационных работ в Абрамцеве признают один - выкорчёвывать

В последнее время мне столь часто приходится выступать против всякого рода варваров, уничтожающих бесценные творения живописи и архитектуры, что невольно приходит в голову мысль: а не создать ли в МЧС специальное подразделение, которое помогало бы реставраторам и музейным работникам противостоять этому цунами?

Не снимая с себя ни малой доли ответственности за те обвинения, что были выдвинуты мною против нынешнего директора музея-усадьбы «Абрамцево» А. Пентковского, считаю необходимым предоставить слово людям, чья жизнь самым тесным образом связана с аксаковско-мамонтовским гнездом.

«Два года назад в нашем музее сменилось руководство, директором «Абрамцево» стал Пентковский Александр Мстиславович. Многие из нас обрадовались приходу энергичного человека.

Но мы считаем, что ныне вся его деятельность направлена не на созидание, а на разрушение. С особой яростью он взялся за парк, безжалостно выкорчёвывая всё, что не соответствует его туманной концепции музея «европейского уровня»... Целенаправленно уничтожаются подрост и подлесок. Нарушается главный принцип пейзажного парка - его естественность... В течение уже почти двух лет идёт только вырубка, не посажено ни одного дерева... В прошлом году варварски осушен и очищен без предварительных исследований Верхний пруд - элемент парковой композиции XVIII века, в результате чего он зарос болотной растительностью. В мае перекачали воду из так называемого Пополкина пруда, тоже исторического. Теперь на его месте котлован... В плачевном состоянии русло реки Вори, поскольку по инициативе Пентковского понизили уровень плотины...

Недавно в музее работала комиссия «Росохранкультуры», которая вынесла решение о приостановлении работ в парке. Однако уже на следующий день по приказу директора вырубили несколько яблонь...

Кроме проблем парка, есть и много других: в плачевном состоянии находится главный усадебный дом, ухудшилось состояние церкви Спаса

Нерукотворного, уникального памятника, выполненного по проекту В.М. Васнецова... В музее сложилось катастрофическое положение с кадрами. За это время ушло около тридцати научных сотрудников. А директор только повторяет: «Незаменимых нет!»

Под этим письмом стоят подписи одиннадцати сотрудников «Абрамцево», верно служивших ему в течение многих десятилетий.

А вот что говорит известный поэт, лауреат Солженицынской премии Юрий Кублановский, прочными корнями связанный с «Абрамцевом».

- «Последствия хозяйничания в музее-усадьбе «Абрамцево» «доктора восточных наук» А. Пентковского считаю катастрофическими. Изуродованы ландшафты, гниют памятники архитектуры, в массовом порядке вытесняются заслуженные сотрудники. «Абрамцево» деградирует на глазах. Долг каждого из нас - попытаться спасти священное гнездо семейства Аксаковых... По-видимому, в чиновных кругах у Пентковского - умело поддерживаемый им имидж просвещённого европейца (он учился в Риме), который борется с российской косностью. Но голос абрамцевской интеллигенции должен быть услышан!»

Ещё цитата. В своём обращении «Беда в Абрамцеве» крупный учёный, искусствовед с мировым именем академик Дмитрий Сарабьянов и народный художник России Павел Никонов пишут: «Каким образом такое ответственное и тонкое дело, как руководство музеем, было доверено дилетанту, два года бесконтрольно хозяйствующему в легендарной усадьбе? Кто его туда посадил?.. Неужели правда, что чиновник чиновнику глаз не выклюет, и Федеральное агентство по культуре и кинематографии, вместо того, чтобы оперативно и мужественно исправить ошибку, прикрывает своего назначенца?»

Руководитель ФАККа Михаил Швыдкой ответил на сигналы SOS, подаваемые из гибнущего музея-усадьбы, в одной из газет. Хладнокровно попросил никого не беспокоиться, поскольку ситуация, по его мнению, совсем даже не тревожная, а директор Пентковский - единственный специалист, способный вывести музей из кризиса. «...Мы все вместе поставим точку в решении проблем «Абрамцева» только тогда, когда откроем отреставрированный усадебный дом, увидим парки и долину Вори, какими они изображены на знаменитых пейзажах, откроем «белый дом» с экспозицией великолепных работ художников, работавших в «Абрамцево», - пишет чиновник. И так далее - в духе «Всё хорошо, прекрасная маркиза!»

В 1917 году Павел Флоренский писал А.С. Мамонтовой: «Я верю, нигилизм докажет своё ничтожество... И тогда будут холить и беречь каждое брёвнышко аксаковского дома. Самое худшее, если бы Абрамцево уничтожить физически, но и тогда, несмотря на великое преступление, если будет жива идея Абрамцева, не всё погибло».

Нам же сегодня в сложившейся ситуации ни в коем случае нельзя опускать руки. Иначе мы обречём усадьбу «Абрамцево» на тяжёлую болезнь, сделаем горький «подарок» к приближающемуся 200-летию

великого Гоголя, для которого аксаковский дом был столь же близок, как родительское имение, Царское Село, римская обитель и все места, где создавал он свои шедевры.

Вальпургиева жизнь

Советская империя, поразившая своим величием мир, заставив его удивляться, бояться и восхищаться победой над отлаженной военной машиной нацистской Германии, завоеванием космоса, могучим талантом писателей, композиторов, великолепных режиссёров театра и кино, неповторимых балетных звёзд, выдающихся спортсменов и воздушных асов, не смогла противостоять бездушным партийным чиновникам, серым управленцам и гнусным предателям, окопавшимся в кабинетах Старой площади и Лубянки. Заокеанские стратеги радостно потирали руки, видя, как клюют на их отравленные приманки всякого рода яковлевы, калугины, ковалевы, боннэры, войновичи и прочие жучки-точильщики, медленно, но верно разъедающие живоносные ткани имперского древа.

Страстно и самозабвенно стремившиеся стать единственной и неповторимой «империей зла», Соединённые Штаты не жалели средств и драгоценного времени для осуществления мерзких по своей сути планов Трумена, Даллеса и Бжезинского, направленных на уничтожение советской державы. Дождались они, когда судьба выплеснет на поверхность Горбачёва с Ельциным, избрав их мелкими исполнителями большой исторической трагедии. Переломив об колено прогнившую государственную систему, обрекли эти жалкие рабы западных кукловодов вверенный им народ на ускоренное вымирание. Одним из самых страшных знамений перестроечно-либерального времени стало уничтожение духовных и культурных ценностей, искажение исторической памяти и растление нации с помощью пролживленных средств массовой информации, бездарных и беспринципных «мастеров культуры», самостийно отнёсших себя к элите общества.

Я не могу без отвращения и чувства глубокого стыда лицезреть и читать отчёты о светской жизни, героями которых являются одни и те же персонажи, верой и правдой служащие ограбившим страну акулам первоначального, бесконечно продолжающегося накопления капитала.

«В московском ресторане «Прага» свой 16-й день рождения отметила радиостанция «Эхо Москвы»... Главный редактор «Эха» Венедиктов стал рыцарем под наблюдением лидера КПРФ Зюганова, председателя нацболов Лимонова, председателя политсовета СПС Белых, экс-главы администрации Ельцина Волошина, журналистов Доренко, Киселева и многих других». Франция наградила «Веника» орденом Почётного легиона одновременно с Путиным (смешно, не правда ли?). «В очередь поздравлять «рыцаря» выстроились телеведущий Сванидзе, депутат Глазьев, журналист Сорокина... Новодворская, покрасив волосы в чёрный цвет, надела чёрное же платье с люрексом. Её наряд был подозрительно похож на вечерний туалет г-жи Матвиенко, а костюм главной правозащитницы Памфиловой подчёркивал сильные стороны её личности:

свободный мужской крой и приспущенный галстук». Знаменательно, что эти «кони-люди», среди которых засветились никообразный Гусман, злостный русофоб Ганапольский и вездесущий опустошитель банкетных тарелок Жириновский, «смешались в кучу» в скорбную годовщину кровавого расстрела Белого дома, который они в 1993 году радостно приветствовали.

А в ресторане «Метрополь» символ ельцинской России Ксюша Собчак в это же время вручала бриллиантовые знаки «самым модным и успешным мужчинам страны». Тут собрались постоянные обитатели светского стойла: главный «фотограф» Свиблова, горе-футболист Булыкин, мадам Слуцкер, баронесса Гечмен-Вальдек, тверской губернатор Зеленин, чеченский принц Джабраилов и неизменный гость всех вечеринок - некое «чадо» Березовского по фамилии Руга. Опоздавший к раздаче цацек балерун Цискаридзе с растерянной улыбкой воскликнул: «Где я? Что здесь происходит?»

Извини, дорогой читатель, что утомил тебя пространным цитированием из года в год обрушиваемой на наши головы пошлости, захлестнувшей зажравшихся гостей на балу незаслуженной и сомнительной удачи. Им плевать на то, что нация вымирает. Не беспокоят их постоянно повышающиеся цены за коммунальные услуги и катастрофически дорожающий бензин. Не надо им часами сидеть в очередях районных больниц, где получающие гроши лекари вряд ли способны облегчить наши с вами недуги. У них всё схвачено, за всё заплачено - и нет проблем.

Вальпургиева жизнь царит и среди людей, призванных просвещать и окормлять нас с вами. Никогда не забуду лизоблюдствовавшего на домашней кухне Ельциных не лишённого кинематографического дарования режиссёра Рязанова. Принимая телезрителей за абсолютных лохов, показал он старенькую табуретку, привезённую свердловским «Троекуровым» в Москву по бедности. Такой в ней торчал гвоздь, что даже могучий рязановский зад потревожил. А гостеприимная жена президента Наина угощала желанного гостя и любимого мужа котлетами из фарша, купленного ею в магазине полуфабрикатов. Видимо, президентская обслуга, призванная пробовать его пищу, упала в обморок от такой чудовищной лжи.

Но Рязанову, как говорится, хрен по деревне. Он недавно ещё хлеще отчубучил, поздравляя своего дружка Швыдкого с днём рождения в газете. Оказывается, «дорогой Миша» - тот самый министр, при котором только и расцвёл рязановский талант и обрёл подлинную мощь. Забыл потерявший стыд кинодеятель, что в тоталитарном прошлом остались «Карнавальная ночь», «Берегись автомобиля» и другие его удачи, а при Мише снимает он сущую вампуку, ничем не отличающуюся от прочих культурных отходов швыдковской эпохи.

Очень похожий по развязности и отсутствию стыда на Рязанова «кот Матроскин» Табаков за безобидную критику в свой адрес со страниц «Труда» подаёт на газету в суд, а при случае может и «самому», как он

называет президента, пожаловаться. Плевать ему на то, что национальное достояние - МХАТ, вверенный в его руки, перестал быть академическим, да и подлинным художеством в нём давно не пахнет. Давно уже плетётся бывший партийный секретарь Табаков в хвосте у разного рода поругателей отечественной театральной классики типа управдома Фокина, переквалифицировавшегося в режиссёра, или доморощенных «гениев», потчующих современников «Голыми пионерками», «Антошами и Клёпами», «Детьми Розенталя» или опохабленным «Евгением Онегиным».

Страшно сказать, но привыкшие к вальпургиево-светской жизни либералы, ненавидящие любой правопорядок, умудрились объединить траурный митинг памяти убитой журналистки Политковской с демонстрацией в поддержку якобы несправедливо поругаемой саакашвилиевской Грузии. А может, так заранее и было задумано?

Возврату не подлежит

В Министерстве культуры и массовых коммуникаций РФ состоялось заседание Межведомственного совета по вопросам культурных ценностей, перемещённых в результате Второй мировой войны. Члены совета единогласно проголосовали за возвращение шести витражей церкви Св. Марии (Мариенкирхе) во Франкфурте-на-Одере, хранящихся в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

Своё выступление перед голосованием о возврате Германии шести витражей XIV века Мариенкирхе я начал с пословицы «Снявши голову, по волосам не плачут». Действительно, после более чем сомнительной акции директора «Эрмитажа» г-на Пиотровского, практически безвозмездно «отстегнувшего» немцам 111 витражей для церкви Св. Марии, благотворительную акцию для «пастора Шлага» осталось только благородно завершить. Но я ещё раз задаю членам совета вопрос: «Почему чудовищно пострадавшая от нацистских захватчиков Россия должна безвозмездно разбазаривать государственные ценности? (Мелкие деньги, отпущенные на восстановление новгородского храма Успения на Волотовом поле, - лишь крупица от той суммы, которой оцениваются витражи XIV века.) Почему не учли инициаторы такого расшаркивания перед страной-захватчицей мнения по этому вопросу бывшего председателя Комитета по культуре Госдумы Н. Губенко, директора Пушкинского музея И. Антоновой, Чрезвычайного и Полномочного посла В. Фалина и вашего покорного слуги, стоявшего у истоков рассекречивания трофейных ценностей, их реставрации и широкого показа на выставках?» Точно так же поступили г-да Пиотровский, Швыдкой и их клевреты, тайно организовав безвозмездный возврат (безвозмездный для государства, но отнюдь не благотворительный).

Две недели разыскивал по Москве листы Бременской коллекции Н. Губенко, обратившийся с письмом к Генеральному прокурору РФ, требовавшим пресечь более чем сомнительную сделку. Промолчали скромно начальники от культуры, когда некий гражданин России

инкогнито принёс в немецкое посольство в Москве 102 бременских листа в качестве якобы подарка, хотя знали, что под маской «бескорыстного» дарителя скрывается один из тройки лихих «капитанов» «Балдин, Баландин и Балакин». Именно последний, когда наша делегация вела в Бремене государственные переговоры о компенсаторном возвращении коллекции, вступил в сговор с немцами, принявшими условия его нечистоплотной игры. Пролежав в посольстве восемь лет, «листы Балакина» благополучно уплыли в Германию. Можно ли хотя бы представить себе подобную ситуацию, когда в наше посольство в Бонне немецкий мародёр приносит украденные из России сокровища? Западная демократия такого не допустит.

Если созданная в 1992 году Комиссия по реституции при Президенте РФ ставила действенные заслоны, пресекающие обворовывание щедрым и нетрезвым Ельциным трофейных фондов (не дали мы ему подарить «другу Колю» Библию Гуттенберга из библиотеки МГУ; остановили разбой бурбулисовских молодчиков, ночью снявших печать спецхрана с «Венгерской коллекции» и беспардонно конфисковавших пару картин, чтобы положить их в багаж Ельцина для подарка венгерским руководителям), то нынешние культуртрегеры действуют в лучших грабительских традициях Ленина и Троцкого, сплавлявших через грязные ручонки Хаммера редчайшие драгоценности и произведения искусства из разрушенной России.

Не чужды «дарителям» и вождистские замашки Сталина, распродававшего церковные и музейные ценности Меллонам, Дюпонам, Ашбергам и Ханнам. Но тирану нужны были деньги на строительство Днепрогэса, а нынешние даже не стремятся получить средства на спасение гибнущего древнего Пскова, Абрамцева и многих других разрушающихся святынь. Скорее пекутся они об олигархических «монстрах», обезобразивших окрестности Москвы, Петербурга и других мегаполисов. Осеняют сомнительную деятельность «бескорыстных» возвращенцев и волюнтаристские подвиги Хрущёва, с бухты-барахты вернувшего гэдээровским братьям по партии миллионы трофейных единиц, в том числе и уникальное собрание Дрезденской галереи. Близки им душевные порывы Брежнева с Горбачёвым, продолживших генеральную линию партии по опустошению государственной казны. Как щедро облагодетельствовал «катастройщик» из Ставрополя дышащего на ладан, но всегда готового поживиться за счёт СССР Хаммера. Нашёлся в те тоталитарные времена лишь один человек - «музейщик №1», директор Русского музея Василий Пушкарев, который осмелился пойти против воли Брежнева и Фурцевой, приказавших ему передать холст Малевича в обмен на фальшивый образчик, выдаваемый за творение Гойи, который международный аферист якобы дарил Эрмитажу. Нынешние же действуют по принципу «одобрям-с» и руководствуются отнюдь не державными принципами.

Вот почему приходится быть постоянно начеку, чтобы не уплыли от нас «безвозмездно» жалкие остатки трофейных культурных ценностей. То и дело проползают слухи о готовящейся отправке Бременской коллекции

в Германию, собрания Кенигса в Нидерланды. Печально, что инициаторами этих позорных сделок выступают те, кому доверено порулить культурной политикой. Ничего они не предпринимают, дабы спасти гибнущий на глазах Псков, приостановить разрушение Абрамцева, запретить всесильному Церетели высаживать чудовищный зверинец рядом со святая святых - Могилой Неизвестного Солдата. Зато с чудовищным упорством мешают они открытию единственного в России музея великого Гоголя, чей юбилей будет скоро отмечаться мировой общественностью. Молчат начальники от культуры, когда американские варвары уничтожают золотой фонд ЮНЕСКО - монастыри и храмы Сербии и грабят богатейшие музейные сокровищницы Багдада.

Им нужно во что бы то ни стало доказать, что Америка - идеал для нашего подражания или убедить сограждан в справедливости лозунга «Русский фашизм страшнее немецкого». Согласны они с горе-мэром Поповым, с точностью до одной десятой пересчитавшим немок, изнасилованных советскими бойцами и обличившим знаменитых русских художников, реставраторов и музейных работников в мародёрстве, ибо они увезли в Москву сокровища Дрезденской галереи, а не стали восстанавливать их под градом снарядов в гитлеровских штольнях, приготовленных к затоплению. Представляю, что сказали бы этим «лучшим немцам» мои учителя Павел Корин, Виктор Лазарев, Степан Чураков, спасшие «Дрезденку» и многие годы реставрировавшие её шедевры в России, чтобы Хрущёв и нынешние его наследники забыли о действиях варваров штаба Розенберга, укравших и уничтоживших всё, что попалось под загребущие руки, и изгнанных из нашей выжженной и разорённой страны. Мой долг - хранить память о всех подвижниках, прославивших русскую культуру и до конца оставшихся патриотами Отечества.

Из дальних странствий возвратясь...

Немногочисленные мои деловые вояжи в чужеземство всегда почти совпадают с трагическими событиями в жизни Отечества. Осенние встречи 2002 года с итальянскими коллегами во Флоренции проходили под чудовищным знаком беды на Дубровке, когда чеченские негодяи зверствовали в не покорённой даже их нацистскими предшественниками Москве.

Весной 2004 не попал я на отменённый концерт своего друга Максима Шостаковича в Афинах, ибо многотысячные отряды свободолюбивых греков протестовали несколько дней у американского посольства, проклиная «империю зла», начавшую распинать Ирак. Все греческие новостные телепрограммы выходили с логотипами: «Боже, помоги несчастному Ираку!», «Боже, покарай Америку!» - и только доступный в Афинах «родной» Первый канал устами своей сладкоголосой сирены Сорокиной и отобранных ею делателей «основного инстинкта» (Козырева, Бовина, Радзиховского и прочей либеральной шушеры) пытался убедить население «этой страны», что нас происходящее на Востоке не должно

касаться.

В предпасхальные дни 2005 года, возвращаясь со Святой Горы Афон, узнали мы с Валентином Распутиным о назначении разрушителя основ православия и русской культуры, шоумена Швыдкого на должность руководителя ФАККа, своего рода «умного еврея» при номинальном губернаторе - министре культуры А. Соколове.

Нынешняя трёхнедельная поездка в Италию поначалу радовала меня плодотворными делами и встречами в Венеции, куда привёз я иконы, написанные специально для здешних храмов талантливыми современными мастерами, возрождающими многовековые традиции церковной живописи. Перебравшись затем в бесконечно любимую Тоскану, чтобы ещё раз восхититься гением Микеланджело, Пьеро делла Франчески, Симона Мартини и Паоло Учелло; поклониться в соседней Умбрии Святому Франциску Ассизскому («Сады в Ассизи - те же, Что на угорьях тихих в Радонеже: Одни цветы и труд, одна - любовь...»), остановился я в маленьком крестьянском городке Монтерки в родовом доме старого приятеля Анджело Перлы - хранителя памятников здешней старины. Итальянская ранняя весна была в разгаре: живописные поля, сады, огороды и виноградники поражали ухоженностью и кажущейся мне неземной красотой. Невольно вспомнились школьные годы, когда проводил я каникулы в бабушкиной деревне на Брянщине, где, несмотря на страшные годы раскулачивания и едва залеченные раны немецкой оккупации, застал аромат русской деревни, принимая посильное участие в сенокосах, сборе яблок, заготовках овощей на зиму и наблюдая, как трудится в кузнице один из моих старообрядческих дедов.

Когда в очередной раз, поднимаясь по горным дорогам Тосканы, любовался я трудящимися на её земле крестьянами, страшные картины вдруг пронзили мою память. Перед глазами, словно в траурной кантилене кинохроники, поплыли заброшенные деревни суздальского ополья с жутко хлопающими на ветру ставнями домов, хранящих ещё остатки человеческого тепла. Их сменили многокилометровые невозделанные поля любимой Псковщины, мёртвые пастбища на длинном пути из Москвы в Новгород, заросшие бурьяном, титаническим трудом многих поколений крестьян приспособленные под хлебные житницы суровые северные просторы Заонежья.

На обратном пути из Венеции в Москву целый день смотрел я из окна вагона на весенние просторы Белоруссии и радовался, что хотя бы здесь стараниями братского нашего соседа и ненавидимого Западом и «Немцовыми» батьки Лукашенко теплится надежда на будущее возрожение славянского мира, обречённого к уничтожению сначала гитлеровской человеконенавистнической зондеркомандой, а теперь третируемого верными её продолжателями во главе с рейганами, бушами, олбрайтами и соланами.

«Демократическая общественность России не на шутку взволнована: президентом одной из стран СНГ, а точнее Белоруссии, стал порядочный человек. Есть ли сегодня что-либо невыносимее для нечистой совести

интеллектуальных трубадуров нашего воровского режима? Как так - не берёт? Это что ещё за целка в бардаке? Не позволим! Не может - научим, не хочет - заставим! (Боюсь, в конце концов заставят-таки, мерзавцы!) Треть зарплаты в казну сдаёт? Ишь ты, чего удумал, козёл совхозный, альтруист, понимаешь, хренов! Мы тебе за эти фокусы такую козу сосватаем, до гробовой доски заикаться будешь! С Россией объединяться намылился? В «империю зла» нас опять затягиваешь, зебра красно-коричневая? Ты у нас по такому случаю собственной кровью захлебнёшься и кровавыми слезами умоешься, заединщик недорезанный! Ату его!..» И всё это говорится и пишется на фоне чудовищного по своему размаху грабежа России, возникновения миллиардных состояний, беспрецедентной в истории человечества почти узаконенной коррупции. Нет предела бесстыдству и подлости наших «властителей дум», за вознаграждение готовых уличить в грехопадении даже святых угодников...

Дорогой Александр Григорьевич, мне нетрудно догадаться, как тяжело, как одиноко Вам в Вашем теперешнем положении: казна пуста, страна разрушена, сопредельный мир враждебен. Старо-новая номенклатура в союзе с оголтелыми шовинистами делает всё, чтобы задушить в своей смертоносной паутине всякую Вашу инициативу или начинание. Но злобный лай врагов - лучшее подтверждение Вашей правоты. Главное, чтобы Вы не сдались, не сломались, не опустили руки. Господь не оставит Вас! Пусть согревает Вас духовная и душевная поддержка миллионов людей на всём пространстве бывшего СССР и не только на нём, связывающих с Вашим именем, с Вашей личной порядочностью свои надежды на лучшее будущее. Я один из этих миллионов, и вот Вам моя рука. Ваш Владимир Максимов».

Это написал в 1994 году один из борцов с прогнившим брежневско-андроповским режимом - подлинный, в отличие от декоративных несогласных аксёновых и войновичей, диссидент Максимов. Какими же ничтожествами на фоне совестливого борца за демократию смотрятся нынче мелкотравчатые шереметы, немцовы, волчеки и прочие гонители белорусского президента! Стоило бы перечесть провидческие максимовские строки и нашим руководителям, прежде чем вводить «газовую» блокаду последнего и самого верного нашего союзника.

Без малого полувековая моя биография реставратора-искусствоведа – это, прежде всего, поездки по стране, а в последнее время и за её пределы. Я человек командировочный в самом прямом смысле слова. Две трети рабочей жизни отмечены печатями в графах подорожных бланков, где значится «убыл - прибыл». Из каждой командировки спешу в Москву, чтобы поделиться с друзьями и коллегами радостью открытия забытой иконы или картины, рассказать о встречах с интересным человеком, начать подготовку к новой выставке, готовить к изданию очередную книгу. Вот и в нынешней поездке впервые увидел я в залах флорентийской Академии подлинного микеланджеловского Давида и был потрясён (в который раз!) божественным предначертанием судьбы одного из гениев человечества, сумевшего достичь в сложнейшем искусстве

скульптуры высот поистине запредельных.

А в Вене, где пережидал московский поезд, со мной произошло чудо из чудес. Всю жизнь мечтал я посетить одну из богатейших сокровищниц мировой живописи - Венский Музей истории искусства. И без того больные мои ноги подкосились, когда строгий страж музейных врат огорошил меня сообщением о выходном дне, пришедшемся на нынешний приезд. Отчаявшись, постучался я в дирекцию и представился реставратором из России. Невероятно, но через пять минут научный сотрудник, выдав специальный пропуск, открыл все двери огромного музея. Не помня себя от счастья, сидел я в зале, окружённый столь вожделенными полотнами Питера Брейгеля, досконально изученными в альбомах и монографиях; затаив дыхание, рассматривал редчайший шедевр Вермеера; наслаждался божественной живописью веласкесовских инфант. А в рубенсовских галереях, таких же больших и светоносных, как сама живопись великого фламандца, ждала меня встреча с очаровательной Ингрид Хопнер - главным реставратором по масляной живописи, с которой мы сразу нашли общий язык и из обычного зрителя я превратился в коллегу большого мастера и знатока многих полотен Венского музея. Обо всём этом мне не терпелось поведать как можно большему числу друзей и знакомых по возвращении на Родину. Но не тут-то было! Приезд в Москву совпал со смертью разрушителя основ этой самой Родины - Ельцина - и ещё раз заставил убедиться в порочной беспринципности, лживости, корыстолюбии и нечистоплотности той части нашего общества, которая почему-то называет себя элитой и которую её вождь и учитель Ленин пророчески окрестил дерьмом, употребив, правда, более откровенное выражение, которым мне не хочется пачкать бумагу.

Гражданскую панихиду по Ельцину заменили на церковное отпевание. В храме, согласно канонам, речей не произнесёшь. Осанну усопшему благодетелю либеральные «элитчики» во весь голос пропели с телеэкранов и страниц личных «демократических» газет. Зарябило в глазах от подзабытых пособников Ельцина, ломавших страну об колено. Нарумянившись и освежив себя дорогим парфюмом, пытались повернуть колесо истории вспять изрядно подряхлевшие Чубайс с Гайдаром, Хакамада с Немцовым, Нарусова с Сатаровым. Они, хотя и липовые, но политики и могут играть по законам лохотронщиков. Но какими же мелкими, ни на йоту не выдавившими из себя раба, смотрелись служители муз, только суету и терпящие. Артисты, писатели, режиссёры, художники были похожи на банковских вкладчиков, сорвавших большие проценты при находившемся на хозяйстве Ельцине. Им наплевать на кровавую чеченскую бойню, на варварский расстрел российского парламента. «Пусть другие кричат и корячатся от обиды, от горя и голода», - пропел бы Галич всем этим табаковым, сокуровым, захаровым, мессерерам, лоснящимися от сытного питания ртами прославляющим президента, принёсшего стране ущерб, сопоставимый разве что с последствиями Второй мировой. Они в шоколаде - и это главное.

Нищие врачи и учителя, два миллиона беспризорных детей, опущенная донельзя русская деревня, повальный сифилис, СПИД,

туберкулёз их не касаются. Они, руководимые растлителем человеческих душ Швыдким, ставят своих «детей Розенталя», «голых пионерок» и «шутов Балакиревых», издеваются над русской классикой, превращая в посмешище великие творения Пушкина, Гоголя, Толстого и Достоевского. Корчатся в пароксизме циничности и надругательства над самыми заветными и чистыми истинами женоподобные тани и дуни, ксюши и оксаны, выпускают книги, унавоженные матерщиной и другими уголовно наказуемыми непотребностями всякого рода сорокины, ерофеевы, минаевы, приговы и прочие поповы с успенскими. Именно за это благодарят они Ельцина и отпущенную им свободу. Убедиться в последствиях эпохи всепоглощающего хапка можно, раз-другой посмотрев отчёты о тусовках нынешней знати, захлестнувших всё столичное пространство: от заваленных жратвой, импортными шмотками и супердорогими автомобилями резерваций Рублёвки до торжественных залов бывшего университетского музея (ныне Музей ИЗО им. А.С. Пушкина), где «несущие свет» миру деятели культуры, вряд ли слышавшие о Дионисии, Дуччо или Симоне Мартини, присягают на верность Березовскому, Куснировичу и благодетелям абрамовичам, дающим им кушать. Чтобы не подумали вы, дорогие читатели, что к таким выводам я пришёл в одиночку, отсылаю вас к умозаключениям упомянутого выше Владимира Максимова, которого к красно-коричневым и черносотенцам никак не отнесёшь.

«Я читал эту книгу (мемуары Ельцина. - С.Я.) до трёх часов ночи и был удивлён её великой простотой. Той простотой, которую завещал нам Лев Толстой». Процитировав этот крик души режиссёра Захарова-Ширинкина, одного из главных ельцинских лизоблюдов, Максимов пишет: «Я далёк от мысли, будто наделённый от природы отменным вкусом Захаров не знает подлинной стоимости убогой сей писанины, но его беспредельный цинизм позволяет не угрызаться никакой совестью - сегодня он перед телекамерой сжигает свой партбилет (интересно, зачем он его добивался?) и требует вынести Ленина из Мавзолея, а завтра с тем же пафосом будет требовать возвращения себе первого и принародной гальванизации второго: стыд для нынешнего «интеллигента» не дым - глаза не ест».

«Если сам Ельцин с законами запанибрата, то его вотчинные сатрапы и вовсе перестали с ним считаться. Недавний провинциальный стряпчий Собчак, ставропольский крючок по бракоразводным делам, став самым незадачливым и бездарным мэром в истории Санкт-Петербурга, своей властью назначает и отменяет выборы, вводит ценз осёдлости, смещает законодателей, единолично распоряжается городским имуществом, прилюдно грозится отложиться от государства и т.д. Чтобы навсегда остаться в истории наравне с Калигулой, ему остаётся въехать в городскую Думу на собственном «мерседесе». Думается, и до этого доживём. Утверждаю, о такой беспредельной власти Киров со Ждановым, а тем более Толстиков с Романовым могли только мечтать!»

«Я абсолютно не могу представить, как можно любить русского за леность, за ложь, за бедность, за бесхребетность, за его рабство». Это

Новодворская по эстонскому телевидению. Её хоть сейчас в смирительную рубашку увязывать, а она в телезвёзды подхватилась. А вот ещё образчик культуры нынешней интеллигенции: «После действительно великих Пушкина и Лермонтова русскую литературу захлестнуло чёрт знает что. Какая-то извращённая, кликушеская, фарисейская волна. Лев Толстой сказал: «Разве Бог дал что-нибудь одному, не дав того же другому?» Старый осёл, лицемер!» Представляю этого мыслителя: пародист Александр Иванов в американском «Новом русском слове». В «чёрт знает что» чохом зачисляются всё, начиная с Гоголя и Тургенева и заканчивая Достоевским и Чеховым с Толстым в придачу, не считая мелюзги вроде Тютчева с Розановым и Гончарова с Блоком. Всех ивановских достижений в нашей словесности - два десятка сносных пародий на уровне «страна-весна» и «народ-вперёд», а как с русской литературой разобрался! Что ему Толстой или Чехов, когда он с самим Окуджавой и Хазановым запанибрата, не говоря уже о Пугачёвой! Знай наших. Нам без разницы: Гоголь-моголь, Чехов-смехов, все чёрненькие, все прыгают! Подумаешь, классики, видали мы их в гробу. Если хотите знать, один у нас классик, и тот - Боровой!»

«Сегодняшняя интеллигенция не извлекла уроков из постылого прошлого. Снова пишутся троглодитские письма властям об инакомыслящих: запретить, разогнать, ликвидировать! Только слова «расстрелять» нет, но оно подразумевается. И подписывает эти письма наряду с пародистом Ивановым академик Лихачёв, которого называют совестью нации. Ему ли не знать, что миссия интеллигентов, если таковые есть, особенно в России - не преследовать, а защищать?»

«После кровавой бойни, спровоцированной в октябре 1993 года исполнительной властью, Россия раскололась надвое. И вместе ей уже никогда не сойтись. Страну разделила кровь. Я не могу без стыда и ужаса вспоминать, как одна половина россиян аплодировала бессудному расстрелу другой половины своих соотечественников. Причём не по команде свыше, не иудейского страха ради, а искренне, от души, с удовольствием».

«В ельцинском взаимовыгодном междусобойчике «всё поровну, всё справедливо»: я тебе поцелуйчик ниже пояса, а ты мне членство в президентском совете, ты мне второй взасос, а я тебе госпремию и льготные налоги, а за третий и самый самозабвенный получай квартиру в президентском доме, этажом ниже или двери в двери с моей. Соответственно распределены и места в мировой культуре. Президент, как нам уже удалось выяснить - Лев Толстой, Гомер - Жванецкий, о чём было публично объявлено. Вячеслав Костиков обосновался где-то между Флобером и Платоновым, Окуджава сходит за Баха, а вездесущий Юрий Карякин вместе с Оскоцким и Нуйкиным вполне заменят духовных пастырей от Иисуса Христа до Жана-Поля Сартра включительно. Что же, каждая страна достойна своих пастырей!»

В книге Владимира Максимова немало страниц, написанных человеком, до глубины души оскорблённым и поражённым кровавыми

деяниями Ельцина и его камарильи. В отличие от своего товарища по эмиграции Ростроповича, картинно поигравшего автоматом Калашникова у стен Белого дома и американского посольства - гаранта неприкосновенности борцов с театральным горбачёвским путчем, честный гражданин и совестливый писатель жизнью своей рассчитался за защиту жертв октября 1993-го, где Ростроповичу нечего было делать, ибо он - пособник и собрат сильных мира сего, а до страданий народных ему нет никакого дела. Пытается вслед за Максимовым Александр Солженицын доказать нынешним властям, что подлинная демократия заменена ельцинскими клевретами в России болтливостью, величаемой свободой слова. Люди устали от растленной пугачёвско-галкинской эстрады, бездарного, заполонившего собою экран, скучного до зевоты Жванецкого.

Ничего путного не могут написать утомлённые свободой аксёновы и битовы; числят себя в гениях германы и сокуровы, снимающие лишь им понятные киновампуки. Всё чаще и чаще вспоминаем мы поруганное демократами культурное наследие прошлых лет, всё чаще обращаемся к незабываемым творениям великих его творцов, осмеянных ельцинскими почитателями. Вот и сейчас я пишу эти строки после показанного на телеканале «Культура» (к сожалению, в усечённом виде, ибо экономили время для очередного явления Жванецкого народу) концерта, посвящённого столетию со дня рождения блестящего композитора Василия Соловьёва-Седого. Нельзя было без слёз слушать незабываемые песни военных лет и мирного времени, которые написаны для людей и во имя людей. Хочется низко поклониться Светлане Безродной и её изумительному женскому «Вивальди-оркестру» за то, что противостоят они ельцинским культуртрегерам и не боятся зажигать свои очищающие душу свечи в непроглядной тьме смутного времени.

Плоды демократии

Давайте одумаемся

Дорогой читатель! Задумывая поделиться с тобой размышлениями о непростом нашем времени, я не ставлю перед собой задачу предложить законообразующую идею общероссийского согласия и примирения. Не прилаживаю я на свою седую голову и лавры генералиссимуса Франко, сумевшего объединить и укрепить измученную гражданской войной Испанию и упокоить под одним скорбным покаянным крестом всех погибших во всепожирающем горниле междоусобиц. Мне в то же время отрадно отметить, что, остро реагируя на наши гражданские катаклизмы и локальные войны последних лет, мой старший друг и учитель Л.Н. Гумилёв, равно как и глубоко мною чтимый большой русский писатель А.И. Солженицын, так высоко оценили испанский путь сплочения нации при франкистском режиме. Дорого мне, что сегодня всё громче звучат голоса истинных граждан России, хорошо знающих цену болтливым инициаторам перестройки, узаконившей в стране вседозволенность, повальное разбазаривание национального достояния, на глазах

приведших к катастрофическому ослаблению и до того уничтожавшегося большевиками генофонда, необратимым экономическим разрушениям и, не побоюсь сказать, реально ощутимой утрате военной и политической мощи государства с великой многовековой историей.

Прекрасно, что в зарождающемся хоре голосов разума отчётливо и ярко звучат выступления подлинных солистов, кому в последнее десятилетие устроители доморощенной демократии, отвергающие напрочь любое проявление патриотизма, кроме патриотизма собственной мошны, закрыли наглухо доступ на полосы незаконно приватизированных газет и журналов, кого на пушечный выстрел не подпускали к широкой телевизионной радиовещательной информационной сети. Разве могли мы слышать близкие нам голоса Валентина Распутина, Александра Панарина, Виктора Лихоносова, Дмитрия Львова, Татьяны Глушковой, Евгения Носова, да даже и упомянутым выше подлинным просветителям А.И. Солженицыну и Л.Н. Гумилёву отведена была роль второстепенных статистов в «демократическом» спектакле по плохой пьесе, сочинённой образованцами и выскочками.

Нагляднее всего, по-моему, истинное лицо навязанной нам «свободы» слова и мысли представляет лишённое элементарного стыда и совестливости безапелляционное выступление современного художника Михаила Ромадина в одном из, словно саранча, расплодившихся глянцевых журналов. Сын славного мастера русского пейзажа Н.М. Ромадина, наплевав на отцовские заветы, ни на минуту не задумываясь, с головой нырнул в омут псевдодемократической реки, затопившей обширные берега растерявшейся и многотерпеливой России. Он и не попытался понять, что на смену ленинской диктатуре и впавшему в глубокую кому тоталитаризму пришла разнузданная команда агрессивных, хватких и циничных, верных наследников большевистских учителей, готовых добивать пошатнувшуюся Россию. На вопрос бойкого и услужливого корреспондента, не пора ли плодовитому и преуспевающему Ромадину-младшему подумать о законном месте в ряду классиков отечественного искусства, незадачливый собеседник восторженно восклицает: «Давно пора!» - и при этом ссылается на высказывание ещё одной сладкоголосой музы «демократии» российской Беллы Ахмадулиной, изрёкшей твёрдо: «Если не мы, то кто же?»

Каким мощным диссонансом таким шапкозакидательским манифестам звучит фильм-размышление Игоря Золотусского о Ф.И. Тютчеве, созданный и показанный в связи с 200-летием одного из первейших русских поэтов, тонкого мыслителя и блистательнейшего дипломата. А высказанный тем же Золотусским, автором лучшей биографии Н.В. Гоголя, гневный протест против беспардонного надругательства некоего режиссёра Фокина над гоголевским «Ревизором» на сцене Александринки, старейшего русского театра, заставляет задуматься, уж не специально ли подсовывают на подпись нашему президенту реестры премированных государственными наградами и орденами бездарных временщиков, допущенных потешить обывателя своими мелкотравчатыми поделками от искусства.

Сколь глубоко восторженными были уставшие от бытовых невзгод и полемических вакханалий зрители, собравшиеся перед экранами телевизоров, когда шёл сериал «Идиот», срежиссированный Владимиром Бортко по бессмертному роману Ф.М. Достоевского и неплохо сыгранный актёрами. О классических проявлениях отечественного кинематографа наглядно напоминают сегодня сделанные фильмы «Кукушка», «Война» и «Звезда». Пусть запоздало, следуя грустному девизу «У нас любить умеют только мёртвых», но буквально опалили нас своим мужественным откровением поминальные страницы газет, посвящённые яркой жизни и самобытному творчеству Владимира Богомолова, духовная стойкость и железная принципиальность которого - лучший пример для молодых, пробующих свои силы в творчестве. Хотя, спешу заметить, богомоловские некрологи смотрятся совсем скромными на фоне всенародного празднования 70-летия г-на Познера, велеречивое прославление которого в средствах массовой информации затмило пышные юбилеи лидеров застойной эпохи.

Последние годы многие телевизионные налогоплательщики нетерпеливо ждут субботних встреч с учёными, писателями, историками, политиками и художниками, так удачно представляемыми в аналитической программе «Постскриптум» талантливым, квалифицированным обозревателем Алексеем Пушковым. До отвала накормленные дешёвенькими сентенциями и поверхностными нравоучениями заангажированных ведущих политических и «просветительских» шоу «Времена», «Основной инстинкт», «Зеркало», «Культурная революция», «Школа злословия», «Апокриф» и «Свобода слова», люди хотят слышать нужные слова от правдивых, убеждённых и высокообразованных учителей, а не от постоянно мимикрирующих, донельзя сервильных выскочек.

И не хочется им читать или смотреть после лично пережитых, тщательно обдуманных, пытающихся улучшить невыносимое подчас повседневное бытие размышлений Валентина Распутина и Вадима Кожинова, как всегда мудрых, основанных на богатом жизненном опыте книг Александра Солженицына и вспоминательных телециклов о недавно ушедшем Викторе Астафьеве, истинно народном русском писателе, - наспех состряпанные фальшивые «откровения» ельцинского охранника Александра Коржакова, нечистоплотный стриптиз кремлёвской дилерши-официантки Елены Трегубовой или полупрофессиональный «теледонос в нескольких частях» на самого себя верного рыцаря «царя Бориса» Олега Попцова. Может, и хотят они теперь прокричать правду о своих господах, да ведь сначала надо серьёзно покаяться, очиститься от собственной скверны, а потом... «Потом» после духовного преображения не понадобится, ибо не пристало слугам плевать в бывших кормильцев.

Многолетние уже поиски «Момента истины» «чешуйчатым» публицистом Андреем Карауловым мне лично дают исчерпывающий ответ на жгучий вопрос, почему сей телешоумен так полюбил пестуемых им на роскошной своей подмосковной усадьбе (и откуда только миллионы у юноши берутся?) крокодилов. Хозяин экзотической живности быстренько

перенял у своих питомцев странную привычку проливать слёзы по съеденным им жертвам. Когда он голосом благородного и щепетильного правдолюбца, чуть ли не рыдая, шепчет о справедливости или по-прокурорски жёстко требует кары для очередного подрывателя государственных устоев или расхитителя народного достояния, нужно заставить его перечитать собственные статейки и книжонки, обильно «испечённые» в начале развала державы, а также посмотреть свои передачи тех лет, где смешивал он с грязью одного из ревнителей русского православия митрополита Питирима, помогал расшалившимся киношникам сбрасывать с палубы капитанов отечественного фильмотворчества, чуть ли не в обнимку беседовал с тогдашними «передовыми личностями», которых сейчас готов в порошок стереть. Вот только стойкого певца Ленина и его подельников - драматурга Шатрова миновали карающий меч и крокодиловы карауловские слезы. Ничего не поделаешь - хоть бывший, а всё же тесть... И тут уж: или «жена цезаря вне подозрений», или «послушай, Зин, не трогай шурина».

В предлагаемых заметках и наблюдениях я не собираюсь учить уму-разуму заигравшихся в демократию общественных деятелей или представителей клана литературы и искусства. Мне просто хочется от всей наболевшей души и усталого сердца сказать: «Давайте одумаемся!»

«Осторожно, православие»?

Революционные потрясения, в начале прошлого века ввергшие Россию в пучину всеобщего разрушения, уничтожения исторической памяти и физического истребления нации, сопровождались жесточайшим террором по отношению к Православию - основе основ существования Русского государства, стержню повседневной жизни всех слоёв населения, первоисточнику духовности, культурной зрелости и гармоничного развития человеческой личности.

Не стану перечислять все зверства большевиков, по указанию безжалостных главарей сносивших с лица земли тысячи храмов и монастырей, возами сжигавших иконы под пение «Интернационала», живыми закапывавших в землю священников и членов их семей. Семьдесят лет продолжалось царствование сатаны в стране - хранительнице основ христианской веры и духовного подвижничества. Но Бог поругаем не бывает. В тяжелейших условиях сохранили нерушимую в Него веру не только духовные пастыри, но и прихожане русских церквей. Когда на СССР обрушилась страшная беда - кровопролитная война с фашистскими ордами, партийный и государственный вождь Сталин в самом её начале обратился к народу по-церковному: «Братья и сёстры!» - всячески привечал духовенство, подобно великим русским полководцам, искал помощи у чудотворных икон, а тост победный провозгласил «за великий русский народ» - народ верующий и законопослушный.

После смерти вождя сводивший с ним счёты разгулявшийся на радостях Хрущёв припомнил начальнику эти отступления от партийной линии и обрушил шальной свой гнев на Русскую церковь, позакрывал и

без того поредевшие храмы, поиздевался вдоволь над истинными ревнителями Православия. Но и это миновало.

Грянула перестройка, а с ней и варварское разрушение страны. Впопыхах разваливая державу, сначала Горбачёв, а потом и Ельцин с опричниками согласно принципу «после нас хоть потоп» сняли с Русской церкви внешние атеистические оковы и разрешили возвратить принадлежавшее ей имущество, хотя и осталось непорушенным совсем немного. Радость пришла в сердца тех, кто хранил веру и мог теперь без страха ходить в церковь, осенять себя крёстным знамением, не боясь увольнения с работы.

Внешний консенсус между Московской Патриархией и руководством обезглавленной страны не исключил действия прежних политических принципов и безжалостных рычагов продолжающейся большевистской революции. Безграмотные выкормыши партийной и комсомольской номенклатуры, вооружённые бутафорскими подсвечниками, не согласуясь с мнением церковного единоначалия, а лишь по прихоти Ельцина и Собчака, показно захоронили в Петербурге неопознанные останки царской семьи. «Демократические» академики, писатели вместе с комсомольцами, прихватизировавшими СМИ, радостно прокричали «одобрямс».

И вот сейчас, когда страна страдает от локальных войн, повсеместного терроризма, заказных убийств, от расхитителей народного имущества, за что-то названных олигархами (не путать с добросовестными предпринимателями), как никогда мы нуждаемся в поддержке христианской морали, в мудрых духовниках и церковных наставниках. И они есть - те, кто может помочь выбраться России из ямы, вырытой внутренними и внешними супостатами. Но посмотрите, как их боятся рывшие эту яму! Особенно усердствуют в борьбе против церкви закупленные на корню журналисты, нечистоплотные политики, потерявшие стыд и совесть писатели и учёные. Обращусь к трём наиболее непримиримым врагам Православия - религии страны, в которой они зарабатывают деньги, растят детей и пользуются немалыми привилегиями.

Наиглавнейший телеакадемик г-н Познер в насквозь заангажированном обозрении «Времена» и на страницах газет яростно клеймит Православие, называя его главной бедой для России. Другой «демократ»-правозащитник, г-н Ковалёв, отстаивавший лишь своих единомышленников, чеченских отморозков и завравшихся журналистов, с пеной у рта ратует за запрет Православия. Нобелевский лауреат г-н Гинзбург на всех телеканалах вопит: «Уберите слово «Бог» из российского гимна, я не хочу жить в этой стране под гнётом Православия». А ведь мы знаем многих нобелистов, и не одного академика Павлова, которые были верующими людьми, что не мешало им в науке и творчестве достигать подлинных высот. Конституции почти всех западных стран, которые берут за образец демократии господа атеисты, начинаются со слова «Бог», да и зелёные купюры, высоко ими ценимые, украшены этим ненавистным для

них именем.

Уверен, что господа эти не знают, а точнее, не хотят знать историю Государства Российского. Напомню им лишь о нескольких её победных свершениях, случившихся под православными знамёнами.

Это православные в 1242 году разгромили полчища тевтонских и ливонских рыцарей. Разгромили во главе с князем Александром Невским, причисленным к лику святых и в конце жизни принявшим схиму. А уж арийские принципы побеждённых им захватчиков навряд ли по душе моим оппонентам. Это православные, ценой собственных жизней и порушенных городов, проявив себя тончайшими дипломатами, закрыли татаро-монгольским всадникам дорогу на Запад. Пройди они туда - и недосчиталась бы Европа Леонардо да Винчи и Микеланджело, Петрарки и Шекспира. Правда, не произошла бы и кровавая Французская революция, ставшая прообразом для всех наших разрушителей государственности и Православия. Это православные в 1612 году смогли победить самозваную Смуту, страшнее которой разве что нынешние времена. Это православные в битве под Полтавой указали Карлу XII обратную дорогу домой. Это православные в 1812 году, помолившись вместе с Кутузовым иконе Смоленской Богоматери, одолели завоевателя, перед которым полмира склонило колени.

Это православные силами своих верных сынов свернули шею тем самым фашистам, на которых вы шлёте проклятия за холокост, а единомышленник ваш и бывший министр г-н Швыдкой предпочитает тот фашизм несуществующему русскому. Несуществующему, не существовавшему и не могущему существовать в стране православной.

Давайте же одумаемся, господа, и прекратим пустопорожние прения о правомочности преподавания в русских школах «Основ православной культуры». Никто не заставляет ходить на эти уроки ваших детей и внуков. Но не обкрадывайте наших наследников, как это делали ваши отцы и деды, лишив нацию знания основ подлинной истории культуры, ибо без веры и религии она изначально не может существовать.

Сделать это не поздно, господа!

Об играющих, праздно болтающих

Помню по сей день, как меня - дитя войны - поразила сцена пьяного застолья спекулянтов в любимом фильме «Летят журавли». Ужаснулся я, узнав в своё время, что в блокадном Ленинграде, на улицах которого лежали неубранные трупы, предприимчивые проходимцы ели икру, пили дорогие вина и даже, пользуясь страшным событием, умудрялись собирать художественные коллекции. И как же быстро люди привыкают к таким проявлениям бесшабашной нечистоплотности, когда на виду у всей России, ввергнутой в уже не первый год длящуюся вялотекущую войну со страшными, кровавыми терактами, нападениями на города, больницы и театры, нахапавшие немеряные народные богатства бессовестные «счастливчики» не устают участвовать в постоянных раутах,

презентациях, вернисажах, бесчисленных фестивалях, свадьбах, юбилеях, и несть конца этим модным тусовкам.

Какое омерзительное впечатление производят на обыкновенных людей похотливо отсмакованные отчёты о так называемой светской жизни Москвы и Петербурга, да и наиболее шустрые провинциальные писаки стараются не отставать от столичных гурманов. Неужели не стыдно героям светской хроники и обслуживающим их журналистам описывать ломящиеся от редкой снеди и дорогих напитков столы, когда даже с экранов пролживленного нашего телевидения постоянно просачиваются сюжеты о голодающих учителях, врачах, научных работниках и доведённых до отчаяния шахтёрах и металлургах. Поразительно, но без пьянки и обжорных столов не обходится ни одно событие, даже самое скромное. Мне посчастливилось в своей жизни организовывать и открывать десятки и сотни художественных выставок. Но разве думали мы, готовясь к торжественному событию, о каком-то богатом банкете, на котором сразу забывают и о самой выставке, и о художниках, и об устроителях. Нынче же постоянно действующие орды вернисажистов кочуют из одного зала в другой, из музея в галерею, спеша не пропустить ни одного сопутствующего выставке фуршета или застолья, и похваляются потом друг перед другом «победами», одержанными на поле тусовочной брани.

Однажды я поймал себя на мысли, что газетная светская хроника, славящая «играющих и праздно болтающих», не переставала появляться на газетных полосах ни в дни трагедии Будённовска, ни в тревожные часы, когда все люди с надеждой и трепетом ожидали чудесного спасения затонувшего «Курска», ни тогда, когда слезы отчаяния душили наблюдавших за зверствами террористов на Дубровке и в Беслане. А в дни взрывов на Пушкинской площади, у «Националя», у метро «Рижская» по телевидению показывали бесконечные шоу, смехопанорамы Жванецкого и Петросяна; комментаторы продолжали поливать грязью Лукашенко, забыв, что Белоруссия и Россия - исторически сложившееся целое.

В «пире во время чумы», согласно газетным отчётам, участвуют одни и те же персонажи: банкиры, доморощенные олигархи, намозолившие глаза актёры, режиссёры, кутюрье, спавшие с голоса певцы, давно забывшие о стыде и приличии писатели, ушедшие в бизнес спортсмены, бывшие спецслужащие с холодными руками и горячим сердцем. Прочитав очередные колонки о ночных загулах нашей самозваной элиты, только под утро возвращающейся на Рублёвку или в баснословно дорогие новостройки, невольно задаёшься вопросом: а когда все эти движущие силы нашего общества трудятся на благо Отечества?

В своё время один из представителей богатейшей русской семьи Рябушинских позволил себе уйти в бесшабашный загул, понастроил роскошные виллы и дворцы, где устраивал оргии. Недолго продолжалась такая жизнь, ибо родители и братья строго пригрозили ему банкротством, и ретивое чадо вынуждено было поумерить свой пыл. И если продолжать

экскурс в славную русскую историю, то невольно подумаешь, а могли ли так вести себя, как нынешние неунывающие богатеи, братья Третьяковы, Бахрушины, Щукины? Нет, не могли! Они ведь думали прежде всего о работе, иначе не было бы у них средств на создание Третьяковской галереи, Бахрушинского музея или Щукинской галереи.

Когда в жирной ночной жизни столичной бултыхаются люди, чуждые какой-либо культуре, с трудом отличающие Пушкина от Вознесенского; банкиры, выдающие себя за писателей, и писатели, ставшие банкирами; окружающие их дамы, «прекрасные во всех отношениях» - от безутешных вдов до оставшихся сиротами дочек, обслуживающих самых богатых воров государственного имущества, - это одно. Но когда их собутыльниками и сотрапезниками становятся те, кто одарён от Бога, кого слушают и кем восхищаются истинные ценители прекрасного, невольно начинаешь бояться этой всепожирающей машины пошлости и разврата. Когда музыканта-творца, вызывающего своим неповторимым искусством слезы радости и приближающего слушателей своим исполнением к небу, в его юбилей дочка борца за демократию, ходившего во власть (а зачем?), г-на Собчака с прислуживающими гетерами укладывает на праздничное ложе и осыпает его хитон фиалками, специально доставленными из Пармы, становится не по себе и кажется, что серный запах Содома и Гоморры окружает тебя, заставляя вспомнить о грядущем Апокалипсисе.

«Триумфаторы»

Премии и всевозможные награды в наши постперестроечные либеральные годы раздаются немеряными мешками. Создаётся впечатление, что у нас каждый день совершается как минимум по одному геройскому подвигу, сочиняется нетленный литературный шедевр, пишется сразу становящаяся классической симфония, делается мирового значения открытие, рождается гениальная идея, а уж театральные спектакли и кинофильмы высшей пробы сыплются, словно из рога изобилия. Устаёшь смотреть и читать, как одни и те же персонажи вешают ордена, вручают призы и дипломы одним и тем же отличившимся. Сливки «демократической» элиты, поносившие тоталитарную страну и её постоянных героев и лауреатов, теперь дорвались до пульта машины, решающей, кого награждать, а кого поносить. И награждают, естественно, в первую очередь самих себя, потом ближайшее окружение, потом единомышленников. И даже близко не подпустят они к тщательно оберегаемой кормушке людей инакомыслящих, особенно позволяющих себе усомниться или разочароваться в прелестях пожаловавшей к нам вожделенной рыночной экономики. Принцип один: «Своя от своих и своя за своих». Становится стыдно за действительно порядочных и заслуживших своим трудом и творчеством благодарности признательных потомков, когда выстраивают их на триумфальных подиумах рядом с абсолютными ничтожествами, пошляками, оплёвывающими всё святое и чистое.

Когда я первый раз воочию увидел проходившую в заповедном Большом театре процедуру вручения премии «Триумф», а показывали по телевидению те церемонии с дотошными подробностями, удивлению моему не было конца. Не скажу, что все «бессмертные» чины высочайшего жюри являлись для меня особыми авторитетами в области литературы, музыки, театра и изобразительного искусства. Некоторые даже вызывали полное неприятие своими на скорую руку сотворёнными поделками. Однако были среди них и те, кто действительно, получив от Бога талант и недюжинные способности, прославил родную нашу культуру, никогда не поступился моральными принципами во имя сиюминутного успеха. Правда, таких в кулуарах Большого театра отмечено было мною немного. В основном ценители триумфа группировались вокруг семейки Вознесенского и Богуславской, сверяли свои часы с главным российским сатириком всех времён и народов Жванецким. Я эти эпитеты не из пальцев высосал, так его частенько величают ослеплённые славой смехача почитатели, возведшие его даже в ранг главного и единственного дежурного по стране.

Но самым страшным в новой ежегодной премии, призванной свести на нет стоимость государственных наград и поощрений, была её экономическая составляющая. Щедрым благодетелем, поспешившим запустить свои скользкие щупальца в культурные сферы и порулить российской культурной политикой, стал господин Березовский. Для меня в этом человеке сконцентрировалось всё самое нечистоплотное, мелкое, жульническое и бессовестное, буквально затопившее многострадальное наше Отечество в последние пятнадцать лет. Конечно, он не один такой! Подельников, единомышленников и апологетов у него хоть отбавляй. Может, даже и покруче есть, но уж больно наглядно Березовский сконцентрировал в своём образе все самые отрицательные движущие силы, приведшие к такому катастрофическому ослаблению нашего государства.

Я сразу задал себе наивный, как теперь понимаю, вопрос: «А что, люди, получающие эти премии-подачки из рук расхитителя народного имущества, заставившего голодать и уходить преждевременно из жизни не одну сотню тысяч людей, не понимают гнусности происходящего на глазах у этих обворованных и обездоленных?» Потом выяснилось, что не только не понимают, но даже удивляются, когда я задаю им вопрос о нечистых деньгах и такой же нечистой совести! Один из моих друзей, которого я очень люблю по-человечески и высоко ценю его творчество, которым многие годы восхищался весь мир, даже сказал мне на полном серьёзе, от всей души: «Вот если мне представят юридические доказательства виновности Березовского в хищении государственной собственности, я сразу выйду из состава жюри». Сказаны были эти наивные до смешного слова тогда, когда Генеральная прокуратура объявила крупного мошенника в розыск, а свою разрушительную антигосударственную деятельность этот оборотень и не собирался скрывать.

Пусть простят меня близкие мои друзья и коллеги по творчеству,

получившие премиальные деньги из кармана мошенника. Я не стану их за это любить меньше и продолжу восхищаться результатами их подлинно даровитого труда. Не посмеюсь я над ними, сославшись на слова римского цезаря о том, что деньги не пахнут. Вспомню только, как переживал по прошествии совсем небольшого отрезка времени Виктор Петрович Астафьев, с непосредственностью сельского жителя и воспитанного в детском доме наивного мальчишки, вляпавшись в «триумфальную кучу» и осознав потом мелочность поступка, не подобающего такой народной могучей глыбе.

Руководителям нашего государства я хочу сказать: «SOS!» Березовский уже не первый год сорит своими грязными деньгами в Российской Академии наук. А это уже стратегически опасно; а вдруг он от награждённых академиков потребует, как от режиссёра Любимова, принять участие в свержении государственной власти? Давно пора одуматься, господа!

Галереи, галереи, кругом одни галереи

В эпоху тоталитаризма и сплошного застоя сколь вожделенно мечтали наши художники о подлинной свободе творчества, без которой немыслимо само существование искусства. Те, кто не согласен был с официальным курсом партии, диктовавшей незыблемые законы, спускавшей скучные разнарядки деятелям культуры, вынуждены были уходить в подполье, величаемое на западный манер «андеграундом». Мне довелось быть знакомым со многими неофициальными художниками, а с некоторыми из них по-настоящему дружить. Оговорюсь сразу, что действительно талантливых, способных сказать своё неведомое доселе слово в искусстве созидателей среди подпольщиков обреталось совсем немного. Анатолий Зверев, Дмитрий Краснопевцев, Александр Харитонов, Владимир Яковлев, Владимир Немухин, Борис Свешников, Михаил Шварцман - вот основные столпы, которые в любую самую суровую диктаторскую эпоху смогли бы проявить своё дарование и внести существенный вклад в картину общего художественного развития, а потому и сейчас их творчество вспоминается со словами исключительной благодарности, а подчас и восхищения. Многие же из примыкавших к этим движителям тогдашнего изобразительного искусства пользовались вынужденным положением гонимых, добровольно надевали на себя ореол мучеников, делая при этом абсолютно рутинную работу, приносящую весьма посредственные конечные результаты.

Грянула жданно-гаданная перестройка; разверзлись хляби, и каждый гражданин получил свободу немеряную, дабы «прославить» себя в области политики, государственности, экономики, градостроительства и международных отношений. А художникам вообще были предоставлены неограниченные возможности и различные пути для абсолютно свободного самопроявления. И такое тут началось! Музеи и престижные залы, привыкшие к размеренной выставочной деятельности, где классические экспозиции чередовались с показами работ современных

отечественных и зарубежных мастеров, были отданы на откуп сначала классическому авангарду, десятилетиями томившемуся под запретом, потом тем представителям застойного андеграунда, которые ловко вписались в атмосферу ельцинских свободомыслия и вседозволенности, а за ними началась полоса открытия крупных и мелких галерей, чьи хозяева диктовали теперь моду в изобразительном искусстве.

В совсем короткий срок, всего за какие-нибудь пятнадцать лет, на головы ничего не понимающих ценителей прекрасного обрушилась мощная лавина разнузданного и непотребного «творчества», которую можно сравнить лишь с извержением всеразрушающего вулкана. Поистине вступил в силу приснопамятный указ Петра I, разрешающий «каждому в ассамблее высказываться до конца, дабы глупость его видна была». Художником теперь может стать каждый, кто пожелает. Не надо рвущимся выставить свои работы овладевать сложной профессией, слушать мудрых учителей, завоёвывать заслуженное место под солнцем многолетним трудом и обязательно при этом обладать божественным даром.

Рубит «художник» в залах Манежа старые иконы на виду у зрителей - и его не уводят под руки в милицию как злостного нарушителя правопорядка. Нет, что вы, ведь это один из артефактов, одно из проявлений современного искусства. А прилюдное пожирание тела Ленина, преподнесённого в виде огромного торта, испечённого самым главным галеристом страны Маратом Гельманом, обмусоливается со смаком во всех почти газетах и журналах, бесконечно демонстрируется в теленовостях. С благословения родных, друзей и близких академика Сахарова демонстрируется в его музее выставка, порочащая христианство, буквально оплёвывающая основную конфессию России - православие, - и снова слышен хор славильщиков позорного сего зрелища. А когда истинные ревнители веры предприняли решительные шаги протеста, то их тут же постарались привлечь к суду правозащитники из клана г-на Ковалева. К счастью, правда восторжествовала, и наша юстиция приняла решение осудить художников-осквернителей.

Смотреть на так называемую продукцию, каждодневно преподносимую бесчисленными галереями, без отвращения и содрогания невозможно. В Москве и Петербурге крупные музеи предоставляют заповедные помещения наиболее знаковым, с их точки зрения, фигурам, задействованным в процессе разрушения основ классического искусства. То и дело празднуются открытия новых центров, салонов и галерей, призванных кормить современников несвежей пищей кулинаров, почему-то именующих себя художниками. И пусть они не ссылаются на подлинных авангардистов, творивших в первой половине прошлого столетия. Ларионов, Гончарова, Кандинский, Татлин, Попова искали новых путей художественного проявления на фоне меняющегося гражданского общества, в горниле войны, революций и классовых потрясений. Они прошли прекрасную художественную школу, такую же, как и их западные коллеги-авангардисты, умели первоклассно рисовать, владели разнообразными колористическими навыками, а главное - были

высокообразованными, прекрасно знающими историю мировой культуры людьми.

На фоне дешёвой галерейной вакханалии доморощенные культуртрегеры делают всё для того, чтобы вычеркнуть из нашей памяти и классическое наследие прошлого, и творчество блестящих мастеров, недавно ушедших из жизни или ещё продолжающих творить в кошмарных реалиях сегодняшнего дня. Если иногда в музейных и академических залах устраиваются посмертные юбилейные выставки корифеев отечественного искусства, то средства массовой информации предпочитают отмалчиваться или ограничиваться скупыми телеграфными сообщениями. Обидно быть свидетелями преднамеренного равнодушия, когда обходят вниманием наследие А. Пластова, О. Комова, В. Попкова и многих других талантливых художников, всю жизнь посвятивших служению своей прекрасной музе. Обидно и потому, что нынешние передовые и модные живописцы, графики и скульпторы, не создав ничего претендующего на сохранение в памяти благодарных потомков, не устают славить и воспевать себя, любимых.

Россия привыкла, что в любую эпоху, в любой самый трудный исторический период её художники радовали современников произведениями, будь то отдельная картина, скульптурный монумент, графический цикл, декоративное убранство или драгоценные настенные росписи.

Дождёмся ли мы так нужного для утверждения национальной идеи мартосовского памятника Минину и Пожарскому, ивановского «Явления Мессии», суриковской «Боярыни Морозовой», серовской «Девочки с персиками», нестеровского «Отрока Варфоломея», попковской «Шинели отца», комовского «Пушкина» в Твери или лиричных и эмоциональных полотен Моисеенко? Дождёмся лишь в том случае, если снова во главу угла будет поставлен принцип «Служенье муз не терпит суеты, прекрасное должно быть величаво».

Давайте одумаемся, господа, и сделаем так, чтобы слово «галерея» ассоциировалось у нас с духовным центром в Лаврушинском переулке, а не с ларьками и палатками, порождёнными необузданной рыночной экономикой.

«Пятая колонна»

Всякая война - зло, замешанное на людской крови и слезах матерей. Историки, правда, делят войны на справедливые и несправедливые, захватнические и оборонительные. С моей точки зрения, нет ничего хуже грязных войн, ведущихся не по правилам наступательной стратегии, а по наущению политиков, полностью забывших о стыде и совести. В таких нечистоплотных попытках уничтожить и осквернить неугодного противника нет места воинским подвигам, полководческой прозорливости, не говоря уже о благородстве и достоинстве. Когда в силу вступают ложь, корысть и коварство, нужно забыть о победах Александра Македонского и Юлия Цезаря, о переходе Суворова через Альпы, о

Бородине и Сталинграде, о падении Берлина, о героической обороне Москвы и Ленинграда. В грязных войнах основное оружие - незаконно награбленные капиталы, стремление обманными путями подчинить себе слаборазвитые страны, абсолютное попрание принципов христианства и гуманности. Именно такую войну ведут последние шестьдесят лет США против России. Да, я не оговорился, именно шестьдесят лет.

Понимая, что СССР, обладавший мощными вооружёнными силами, оснащёнными ультрасовременным оружием, является основным препятствием на пути к мировому господству, Америка избрала коварную тактику, направленную на разрушение супердержавы, «империи зла», как они её называли. С задачей этой она справилась успешно, в основном с помощью недееспособных советских лидеров и гнилой бюрократической машины, обслуживавшейся серыми машинистами, чьё профессиональное чутьё и умение заменялись партийными и комсомольскими билетами. Как быстро смогли они пустить на ветер мощные человеческие и природные ресурсы, поддерживавшие силу и мощь дореволюционной России! Разрушив империю, царь которой, Александр III, объявил всему миру, что у России всего два верных союзника - армия и флот, большевики уничтожили драгоценный крестьянский генофонд, а без него Россия действительно превратилась в колосса на глиняных ногах. Заменив патриотическое, зиждившееся на глубокой вере православное мышление, свойственное отечественным философам уровня Хомякова, Достоевского и Ильина, пустопорожними интернациональными лозунгами, Советская Россия стала предметом неодушевлённым, а отдельные светлые личности и даже стойкие борцы не смогли противостоять разрушительной угрозе со стороны США и их европейских единомышленников.

Для меня лично не была большой неожиданностью всеразрушающая перестройка и страшные последствия, принесённые её бездарными и бессовестными инициаторами в наш родной дом. «Пятая колонна», возглавленная Горбачёвым и Ельциным с услужливыми прихвостнями, не в конце восьмидесятых родилась, корни её уходят в более глубокие хронологические пласты. Сейчас, когда я пишу эти строки, на глазах у всего мира Америка вступила в решающую фазу разрушения «империи зла», хотя теперь это уже и не империя вовсе, а ослабленная и бессовестно разграбленная Россия. То, что происходит нынче на Украине, любой здравомыслящий человек сопоставит с разбоем на большой дороге, выдаваемым заокеанскими кукловодами за борьбу во имя процветания пресловутой демократии. Почему Колин Пауэлл должен с официальной вашингтонской трибуны приказывать украинскому избиркому признать выборы президента нелегитимными? Сколько за последние годы мы услышали таких приказов Белого дома! Это Мадлен Олбрайт вместе с Хавьером Соланой обманули весь мир и уничтожили Югославию, якобы борясь с режимом Милошевича, а на самом деле истребляя сербскую нацию, подвергая варварским бомбардировкам беззащитный Белград, на глазах у «прогрессивного» европейского сообщества превращая в прах древние монастыри, фрески и иконы, внесённые в золотой фонд ЮНЕСКО. «Поздравляем с Пасхой!» - писали трусливые лётчики на страшных

авиаснарядах, и не остановил их наместник Бога на земле, старый римский папа. Это Колин Пауэлл и Кондализа Райс вместе с нашим «другом» Бушем-младшим начали бессмысленную и кровопролитную войну в Ираке, а потом оказалось, что поводом для этой агрессии стали мыльные пузыри, пущенные американской разведкой.

Наша «пятая колонна» всячески поддерживала «демократические инициативы» своих вашингтонских учителей и кумиров. Помните, как Чубайс, Немцов, Гайдар и Хакамада истерически требовали от своего единомышленника в Югославии Вука Драшковича способствовать американским варварам? Помните, как русофобствующая г-жа Сорокина в день объявления иракской войны собрала в «Останкино» боевых членов «пятой колонны» и вместе с ними заявила, что России этот конфликт не касается и «любимый город может спать спокойно»? Много ли мы слышали от доморощенных либералов протестных выступлений, когда г-н Черномырдин с ловкостью и пронырливостью газоторговца сдавал беспардонно Югославию? Наоборот, все телеканалы кричали «ура» и «в воздух чепчики бросали»!

Сегодня «пятая колонна» снова на коне и помогает нагнетать и без того близкую к военной обстановку на Украине. Я не могу без чувства протеста и омерзения смотреть новостные выпуски НТВ или читать украинские отчёты в «Коммерсанте». Когда слышу комментарий ведущего НТВ Пивоварова, не скрывающего своей ненависти к России и её сторонникам (я уже публиковал в одной из газет обращение в Генпрокуратуру с просьбой призвать этого оплёвывающего многовековое русско-сербское братство молодца к уголовной ответственности), когда знакомлюсь с «коммерсантскими» репортажами некоего Панюшкина, то хочу заверить вас, дорогие читатели, разнузданная эта пропаганда равносильна показу во время нашей войны с фашизмом на экранах советских кинотеатров геббельсовской хроники вместо «Новостей дня». А разве можно оставаться равнодушным, когда видишь напечатанными в том же «Коммерсанте» провокационные сентенции ярых активистов «пятой колонны», верных либеральных приспешников горбачёвского советчика Коротича и ельцинского вице-премьера Немцова?

«Москве надо утереться и заткнуться (каков стиль? - С.Я.). Ах, и небольшого ума ребята вьются вокруг Путина! А ему надо подумать, как вылезти из дерьма, ведь кроме него и Лукашенко никто не додумался поздравить Януковича. Этим Путин лишил Россию права быть арбитром на постсоветском пространстве» (Коротич).

«Надо, во-первых, признать факт чудовищной фальсификации выборов. А во-вторых, прекратить составлять компанию Лукашенко, Туркменбаши и Ким Чен Иру... Если Путин не изменит отношения к Украине, то во время визитов в эту страну ему придётся проводить встречи на яхте на Днепре, а не в Киеве» (Немцов).

«Мы стояли с Борисом Немцовым на лестнице, а снизу шла Юлия Тимошенко. Она улыбалась, но так, как улыбаются люди, желая, чтобы их погладили по голове. «Ну как, Юля?» - спросил Немцов. «Всё хорошо», -

она улыбнулась и прикоснулась лбом к плечу Немцова».

Слезы умиления должно, вероятно, по мнению обозревателя «Коммерсанта», вызвать воркование разрушителя России, бездарного болтуна Немцова и находящейся в розыске со стороны нашей Генпрокуратуры провокаторши, призывающей украинский народ к кровавой бойне.

Одна из главных составляющих отечественной «пятой колонны» - многочисленный отряд образованцев, самозванно объявивших себя интеллигентами. Состав наших горе-просветителей неизменен. Нас по-прежнему через все информационные рупоры учат жить писатели типа циника и сквернослова Ерофеева, пичкают бесконечными сериями насквозь пролживленных «Московской саги» и «Детей Арбата», оболванивает своими псевдоисторическими хрониками г-н Сванидзе, старается выдать белое за чёрное г-н Архангельский, потешается над культурой и литературой шоумен Швыдкой.

Квинтэссенцией, своего рода программным заявлением, стали слова, сказанные неким политобозревателем г-ном Приваловым (помните, с трубкой?). Ничтоже сумняшеся, он заявил на кухне Дуни и Тани, что 21 августа 1991 года, постояв у «Белого дома» и поняв, что штурма ельцинской цитадели не будет, по дороге он увидел вокруг себя одни рожи, ибо настоящие одухотворённые, просветлённые лица все остались на бутафорских белодомовских баррикадах. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Господа из «пятой колонны», постарайтесь всё-таки одуматься! Не пристало людям, живущим в России и пользующимся благами, которые подлинным труженикам и не снились, так беззастенчиво предавать её интересы и столь цинично служить денежным хозяевам, старающимся сделать весь мир своим рабом!

Ай, моськи...

Ругать классическую русскую литературу стало у современных культурных деятелей, а особливо у «прогрессивных» писателей, признаком хорошего тона. Чем шкодливее и изворотливее нынешний слагатель слов, тем больше это охаивание напоминает лай беспородной собачонки, сорвавшейся с поводка. Верховодят шабашем «на лысой горе» сочинители образца Витечки Ерофеева. Странички «свободолюбивых» опусов сего графомана, ещё со времён доморощенного бестселлера под названием «Метрополь» пронизанные всеотдайной любовью к нужникам и воспеванию гениталий, нынче превратились в несусветную похабель, которая вполне тянет на пятнадцать суток милицейского режима. Но вместо общей камеры и метлы для уборки мостовых щедрое наше телевидение, особливо образованческий канал «Культура», предоставляет своему анфантерриблю эфирного времени, как говорится, «от пуза», и тот, стараясь не отстать от подельника по глумлению над «разумным, добрым и вечным» гламурного шоумена Швыдкого, растлевает оттопыренных налогоплательщиков на полную катушку, купаясь в дешёвой софитной популярности на виду у истеричных

поклонников и поклонниц.

Более солидные и маститые друзья Ерофеева по литературному цеху, несостоявшиеся классики образца Аксенова, Попова, Толстой и иже с ними, изгаляются над классиками состоявшимися чуть сдержаннее, хитрее, хотя и не скажу, что умнее. Читать творения российских псевдопоследователей Джойса, Кафки, Камю или Пруста может только человек отменного здоровья, имеющий уйму свободного времени и сильно обделённый здравым умом.

У притомившихся от бумагомарания насмешников этих и своя «крыша» имеется, «Пенклубом» именуемая. Принимают в элитарную лавочку, строго следуя демократическим канонам, лишь на деле проверенных братков, а презираемым ими авторам с фамилиями Распутин, Белов, Бородин, Балашов, Личутин и тому подобным, дорога в ту малину заказана. Паханом в клубе поставлен несложившийся футболист, ярый поклонник постмодернизма, пролетевший над его верхушками и готовый за интересы модных своих подельников «моргалы выколоть».

Подобно играющему в правозащитника многоликому Ковалёву, заступающемуся лишь за чеченских бандитов, российских журналистов с корочками «Свободы» и торговцев закрытыми сведениями российских учёных, наши пенклубовцы и глазом не моргнули, когда на книжных прилавках появилась провокационная брошюрка некоего Войновича, оплёвывающая А.И. Солженицына. Не прислушались глухари сии к блистательной и тревожной рецензии И.П. Золотусского, в пух и прах разбившей демократический донос, порочащий человека и писателя, ценой собственной жизни отвоевавшего право «войновичам» существовать вольготно и писать бесцензурно. Молчат воды в рот набравшие литературные витии, когда обильно подпитанные заграничными денежными пособиями шустрые наши культуртрегеры впопыхах лепят в Петербурге мемориал поэту Бродскому.

Забыли равноудалённые правдолюбцы, что нет ещё в России памятников Пастернаку, Гумилёву, Цветаевой, Ахматовой, да, наконец, великий Тютчев даже бюстика не удостоен. Закрыли глаза юрисконсульты «Пенклуба» на принятое в цивилизованном мире разумное правило фиксировать заслуги деятелей культуры в камне и металле лишь по прошествии полувека со дня кончины. Так пусть не возмущаются литературные горе-демократы, что, руководствуясь теми же принципами вседозволенности, оппоненты их городят рядом с Кремлём музеи Шилова и Глазунова, впервые в истории человечества увековечивая живых «гениев», не успевших занять свои ниши в богатейшем художественном наследии Отечества.

Если литераторы «в законе» позволяют себе глумление над титанами, давшими миру нетленные образцы божественной поэзии и прозы, то почему бы и окололитературным образованцам не поглумиться над трудами тех, кто научил их читать и писать. Изгаляются и гогочут беспардонно, цинично, безнаказанно, ведь мёртвые сраму не имут.

Уставший от музыкальных свершений и буддистских камланий, некогда выглядевший думающим и стремящимся к познанию прекрасного, Борис Гребенщиков, предваряя каждое своё интервью (а их не счесть) ремаркой о том, что он этот жанр ненавидит, как не терпел его Андрей Рублёв (откуда он это знает, а может, прославленный иконописец был человеком разговорчивым), договорился до полного неприятия «Войны и мира». Ни один толстовский образ не мил и даже неприятен утомлённому барду, и ничего почерпнуть из сей опостылевшей книжонки он не может. Вспоминаю, как однокурсники Андрея Тарковского рассказывали о миниатюрном своём товарище, вечно носящем под мышкой толстый том любимого романа и старавшемся подражать своему тёзке - князю Болконскому. Это и стало одной из причин, что по прошествии длительного для жизни кинопродукции времени на одном дыхании смотрятся «Андрей Рублёв», «Иваново детство», «Зеркало»... А вот не прошло и года, и кто теперь вспомнит пошловато-глумливый фильм некоего режиссёра Учителя, покопавшегося вместе с единомышленниками в исподнем русского классика Бунина.

Как всех этих «учителей» тянет изнанка творческого процесса бессмертных, какими патологоанатомами становятся создатели дешёвой клубнички! Потрясает то, что сценарий антибунинской картины написала молоденькая девочка Дуня Смирнова. Неужели озлобленный её папа, несостоявшийся режиссёр, исступлённо сводящий счёты с советским прошлым, когда избалованный сын номенклатурного родителя купался как сыр в масле, сумел заразить ребёнка патологической ненавистью ко всему русскому, к прелестям деревенской жизни, к светлому простору нашей прекрасной земли, к добрым и отзывчивым людям? И вот уже повзрослевшая «лолита» села на кухне с мегерообразной писательницей, как бы породнившейся со славным родом Толстых, и несёт на канале «Культура» такие сентенции, что хоть святых выноси. А ведь сколько её совестливый дед, писатель Сергей Смирнов, принёс добра людям, скольким забытым воинам - защитникам нашим - вернул он славные имена и вечную память, так же, как и замечательные актёры Леонов, Папанов, Сафонов и Глазырин позволили заявить капризному её папе о себе как о подающем надежды режиссёре. Но правильно говорится, оставь надежды, всяк сюда входящий! Променял отпущенную Богом возможность Андрей Смирнов на псевдодемократические ценности, позволяющие плевать в колодец с чистой водой.

«Им можно, а почему же нам нельзя?» - задаются вопросом представители масскультуры и стараются не отстать от передового отряда так называемой интеллигенции. В недавнем телевизионном шоу, где думские депутаты во главе с Жириновским и Федуловым с пеной у рта отстаивали право русского человека материться устно и на бумаге, на трибуну выскочил, словно чёртик из табакерки, раскрашенный наподобие туземца с полинезийских островов Бари Алибасов и подленько, сальненько просмаковал отрывок из записок Пушкина про пресловутый сундук, связанный с Анной Керн. Откуда знать «нанайцу», что есть вещи, о которых нельзя болтать публично, а уж если ты знаешь, кто такой

Пушкин, то и вообще держи дистанцию. Нет, несёт безграмотного балабошку: «Сам Пушкин позволял себе цинизм, а почему нам нельзя?»

Во-первых, циничным Пушкин не был по Божественному предназначению. Написав молодым «Гавриилиаду», он всей своей последующей жизнью искупал сей грех богохульный и кровью своей смыл прегрешения и человеческие слабости. А самое-то главное, загляни Алибасов в последние исследования пушкинистов - и не стал бы он вспоминать про пресловутый сундук. Не Анне Керн посвятил он строки о чудном мгновении и гении чистой красоты! «Сикстинская мадонна», так потрясшая В.А. Жуковского и восторженно описанная им, а может, и сама императрица Александра Фёдоровна, перед красотой которой тайно преклонялся великий поэт, вдохновили Михайловского изгнанника на божественное творение. Поездили бы почаще к берегам Сороти «нанайцы» и большие литературные дяди, впавшие в детство и ставящие мини-памятники зайцам и чижикам-пыжикам, - глядишь, что-нибудь поумнее и придумали бы, чем интерпретации непроверенных рассказов и баек, связанных с именем Пушкина.

Покопавшийся в исподнем великого поэта эстрадник Алибасов достоин сожаления, и есть надежда, что, пообщавшись со вдовами великих наших писателей, он ещё чему-нибудь научится, ибо наивность и горячность сего эстрадного мустанга, вероятно, поддаются дрессировке. Куда безнадёжнее, безысходнее и страшнее будущее писателя В. Пьецуха, посягнувшего в одном из номеров «Литературной газеты» на эксгумацию и препарирование творческого наследия, да и не только его, но и на физиологическое копание в человеческой судьбе Лермонтова. В своём опусе «Тяжёлые люди, или Провидение и поэт» сей замысловатый автор берёт быка за рога «во первых строках письма своего».

«Нет в нашей литературе явления более загадочного, чем Михаил Юрьевич Лермонтов, во всяком случае, ни один русский писатель не возбуждает столько недоумений, вопросов, предположений под общей рубрикой «если бы да кабы» (а Достоевский, Гоголь, Толстой? - С.Я.). Например, затмил бы Лермонтов Пушкина, если бы он не погиб, как говорится, во цвете лет? (постановка вопроса даже не на уровне детского сада, а, скорее, яслей. - С.Я.) Кабы он не заболел в детстве редкой формой рахита, вышел бы из него гениальный художник в области изящной словесности или нет? Коли Бог время от времени засылает к нам гениальных художников, то почему они так дурно себя ведут (sic!), а есть ли, в самом деле, Бог, если великие поэты погибают нелепо, едва околдовав своих современников, и, как говорится, во цвете лет?»

Первый абзац пространного рассуждения о рахитах и других физических и психических отклонениях Лермонтова мог бы стать для автора и читателя и последним. Все дальнейшие многословные рассуждения - лишь вода в ступе, которую толчёт горе-критик, добавляя то соли, то перца, но варево остаётся невкусной размазнёй. История болезни Лермонтова, сфабрикованная «румяным» его критиком, состоит из непроверенных обрывков чьих-то мыслей и рассуждений и диагнозом

быть не может ни в коем случае. Покопавшись поверхностно ещё и в истории отношений поэта с Екатериной Сушковой, оставив бедную девушку «на бобах», писатель-супермен заключает: «Занятно предположить: если бы Михаил Юрьевич был статен и красив лицом или вовсе не придавал значения своей внешности, он вряд ли опустился бы до такой низкой выходки (сознался в том, что не любит и не любил никогда девушку. - С.Я.), хотя, вероятно, поэзия его была бы не столь пронзительна. Впрочем, он был гением, а у них не всё так причинно-следственно, как у нас».

Да, Лермонтов был гением, и, в отличие от Пьецуха, у него всё причинно-следственно, и нет в его жизни и поэзии в «огороде бузины, а в Киеве - дядьки». И не надо «пьецухам» копаться в истории болезни гения, особенно, когда позволяют «пьецухи» задавать вопросы: «Есть ли, в самом деле, Бог?»

Есть Бог, господин Пьецух, и именно от Бога получил свой талант Лермонтов, а не по причине рахита стал великим творцом. Бог сделал тонким художником Тургенева, а не «странная четырёхмесячная болезнь», о которой читаем в опусе Вашем. И если Бог отпустил Вам, в отличие от больных Лермонтова, Гоголя, Тургенева, «злюк, интриганов и драчунов» Хераскова, Сумарокова и Ломоносова, Пушкина, с отвращением читающего свою жизнь, невыносимого Льва Толстого, хандрящего Чехова, пьяницы Куприна (список составлен по материалам статьи Пьецуха) здоровье, так попробуйте написать что-либо приближающееся К творениям пациентов, которых помещаете Вы в больницу для прокажённых. Не стану спорить - в здоровом теле здоровый дух, но судить об этом здоровье можно лишь по результатам духовного зрения здоровых его обладателей.

Лет пятнадцать назад на волне пресловутой перестройки, отвязанные с поводка демократии, некоторые хваткие наши кинематографисты, под шумок свергавшие и оплёвывавшие своих учителей, потоптались, подобно носорогам, по фильму «Лермонтов», снятому молодым режиссёром Н. Бурляевым. Сколько грязи и оскорблений вылили выдающие себя за прогрессистов громилы на обычную ученическую картину, снятую, может, и робко, но с большим тщанием и пиететом перед её героем?! В бурляевском фильме были и немалые удачи, и любовное отношение к порученному делу, и даже творческие находки. Но оппонентам во главе с распоясавшимся С. Соловьёвым хотелось протолкнуть своё кинопроизведение о Лермонтове, чей сценарий очень созвучен с пьецуховской патологоанатомией и копанием в чернухе окололермонтовских исследователей.

Соловьёв оторвался тогда на пошлейшей «Ассе» и разноцветных «Розах». Результат тлетворных этих однодневок не замедлил сказаться. Сколько оболваненных юнцов испытали на себе гниль и пустопорожность болтливых тех кинолент. И когда сейчас Соловьёв в средненькой картине «Нежный возраст» ставит вопрос, кто довёл детишек наших до уровня мышления «милых жоп» и наркоиглы, то пусть ищет ответ на него в

предыдущем своём творчестве. Нечего было копаться ему и ближнему кругу в проблемах, был ли Ленин грибом, и юродствовать на горе русского народа. Ленин был врагом всего Божественного и разумного и сумел отравить своей идеологией не одного Соловьёва, но и людей более стойких духом, да поддавшихся на приманку разрушительных идей, привнесённых в Россию иноверцами.

Патологоанатомический опус Пьецуха, к удивлению моему, появился на страницах «Литературной газеты». Каждой своей мыслью и способом изложения просится сие сочинение в анналы «Московского комсомольца», любящего попотчевать своих читателей тлетворной пищей. «Литературная газета», радующая последнее время замечательными выступлениями Скатова, Пороховщикова, Кивы, Золотусского и других думающих авторов, напрасно проявляет плюрализм, печатая Жуховицких, Пьецухов и других модных говорильщиков. Про них хочется сказать: «А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь».

Идолы рукотворные

Отчего «памятник водке» оказался важнее бюста Станиславского

Мне, состоящему многие годы в президиуме Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, всё чаще приходят запросы о правомочности повального воздвижения монументов, скульптурных групп и памятных знаков в различных уголках необъятной нашей Родины. Конечно, время на дворе окрашено революционными переменами и потрясениями, и тут уж без монументальной пропаганды не обойтись. Вспомните, какое значение придавал этому вождь первого в мире государства рабочих и крестьян. В стране дымились пожары Гражданской войны, голод уничтожал сотни тысяч жителей, а скульпторы наспех мастерили памятники знаменитым революционерам, писателям, философам, учёным. Даже персонажей церковной истории не забыли и, хотя бы в гипсе, увековечили социально близкого разрушителям России Иуду Искариота.

Хозяева сегодняшней жизни, празднуя балы в честь сомнительных удач, стараются как можно быстрее увековечить близких им по духу кумиров, забыв о том, что существует специальный параграф, узаконенный ЮНЕСКО, который не рекомендует устанавливать памятники деятелям культуры раньше чем через пятьдесят лет после их ухода из жизни. «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черёд», - писала Марина Цветаева. Слова юной поэтессы оказались пророческими, творчество её стало классикой русской литературы наряду с шедеврами Пастернака, Ахматовой, Гумилёва, Мандельштама. Но не им ставят памятники нынешние культуртрегеры. Забыты монументальными пропагандистами Станиславский, Шостакович. Тютчев отмечен лишь скромным бюстиком во дворе московской усадьбы. Зато облагодетельствовали центр Москвы шемякинскими изваяниями человеческих пороков, помещённых по соседству с Третьяковской галереей и памятником Илье Репину. Благодарный новым хозяевам

господин Шемякин торопится увековечить память петербургского губернатора Собчака. Американский «земляк» Шемякина Эрнст Неизвестный задумал проект «Памятник водке». И это в древнем Угличе, где одна из страшных нынче проблем - пьянство. Впрочем, заокеанского «Микеланджело» не волнуют здешние проблемы. Тем более что прецедент имеется - болванчики в честь певца российского алкоголизма Венечки Ерофеева уже установлены на трассе Москва-Петушки. Виктор Астафьев, сам в молодые годы неравнодушный к рюмке, диву давался, видя прославление сошедшего с круга писателя. А ещё один полуамериканец Евгений Евтушенко договорился до того, что Венечка пребывает в одном пантеоне с Гоголем...

В дореволюционной России наиболее значимые памятники строили на собиравшиеся народом пожертвования. Жертвователи вместе со знатоками выбирали лучший проект и наиболее полюбившегося скульптора. Монументы возводили с большими временными интервалами, помня о значимости увековечиваемого деятеля и важности события. Поэтому и остались знаковыми на века Медный всадник, Минин и Пожарский, опекушинский Пушкин, микешинское Тысячелетие России в Новгороде. Не апологет я тоталитарно-застойных времён, выпавших на нашу молодость, но не могу не признать, что всесильный Вучетич, обладавший неограниченными возможностями и властью, сработал всего три монументальных колосса: памятник воину-освободителю в берлинском Трептов-парке, железного Феликса и Родину-мать в Сталинграде. Поучиться бы нынешним суетливо плодовитым ваятелям такой сдержанности у «хозяина всея советской скульптуры».

Кто в чаду охватившей страну монументальной пропаганды зрит в исторические корни? Разве подумал конвейерный скульптор А. Рукавишников, сажая в неприличную позу у главного входа в Государственную библиотеку Фёдора Михайловича Достоевского, как скромный до болезненности писатель отнёсся бы к идее быть дважды увековеченным, причём в первый раз блестящим монументом в Москве, где он только родился и жил маленьким мальчиком. А что бы сказал Михаил Афанасьевич Булгаков по поводу уничтожения Патриарших прудов несуразной «примусной» композицией того же скульптора в честь романа «Мастер и Маргарита»? Спасибо московским старожилам, лёгшим под колёса самосвала со строительными конструкциями и не давшим надругаться над заповедным местом.

А разве прислушались те, кто «облагораживает» Манежную площадь торговыми точками и фонтанами, к мнению истинных специалистов и хранителей исторической памяти? Разве подумали они, прежде чем дать щедрому дарителю Церетели плодить примитивный зверинец рядом со святая святых - Могилой Неизвестного Солдата, символизирующей жертвенный подвиг миллионов убиенных на полях Великой Отечественной?

Неужели не дрогнуло сердце у заказчиков и проектировщиков, когда смотрели они чертежи и планы экспозиции возводимого на Стрелке

монструозного Петра? Ведь и неспециалисту было понятно, что это «восьмое чудо света» исказит облик столицы до неузнаваемости, загородит не только храм Христа Спасителя, но и сам Кремль невозможно будет разглядеть с Воробьёвых гор.

Лукавый так и старается опошлить любое, даже самое светлое событие, каким два года назад стал, к примеру, 1100-летний юбилей Пскова. Напрасно пытались искусствоведы доказать местным властям, что глупо в рамках одного торжества открывать сразу два памятника основательнице города Святой Равноапостольной княгине Ольге с интервалом в один день. Возымел действие веский аргумент московских ваятелей З. Церетели и В. Клыкова: монументы устанавливаются безвозмездно. Безвозмездно для Пскова, хотя одному Богу известно, сколько уйдёт денег на затраты по установке и благоустройству. Но и самим «данайцам» дары их кто-то оплатит, ибо бесплатный сыр бывает лишь в мышеловке. Может, щедрым москвичам лучше отреставрировать разрушающиеся нерукотворные памятники Святой Ольге - древние псковские храмы?

Псков в катастрофическом положении, а состояние его архитектурных сокровищ сравнимо разве что с последствиями военных лет. Но у нас совсем забывают о том, что оставлено в наследство талантливейшими мастерами Древней Руси, и не гнушаются рядом с обветшавшими жемчужинами, а иногда и руинами ставить новенькие памятники, выглядящие, словно заплата на драном кафтане. Сказано в Евангелии: «И никто к ветхой одежде не приставляет заплаты; ибо вновь пришитое отдерёт от старого и дыра будет ещё хуже».

Забывают современные скульпторы и их заказчики (да и знали ли?): церковные каноны исключали круглую скульптуру и установку памятников святым. Храм, икона, фреска, плоская резьба, мелкая пластика, книжные украшения - вот основной набор древнерусских мастеров. Мне понятно, что снятие запретов и отмена атеистических изуверств побудили современных художников приложить своё дарование к прославлению подвигов молельников и подвижников православных. Я приветствовал установку памятника Преподобному Сергию в Радонеже и даже помогал скульптору В. Клыкову преодолеть запреты на его открытие. Радовалось моё сердце, когда во дворе Марфо-Мариинской обители (где проработал четверть века) тот же мастер с чувством меры и такта поместил изящную скульптуру Святой Елизаветы - основательницы монастыря княгини Елизаветы Фёдоровны. А дальше пошёл поточный метод изготовления штампованных поделок. И сегодня докатился этот поток до тихого посёлка Борисоглебский Ярославской области, где рядом со стенами прославленного монастыря Святых Бориса и Глеба намереваются воздвигнуть очередной церетелевско-данайский дар - десятиметровые бронзовые изваяния Преподобного Иринарха, благословившего Дмитрия Пожарского на борьбу со смутой, и воина-монаха Пересвета. Как специалист по древнерусскому искусству, без малого полстолетия посвятивший спасению и реставрации церковного культурного наследия, я обращаюсь к тем, кто благословил впавшего в

монументальный угар Церетели: остановите беспредел, вспомните о евангельской заплате на ветхой одежде Борисоглебского монастыря...

Единожды солгав

Свобода слова, о которой мы все мечтали и которой упивались на кухонных посиделках в так называемую тоталитарную эпоху, обрушилась на Россию стихийно и нежданно, будто майский снег на расцветшие фруктовые сады. И сразу стало ясно, что сама по себе свобода эта отнюдь не самодостаточна, а скорее вредна и опасна, если ею пользоваться не во благо народное, а ради сиюминутной корысти новых хозяев жизни, присвоивших себе право на такую свободу. Вспомните, например, газеты, журналы и телеканалы конца 80-90-х годов, превратившиеся в мутную клоаку либеральной вседозволенности и беззастенчивой лжи, вместо того чтобы обеспечить объективное освещение происходящего в стране. Какие ушаты грязи выливали сорвавшийся с цепи коротичевский «Огонёк» и яковлевские «Московские новости» на тех, кто шёл не в ногу с «демократами», самозабвенно проклинавшими сталинский и брежневский режимы и возводившими почётные пьедесталы верным детям и внукам ленинско-троцкистской гвардии.

Сколько дифирамбов Бухарину, Тухачевскому, Якиру, Литвинову и другим разрушителям России было пропето слугами партийной верхушки, занимавшими главные места у номенклатурной кормушки. С какой щенячьей радостью перекрасившиеся журналы публиковали казавшиеся сенсационными, а на самом деле давно отшлакованные архивные документы о «героях», уничтоживших мировую и отечественную литературную и художественную классику, превративших подлинную культуру в экспериментальный суррогат, столь близкий и дорогой «комиссарам в пыльных шлемах» и «детям Арбата». Закрывали глаза борзописцы на тот факт, что родители этих детишек заняли дома, принадлежавшие ранее истинным арбатским старожилам, уничтоженным красным колесом революции. Возмездие, обрушившееся на их отнюдь не невинные головы со стороны бывшего подельника, превратившегося в тирана, стало законной платой за физическое уничтожение миллионов русских крестьян, лучших представителей отечественной интеллигенции, за пастырей православия, живыми закопанных в землю или сосланных на верную погибель на окраины бывшей империи. Вот их-то и славили писатели, режиссёры, актёры и публицисты, поспешившие поменять партбилеты на иностранную валюту.

Наводнившая книжные прилавки литература подменила свободу слова неприкрытой ложью, дешевизной формы, смакованием запретных тем и растлением подрастающего поколения. Особенно неприятно повели себя авторы мемуарного жанра, поспешившие, по меткому выражению Валентина Распутина, «вывалить чрева на всеобщее обозрение». Бог с ними, вралями и нарциссами. Исписанная бумага, как говорится, две копейки пуд. Но когда, ублажая себя любимых, они возводят напраслину на людей высоко духовных, сумевших и при большевистском режиме

остаться нравственными ориентирами, невольно хочется одёрнуть клеветников, порочащих подвижников, ушедших из жизни, а потому сраму не имущих.

Три года назад, приступая к работе над книгой «Архимандрит Алипий. Человек, художник, воин, игумен», я обратился к людям, имевшим счастье общаться с прославленным настоятелем Псково-Печерского монастыря, с просьбой поделиться со мной своими воспоминаниями о батюшке. Вспомнились рассказы игумена о молодом ленинградце Мише Шемякине, которому он помогал, как и многим другим неофициальным художникам. Словом и делом благословил он начинающего мастера, покидавшего Родину не по своей воле. Архимандрит Алипий в наших с ним мимолётных беседах вспоминал и о других подпольных творцах, искавших у него поддержки и понимания. Передавая мне фотоальбомы их выставок, игумен говорил: «Кокаином от картинок этих попахивает, но моя обязанность каждому нуждающемуся поспешествовать». Оказалось у меня и гравированное Шемякиным изображение Богоматери с трогательной надписью: «Архимандриту Алипию. Отцу, Наместнику, Художнику и Человеку с большой буквы».

На мою просьбу Шемякин, тогда уже заокеанский маэстро, ответил согласием, за которым, однако, последовало двухлетнее молчание. Во время второго телефонного разговора, когда книга уже сдавалась в типографию, господин Шемякин озадачил меня вопросом: «Не будет ли издание церковно-сусальным?» Ответив собеседнику, что, в отличие от нынешних российских шемякинских кумиров типа незадачливого властелина северной столицы господина Собчака, жизнь и служение архимандрита Алипия исключает даже намёк на какие-либо фривольности, я выслушал тираду о беспросветном пьянстве печерского игумена и о героическом поступке юного Шемякина, выловившего тонущего батюшку из бочки с солёными огурцами. Поражённый такими глюками, больше я к услугам гофмановского персонажа не обращался, ограничившись благородными и благодарными воспоминаниями тех художников, которым встречи с архимандритом Алипием помогли найти свою дорогу в жизни. А гравюру, давно исполненную Шемякиным во славу Богоматери и с поклоном дарованную благодетелю, поместил среди многочисленных иллюстраций недавно увидевшего свет издания.

Лишённый возможности приврать об игумене Алипии в серьёзном издании, охочий до жареных интервью господин Шемякин использовал наиболее подходящую для таких целей многомиллионную «Экспресс-газету», где среди изобилия порнокартинок поплакался приехавшим к нему в американское имение собеседникам, как насильно спаивал его гуляка-наместник - «замечательный человек, у которого всякий вечер было офицерское застолье». Присвоив себе должность келейника, прислуживающего настоятелю, и не подумал горе-мемуарист, что тогда, в 1961 году, только начинал батюшка труднейшую работу по возрождению из руин Печерской обители, отдавая каждую минуту насущным заботам, встречая мощное сопротивление со стороны клевретов Хрущёва, пообещавшего русским людям «показать последнего попа». Не учёл

маэстро, что назначил на ответственное место монаха Троице-Сергиевой лавры Алипия её игумен Патриарх Алексий I. Ценил в нём Святейший глубокую веру, дар художника-реставратора, но никак не гуляку лихого и бражника. Советую господину Шемякину почитать недавно опубликованные в «Псковских хрониках» документы из архивов КГБ, полные доносов, обвиняющих архимандрита Алипия в борьбе с атеистическими установками и требующих заменить его более сговорчивым монахом. С какой радостью ухватились бы доносчики за алкогольную зависимость наместника и препроводили в ближайший вытрезвитель. Много лет провёл я бок о бок с батюшкой, присутствовал на самых различных монастырских трапезах - от строгих постных до торжественных праздничных приёмов. Келейник всегда наливал в рюмку архимандрита чай, имитирующий коньяк, которым угощались гости.

Болтливая исповедь господина Шемякина в «Экспресс-газете» - типичный образчик российской свободы слова. Справедливо возмущается он своими коллегами по творческому цеху - «дерьмовыми концептуалистами, обнажающимися на публике, лающими, выставляющими на швыдковских биеннале экскременты, а за такие «шедевры», как клетка с чучелом и рукописями, обгаживаемыми живыми курами, получающими золотые медали Академии художеств России, приватизированной ненасытным Зурабом Церетели». Живописны и зрелищны сценки совместного пьянства и мордобоев промеж Шемякиным и доморощенным революционером Лимоновым, твёрдо следующим по ленинскому пути. Герои весёлых пассажей стоят один другого. Но постоянно тянет Шемякина постоять на одной доске с сильными мира сего. «Я Аникушину, академику мировой величины (!), прошлой зимой посылал из Америки дублёнку, чтобы старик не замерзал. Единственное тёплое пальто с него сняли на улице посреди белого дня, и он в слезах в одном пиджаке домой бежал». Хлестаков здесь отдыхает! Аникушин - известный скульптор - при жизни был настолько материально обеспечен, что мог бы и Шемякину дублёнку со своего плеча пожаловать.

Завравшемуся художнику, прекрасно знающему историю мирового искусства, собравшему уникальную библиотеку-музей, следует почаще вспоминать благодарственную свою надпись на гравюре Богоматери, посвящённую архимандриту Алипию. Вместо того чтобы уродовать прекрасный облик центра Москвы изваяниями человеческих пороков и стремиться запечатлеть в бронзе порушившего Санкт-Петербург Собчака, отдать дань памяти директору Эрмитажа М.И. Артамонову, изгнанному из музея партийными бонзами за разрешение показать первую шемякинскую выставку в его помещении. Нужно мэтру покаяться и перед ушедшим из жизни художником Михаилом Шварцманом, который забывчивому тёзке щедро преподал азы изобразительного искусства и вытащил из беды, случившейся с изгнанником в «гостеприимной» Франции. Покаяться за то, что на свою персональную выставку в Центральном Доме художника обласканный либералами-перестройщиками возвращенец пригласил важнейших дип, вип и других персон. Только про Михаила Матвеевича в суматохе забыл. А это хуже завирального синдрома и носит другой

диагноз.

Я не хочу, чтобы слово «интеллигенция» было ругательным

Мне часто приходится читать и слышать самые разные мнения о русской интеллигенции, о её роли в судьбе России. Так сложилось, что сегодня понятие «интеллигентный человек» воспринимается как понятие положительное, комплимент. С другой стороны, Лев Николаевич Гумилёв слово «интеллигент» воспринимал как ругательство. В ряде работ мыслителей начала XX века интеллигенция понимается как секта. Кто-то и сегодня считает, что есть образованные люди, созидатели, а есть интеллигенция, которая внесла отнюдь не созидающий вклад в историю России.

У меня возникает рифмованное сравнение: интеллигенция - индульгенция. Публика, которой дали образование, попав в сферу культуры, как бы получила определённую индульгенцию от общества. Но вот отрабатывает ли она свою роль?

Я не хочу, чтобы слово «интеллигенция» было ругательным. Оно имеет общепризнанный смысл, но, чтобы определиться, для меня интеллигент - это и плотник из Кижей, и лесной обходчик, и спортсмен, и художник, а вовсе не каста или секта, о которой некогда говорил Бердяев. Но сегодня, рядясь в тогу интеллигента, люди часто забывают о том, кому и чему они должны служить. Право на просветительство должно быть знаменем в руках интеллигента, но обладать этим правом может только человек, являющийся патриотом своего Отечества. Я не люблю декларативных заявлений, но преклоняюсь перед фразой Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!»

Ошибочно считается, что в России интеллигенция стала появляться в петровские времена, когда прорубили пресловутое «окно в Европу» и люди стали одеваться на европейский манер. Знаток истории русских княжеств академик Валентин Янин считает, что новгородцы гораздо раньше распахнули дверь в Европу. И почему мы не можем отнести к русской интеллигенции, скажем, Сергия Радонежского или автора «Слова»? Скорее всего, с Петром связывают появление в России европейской моды, камзолов и ассамблей. Я не против. Сам по возможности старался следовать моде, особенно в молодые годы, и брюки узкие носил, но считать умение хорошо одеваться признаком интеллигентности - ошибка.

Особенно ярко проявила себя наша интеллигенция в конце XIX - начале XX века, что позволило Бердяеву, а затем Льву Гумилёву и другим задуматься о роли в трагических революционных событиях нашей страны творческой её части - деятелей культуры, литераторов. Роль Ленина, Троцкого, Парвуса понятна, но, положив на чашу весов их влияние на умы народа и влияние русской интеллигенции, удивляешься, насколько сильным было деструктивное воздействие последней. Читая

историческую литературу, поражаешься, сколько по-настоящему талантливых людей Серебряного века (среди них Сомов, Бенуа, Гиппиус, Мережковский, Вячеслав Иванов) приняли участие в разрушении русской культуры, веры. Я ещё понимаю, когда дворянские девочки, затюканные революционной литературой, идут в террористки. Им, засидевшимся в провинциальных усадьбах, хочется свободы. Они не понимают, что происходит разрыв с самым главным - верой. Им надоела вера!

А люди Серебряного века, начинавшие ломать строй, разрушали не просто веру, но и производную от неё культуру. Разрушая, они забывали, сколько хорошего создано на Руси, сколько было великих людей, забывали Иосифа Волоцкого, протопопа Аввакума, Никона. И в итоге оказались под влиянием Бакуниных. Говорю об этом, потому что Бакунин - первый интеллигент-крикун из тех, про которых Достоевский говорил, что они ради революции будут топить детей в нужнике. Я называю сборища «серебряновековцев» во всяких «ивановских башнях» камланием. Они не предполагали, что их действия, в конце концов, приведут к одинокой могиле на парижском кладбище. Они искали Антихриста, не понимая, что он рядом с ними, что Бог дал им таланты делать добро, а они клюнули на соблазнительную наживку.

Когда Ленин называл интеллигенцию дерьмом, у него были основания так именовать высокообразованных людей, потому что он понимал: в ответственный момент они сдадут.

Что взять с крестьянина или рабочего, одурманенного лозунгами о лучшей жизни? Но ведь эти-то жили в таком достатке! Дягилев, например, для своих Русских сезонов получал дотацию от императора. Даже такой удивительно талантливый человек, как Блок, с такими устоями, родословной, женатый на дочери патриота из патриотов Дмитрия Менделеева, сам не заметил, как попал в воронку. Но Блок - пассионарий и расплатился страшно. Его последними словами были: «Люба, мы все экземпляры «Двенадцати» сожгли? Там один у Брюсова остался, забери и уничтожь!»

Недавно была годовщина Цусимского сражения. Это поражение русского оружия, как и сто лет назад, вызвало в определённой среде насмешки, даже восторг. А Менделеев в своё время плакал, узнав о Цусимской трагедии. Как и все великие люди, Лев Николаевич Толстой, который искал свои пути, не мыслил топтать родину.

Для меня символами стойкости того времени остаются два человека: Константин Сергеевич Алексеев (Станиславский), новатор и потрясающий патриот своего Отечества, и Ефим Васильевич Честняков (Самуилов), ныне несправедливо забытый гениальный художник (ученик Репина, однокашник Кардовского и Ционглинского), который, отучившись в академии, мечтал вернуться в родной Кологрив, создать там театр, писать картины для детей.

Но что бы о них ни говорили, эти интеллигенты, скажем, художники Серов, Поленов, Коровин, страдали, когда в 1905 году расстреливали

невинных.

А сегодня думаешь: плакали ли наши «творческие интеллигенты», когда на их глазах уничтожали Белый дом? Нет, они праздновали победу в «Метрополе», устраивали концерты, ниспровергали идею революций. Им не «Капитал» изучать, а «Бесов» Достоевского перечитывать надо. Какая же это интеллигенция? Сегодня интеллигенция предаёт свой народ, активно сотрудничая со структурами, обворовывающими страну. Материальную поддержку интеллигенция должна получать не от них, а от государства, и её материальный уровень должен быть соответствующим.

Но есть и те, кто в этой вакханалии сохранил себя, например, писатели Владимир Богомолов, Евгений Носов, Валентин Распутин, Василий Белов, художник Гелий Коржев.

Говоря о недавнем времени, хотел бы отметить ещё один феномен - интеллигенцию, возникшую на волне хрущёвской оттепели в середине 50-х и практически уничтоженную в конце прошлого века. Впрочем, ростки этого пласта нашей интеллигенции начали проявляться значительно раньше, в 40-е и даже 30-е годы. Эти люди, происходившие из самых разных слоёв общества, получившие высшее, в основной массе своей техническое, образование, проявляли огромный интерес к культуре, поднимая её на небывалую до тех пор в стране высоту. Своей жаждой культуры они подвигли людей творческих, гуманитариев к созданию многих отечественных шедевров.

Я вспоминаю, например, 60-е годы, когда так называемые толстые литературные журналы приобрести было просто невозможно и целые отделы НИИ или конструкторских бюро подписывались на единственный выделенный им на год, скажем «Новый мир», и по очереди читали все номера. Тогда, чтобы называться интеллигентным, культурным человеком, необходимо было посещать новые спектакли, кинофильмы, музеи. На выставки художников в любую погоду стояли очереди, причём независимо, выставлялись Матисс или Пикассо, Гурий Захаров или Виктор Попков, Гоген или Леже, Нико Пиросмани или Анри Руссо. Несмотря на невысокий по нынешним меркам уровень гостиничного сервиса, десятки тысяч людей колесили по стране маршрутами Золотого кольца России, посещали древние города (Новгород, Псков, Изборск и многие другие), отправлялись в походы по памятным местам, бескорыстно помогали археологам, реставраторам, топонимам. Книги по искусству, древнерусской архитектуре, поэтические сборники мгновенно раскупались.

Естественно, имея зрителя, слушателя, почитателя, деятели культуры, даже в условиях существовавших тогда идеологических рамок, стремились создавать произведения высокого художественного уровня. Вспоминаю, как в те годы меня регулярно приглашали рассказывать о работе реставратора в Дубненский институт ядерных исследований, причём и я, и мои слушатели ждали этих встреч с нетерпением. Очень интересовались нашими работами, например, академики Аркадий Мигдал и Бруно Понтекорво.

Большинство из этих людей, в одночасье обкраденные, оставшиеся не у дел, вынуждены влачить жалкое существование, искать себе работу на вещевых рынках. Естественно, ни о какой культуре думать они уже не могут.

Хочу особенно подчеркнуть, что зрители и слушатели, уважая западную и восточную культуру, отличали, ценили отечественную во всём многообразии её проявлений. А писатели и художники, музыканты и артисты, изучая и принимая мировой опыт, ориентировались именно на советского слушателя, зрителя, ценителя.

Сегодня же многие деятели культуры, востребованные и признанные в те годы, к сожалению, оказались нестойкими. Зачем художникам, выдающим себя за патриотов, на фоне нынешней абсолютной музейной нищеты устраивать себе галереи в центре Москвы, издавать собственные биографии в сафьяновых переплётах?

А зачем нашим патриотам нужно каждый день воздвигать памятник за памятником?

Можно по пальцам сосчитать, сколько в прежней России ставилось монументов. «Медный всадник», памятники Минину и Пожарскому, Пушкину, Тысячелетию России - вот основные наши монументальные маяки. А сегодня то одному царю, то другому, причём Александра II с Александром III путают. И всё это поделки. Зачем к 1100-летию Пскова в один день поставили два памятника княгине Ольге? Мог ли позволить себе Мартос, скажем, с Опекушиным или Микешиным открыть в Новгороде одновременно два-три памятника Тысячелетию России? Об этом, прежде всего, должны думать те, кто даёт деньги. Зачем же издеваться над историей России? Разве это интеллигентно?

В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. А у меня, когда вижу в телевизоре, скажем, современных поэтов, такое впечатление, что воскресли те, в кожанках, из 20-х годов, - настолько похожие лица... И невольно вспоминаешь лики наших художников - Нестерова, Корина... Или артистов - Ливанова, Кторова, Массальского...

А на нынешних посмотрите!

Разве могут люди культуры спокойно воспринимать поставленного в театре имени Моссовета «Ревизора», действие которого происходит в Ханты-Мансийске? Олигарха Хлестакова играет Гоша Куценко... Если б у нынешней так называемой интеллигенции была хоть частичка совести, она бы возмутилась. Нет, молчат...

Игорь Золотусский написал по поводу фокинского преступления - постановки «Ревизора» в Александринке. Но другие молчат. Им так лучше, им наплевать на нашего Гоголя. Что говорить, если самый прославленный режиссёр Марк Захаров занимается перелицовыванием нашей истории. Ты своё что-нибудь поставь!

То есть, суть в раздвоении: они хотят жить здесь, а понятыми быть

там. Для них главное, если на Западе примут, если на Западе похлопают, вот и славно! Но они уже опоздали: даже в Европе понимают, что Запад без культуры России ничего не может.

И, отвлекаясь от культуры, должен сказать: то, что французы сказали «нет!» Европейской конституции, - это выше всех майданов, всех разноцветных революций. Французы показали, что такое настоящий патриотизм. Французы, а повели себя, как Фидель Кастро и Лукашенко!

Но самое главное, в основе действий современных интеллигентов от культуры ложь, причём ложь как принцип, в полной уверенности, что никто не ответит, не даст отповеди. Скажем, поэт Вознесенский, называющий себя учеником Пастернака, всюду пишет, что учитель - жертва тоталитаризма. Какая жертва? Он был влюблён в Сталина! Взять хотя бы воспоминания Чуковского о том, как они шли со съезда и Пастернак искренне признавался, что хотел бы быть на месте колхозницы, которая разговаривала с вождём. Потом, правда, была история с «Доктором Живаго», но это уже другая эпоха. Хрущёв и церкви закрывал, что для меня страшнее, чем возня с этим романом.

Пастернак был честным и прямым человеком, а ложь утверждается в умалчивании. Вот поставили на Арбате памятник Окуджаве, мимо которого страшно проходить, а в «Литературке» была статья о том, что Окуджава толком и не жил на Арбате. И молчок: никто не подтвердит и не возразит. У них самое главное - умолчать. Вот ведь и Окуджаве памятник ставят, и на памятник Бродскому музей Соломона Гуггенхайма деньги перечисляет, торопит... Ну а памятник Пастернаку поставили? Забыли! Только камушек на могиле в Переделкино. Забыли, что в Петербурге нет памятников Блоку, расстрелянному Гумилёву, Ахматовой. Что же недавние и нынешние себя так любят?

Какая же это интеллигенция, если ей очень нравится, что она «в порядке», при орденах и медалях, но не понимает, что «Культурной революцией» Швыдкого, скучнейшими «Апокрифами» Ерофеева или «Временами» Познера можно только возмущаться?

Сегодня, погрязнув в борьбе за «хлебные места», эти люди отошли от интеллигенции. Им не нужно объединяться - это не входит в их планы. Была попытка сплочения русской интеллигенции (так называемый «Римский форум»), но либеральная её часть отошла, борзо поскакав за наградами, а патриотическая не имеет реальной возможности влияния.

Выступивший по телевидению Александр Солженицын отметил, что главной национальной идеей должно быть сохранение народа, который нынче вымирает у нас физически и нравственно. Вот та задача, о которой некогда говорил граф Шувалов и ради решения которой должна сегодня жить и объединяться интеллигенция России.

Не хочется заканчивать на грустной ноте. Я всё же верю и знаю, что сегодня есть талантливые писатели, которых замалчивают и обходят премиями. Тот же Михаил Тарковский или Василий Голованов, о которых возвышенно говорит литературовед Игорь Золотусский, очень честные и

талантливые люди. Начинает что-то проклёвываться на Российском телевидении и ТВЦ.

То, что сохранились живые, непроданные силы, свидетельствует о том, что «Сим победиши!».

Плоды демократии

Сегодня, по прошествии двух десятилетий пресловутой перестройки и последующего тотального разрушения страны, почему-то всё чаще вспоминаются символы и гримасы застойного нашего бытования. Числящие себя победителями либерал-демократы, словно смотрясь в потускневшее зеркало, примерили на себя все ненавидимые ими атрибуты старой власти, и очень они им пришлись по вкусу.

Премии, ордена и медали, украшавшие некогда представительские мундиры Брежневых, Софроновых, Вучетичей, Марковых, Симоновых, Михалковых, распределяются нынче высшими наградными комитетами промеж героев демократической тусовки, плодясь и умножаясь буквально на глазах. С экранов телевизоров, с журнальных и газетных страниц смотрят одни и те же довольные лица получивших очередное «кольцо в ноздрю», как шутили раньше. Многие из клонированных демократов приплюсовывают российские знаки отличия к советским орденам Ленина, премиям его же имени и другим отметинам оплёванного ими режима. Особенно красочным был недавний выход за очередной цацкой непотопляемого лидера четвёртой власти господина Игнатенко, умудрившегося получить главные подачки от тоталитарных руководителей, рьяно борясь против Сахарова и диссидентов, и сидеть за праздничным столом в доме юркого журналиста Роста - единомышленника и пропагандиста идей опального академика и его русофобствующей супруги Елены Боннэр, плюющей на Россию с берегов Гудзона.

Поражает меня какая-то зулусская страсть к наградным побрякушкам патологически полюбившего их музыканта Ростроповича. Давно уже переплюнул он по количеству со всего мира собранных украшений легендарного Брежнева. И вот, отмечая золотую свадьбу с мадам Вишневской пышным банкетом в «Метрополе» (где на первое подавали ближайшего друга юбиляров - разрушителя многострадальной нашей страны Ельцина, а уж потом столь любимые Славой морские гребешки с чёрной икрой и горными орхидеями), верный супруг в качестве десерта получил орден Петра I, а не менее верная жена удостоилась ордена Ломоносова. Видимо, учли их заслуги за прорубание «окна в Европу» и бесценный вклад в развитие отечественной науки.

Было бы всё это смешно, коли не казалось бы очень грустным. Как нельзя кстати попозировал маэстро с автоматом в руках во время маскарадных потешек августа 1991-го, удачно не приехал в 1993-м к Белому дому, когда по воле Ельцина гибли сотни невинных русских людей, на раз сдружился с Ельциным, Собчаком и их свитами. Вот и собирает теперь заслуженные дары.

Шостакович, Мравинский, Рихтер, Свиридов, Светланов и близкие им по духу творцы служили, прежде всего, высокому искусству, а потому нам есть чем гордиться и за что благодарно их вспоминать, глядя на нынешних гостей «пира во время чумы».

P.S. Прочитал газетное сообщение о награждении раввина-хасида Берла Лазара орденами Минина и Пожарского и Петра I. Умри, Денис, лучше не скажешь.

Кому ЧК, а кому мать родная?

Прежде чем задать этот волнующий меня вопрос и попытаться разобраться в сложных перипетиях, с ним связанных, скажу, положа руку на сердце, что кровавое «красное колесо» в страшной части нашей истории продолжает пластать меня по бренной родной земле не только горькой памятью о зверствах прародителей антирусского террора, но и мнимой бархатностью нынешнего уничтожения России, осуществляемого их не менее жестокими последователями, учениками, а иногда и просто родственниками по прямой.

Три основных составляющих русофобского террора коснулись меня отнюдь не косвенно. Одна половина моих дедов и прадедов - потомственные крестьяне из зажиточных слоёв, умевших и мельницу поставить, и урожай богатый собрать, не прибегая к помощи наёмных рабочих рук, обходясь своими недюжинными способностями и силой, отпущенной Богом; многие же из предков по материнской линии были верными слугами церкви, стойкими последователями старообрядчества. Разве можно мне забыть и простить тотальное уничтожение золотого фонда отечественного крестьянства, когда тридцать миллионов хранителей и кормителей России были сняты русоненавистниками с родных мест и истреблены физически?

А можно ли без содрогания перечитывать печальные мартирологи убиенных священников, начиная от патриарха, митрополитов и кончая простыми церковными служками?

Только у бессердечного человека не подступит комок к горлу при воспоминаниях о сотнях батюшек, живыми зарытых в землю, или о талантливом русском писателе и просветителе М.О. Меньшикове, расстрелянном по личному приказанию Ленина на глазах у жены и малых детей.

Третий фактор продуманного уничтожения русской нации новоявленными Маратами и Робеспьерами - высылка на чужбину целого парохода с двумя тысячами самых одарённых наших мыслителей: физиков, математиков, философов, историков искусства, писателей. Там были учителя моих учителей, оставшихся в России, прошедших сквозь адские испытания ГУЛАГа и сумевших рассказать мне о светочах русской науки и искусства, которых ЧК отправил подальше от родных берегов.

Когда началась так называемая перестройка, я сначала удивлялся и задавал себе один вопрос за другим, читая регулярно рупор

горбачёвского синдиката лжи - «демократический» «Огонёк», возглавлявшийся «пламенным революционером» Коротичем. Вроде братия эта - против коммунистов, большевиков, за свободу слова и чистоту дела, а герои их наскоро состряпанных разухабистых материалов, с пылу с жару варганившихся карауловыми, феликсами медведевыми и иже с ними, - Бухарин, Лурье, Троцкий, Тухачевский, Свердлов - старатели, руки которых в крови миллионов невинно убиенных русских людей. Значит, Орвелл в «Скотском хуторе» правильно заметил, что «все свиньи равны, но некоторые равнее».

Особое недоумение вызывало тогда, а нынче и совсем ставит в тупик отношение «свободолюбивых» представителей творческой интеллигенции, на дух не переносящих идей большевизма, поносящих Дзержинского и его контору на каждом углу, к одной из самых матёрых чекисток - Лиле Брик.

И я прошу ответить на мой вопрос Майю Плисецкую, посвятившую самые тёплые страницы своей биографической исповеди основоположнице её брака с Родионом Щедриным - кровавой леди нашей революции. Сколько гневных слов встретит читатель в повествовании прославленной балерины в адрес ЧК и КГБ, а вот «мама Лиля», бывшая гражданской женой заместителя шефа НКВД Якова Сауловича Агранова, воздвигнута на пьедестал жены цезаря.

Квартира Бриков - грязный вертеп, которому и нынешние порносалоны могут завидовать, - давала приют продажному террористу Блюмкину, здесь готовились проскрипции на уничтожение лучших русских людей, сюда попал и нашёл здесь свою погибель талантливейший, но мягкотелый Маяковский. Чувство брезгливости вызывает описание любовных треугольников, квадратов и прочих фигур извращений, царивших в «теремке» Бриков.

А как Майя Плисецкая восторгается сестрой Лилички - Эльзой Триоле и её мужем Арагоном! Забыв про свою антикоммунистическую озлобленность, поёт балерина осанну сладкой парочке - столпам французской компартии.

Неужели тонкий парижский парфюм, ужины в хороших ресторанах так притупили классовую ненависть Плисецкой к коммунякам? Ведь страшнее и циничней французских левых тогда в мире не было. Недаром такие деятели культуры, как Пикассо, Ив Монтан, Симона Синьоре и другие их товарищи, вносившие огромные деньги на счета лидеров французской компартии, поняв, что их средства идут на обеспечение роскошной жизни Арагонов и Триоле, переходили в ряды итальянских коммунистов.

Так что же, уважаемая Майя Михайловна, вы обо всём этом не знали или просто запах духов «Chanel №5», подаренных Эльзочкой, усыпил Вашу социальную бдительность?

С умершего режиссёра Параджанова теперь не спросишь, за что он боготворил кровавую Лилю Брик. У одарённых людей свои причуды, хотя

Пушкин и Лермонтов подобных палачей свободы и гения избегали.

А вот «благородный» наш Атос - актёр Вениамин Смехов - целую пьесу об Аиле и Эльзе поставил и порадовал ею французов и русских. И куда девался у постановщика свободолюбивый дух любимовской Таганки, которой так мешала жить и творить простая русская женщина Екатерина Алексеевна Фурцева, а потом и ненавистный режиссёр Эфрос? Вот сестрички Брики - это сама свобода, чистота и благородство. Только как же быть с их столь пакостными биографиями и с памятью о замученных с их помощью людях?

А может, вам, господа демократы, ЧК действительно мать родная? Ну, скажем, как её певцу Юлиану Семёнову или друзьям его по перу?

Жду с нетерпением вашего ответа.

Русская классика и носороги

«Весь мир насильем мы разрушим» - слегка изменённые строки «Интернационала» поместили на своих знамёнах опьянённые революционным угаром деятели культуры, рушившие духовное наследие прошлого. Как бесновались футуристы, призывая уничтожать музейные собрания, выбрасывать на свалку истории красоту, мир спасающую! Даже чистую душу Есенина, всеми корнями связанного с многовековым крестьянским ладом, опалил бесовской огонь троцкистских пожарищ. К счастью, угар разрушения быстро миновал поэта, за что с ним зверски рассчитались упыри чекистские, не простившие творцу возвращение к Богу. А вот Мейерхольд до конца прошёл ухабистый и мрачный путь реформаторства и надругательства над прекрасным. Предав анафеме Станиславского и его идеи, будет он потом искать защиты у благородного, глубоко верующего наставника, приютившего отступника, травимого беспощадными революционными друзьями. Дождутся те кончины Станиславского и полной мерой воздадут Мейерхольду за так нравившееся им его толкование Гоголя, Островского и других незыблемых литературных авторитетов.

Шатания и шараханья Мейерхольда, Малевича и им подобных, оказывается теперь, были сладкими ягодками по сравнению с беспределом, творимым их нынешними последователями. Куда основоположникам революционных экспериментов, получившим классическое образование в царских гимназиях и университетах, до всякого рода фокиных, розовских, захаровых, житинкиных и виктюков, учившихся в заведениях с обязательными курсами истории КПСС да диамата с истматом. Эти «гении» препарируют классику, запоздало откликаясь на призыв ненавистного им вождя: «Гоголи и Салтыковы-Щедрины нам нужны». Сколько «Ревизоров», «Мёртвых душ», «Чаек», «Вишнёвых садов», «Гроз» и «Карениных» осквернили безжалостные эксгуматоры классического наследия, заставив героев материться, творить крутой секс, плеваться в зрительный зал. Действие пьес они переносят в наши дни, не моргнув и глазом, Чичикова превращают в олигарха, а Хлестаков у них ревизует тюменские нефтескважины. Главная

цель всех без исключения горе-режиссёров - надсмеяться над русским народом, наделить его своими пороками, исказить историю и помочь Отечеству поскорее оказаться на дне пропасти.

Свои ушаты грязи в незамутнённый родник русской истории и культуры вылили два верных попутчика «гарвардских мальчиков», рушащих государство, - Парфёнов и Лунгин. Первый радостно продолжил многолетнее путешествие попрыгунчика по дорогам нашей истории, начавшееся ещё в дни пушкинского юбилея. Как обидно стало после пошловатых серий за героев обороны Севастополя, о которых даже противники отзывались в превосходной степени, называя их действия подвигом и ставя поражение то выше иной победы. «Война в Крыму, всё в дыму...» - ёрнически недоговорённой прибауткой сопровождаются все ужимки бездарного череповецкого актёришки, изображающего императоров, полководцев, воинов и литераторов. На фоне трагических картин Севастопольского сражения Парфёнов ведёт себя столь же развязно, как и во время съёмок дорогого по форме (в долларах) и дешёвенького по сути юбилейного фильма о Познере - кумире и учителе шкодливого Парфенова.

Пакостное впечатление от лунгинского «Дела о мёртвых душах» сопоставлю разве что с грязцой его же скабрёзных фильмов о нынешней России. Вот как оценил труд скабрёзника и образованца Лунгина писатель Игорь Золотусский, отвечая на вопрос ошарашенного антигоголевским зрелищем журналиста: «Эти господа позволяют себе гадить на людях, осквернять святыни, а признаки элементарного приличия им чужды». Вместе с блистательным знатоком творчества Гоголя вот уже который год добиваемся мы открытия первого музея великому творцу в России, чей двухсотлетний юбилей не за горами. Лунгины же и Фокины вносят весомый вклад в поругание самой памяти писателя, «смеявшегося сквозь слезы», плюют в святой источник, ибо давно уже черпают воду из колодцев, заражённых бациллами бескультурья и цинизма. Ученическая режиссёрская работа блистательного актёра Алексея Баталова, снявшего свою проникновенную «Шинель», - вот образец, достойный подражания.

Лохотронщик

Смотреть карауловские разоблачения утомительно и противно. На фоне претенциозных коллажей классической музыки этот выбракованный бультерьер, накормленный «досыта, до отвала», тщательно науськанный богатыми заказчиками, мяукая и пришепётывая, рвёт в клочья намеченные жертвы, пусть даже ранее возносимые им до небес, к примеру, Явлинского или Черномырдина. А то вдруг умильно оплакивает впавшего в милость хозяев разбойника с большой дороги. Поэтому третью кнопку по воскресным вечерам я обычно не включаю. Но как-то доморощенный мистификатор анонсировал сюжет о мастерах культуры, что мне положено хотя бы краем глаза посмотреть. Ну и насмотрелся до умопомрачения.

Словно плакальщик с древних египетских стел, рыдал Караулов

вместе с обиженными российскими СМИ своими кумирами-собеседниками - Ростроповичем и Плисецкой. Журналисты позволили бросить тень на железобетонный плетень забронзовевших бонз музыкальной культуры.

Абсолютно равнодушной к детям Плисецкой щедро подбросили найденную в капусте дочку-самозванку, а Ростроповича поцеловали в уста не так пылко и сладострастно, как это он сам любит делать. Глядя на экран, вспоминал я пасквильные мемуары Плисецкой и Вишневской, громко озаглавленные «Я - Майя Плисецкая» и «Галина», где, не стесняясь в выражениях, «писательницы» смешивают с грязью правых и виноватых, до небес превознося нелюбимых коммуняк и гэбэшников - семейку Бриков, Луи Арагона и прочих одиозных личностей...

А ведь как комфортно чувствовали они себя в начале девяностых, окружённые заботой и вниманием своры с цепи сорвавшихся комсомольских и партийных писак и телевизионщиков, среди которых особо выделялись Белла Куркова, Андрей Дементьев и Олег Попцов. Годами не сходили их лица с телеэкранов и страниц мутноватой периодики, получившей по воле Горбачёва и Ельцина право «первых брачных ночей» с угодными мастерами культуры. И вдруг неприкасаемых великих осмелились тронуть мелкие журналистские насекомые. Тут без помощи Караулова им от назойливых вредителей не избавиться. Пожалев обиженных Плисецкую и Ростроповича, всплакнул их защитник заодно и об отправленной слишком рано на пенсию (правда, в мафусаиловом возрасте) бессменной хозяйке хореографической академии госпоже Головкиной, вспомнил разборки Григоровича с корифеем танца Марисом Лиепой. И в ту же кучу околотеатральных сплетен свалил преступные деяния культурминистра Швыдкого, ускорившего уход из жизни могучего талантливого Евгения Светланова и по-скотски поступившего с гордостью русского балета Владимиром Васильевым. Не хочет понять Караулов, что подлинным творцам вредны его показные сочувствия. Так же как не нуждается великий актёр и художник Борис Ливанов в лицемерных причитаниях мачехи карауловской жены госпожи Мирошниченко, публично жалеющей преждевременно ушедшего из жизни мхатовского мастодонта, затравленного, к слову сказать, тогдашним её зазнобушкой Ефремовым, переносившим на сцену пьесы карауловского зятя Шатрова и славившим вместе с нынешним торговцем мебелью троцкистско-свердловскую камарилью.

На помощь себе ведущий Караулов позвал главу московских журналистов господина Яковенко, который и подложил ему огромную свинью. Сей лидер щелкопёров на голубом глазу объяснил плохое поведение нынешних бумагомарак исторической закономерностью. Так прямо и сказал: «Страна, где совсем недавно отменили крепостное право, не может располагать профессиональными журналистами». Выходит, что Суворин, Достоевский, Меньшиков с их блестящей публицистикой; мужественные и правдивые военные корреспонденты, Василий Песков, Ярослав Голованов и многие другие славные перья России творили, находясь в положении крепостных холопов. Единственным же прорывом в рабской отечественной журналистике, по мнению Яковенко и вторящего

ему Караулова, следует считать деятельность НТВ, «Новой газеты» и «Московских новостей». Подданные Гусинского и Березовского для умильно ворковавших голубков куда роднее и ближе, чем все вместе взятые талантливые русские «рабы».

Беспомощным мальчиком для битья выступил перед Карауловым космонавт Леонов, обрушивший театральный гнев на распроклятый им «Московский комсомолец», якобы подтасовавший его интервью, чтобы облить грязью Юрия Гагарина. Разве не знал дважды Герой Советского Союза, один из руководителей «Альфа-банка», что представляет собой глава «МК», ельцинский хапуга Гусев, когда откровенничал с присланной им разухабистой девицей? Коли его так надули, надо не жаловаться болтливому Караулову, а скорее подавать в суд на комсомольского миллионера, хапнувшего у государства газету и типографию. Адвокаты миллионера Фридмана быстренько покажут Гусеву кузькину мать.

Только в страшном сне можно представить, что искать истину в карауловской передаче станут оболганные журналистами подлинные патриоты Отечества. Русофоб-искусствовед из «Коммерсанта» Ревзин в провокационном материале, посвящённом 90-летию Льва Гумилёва, приписал великому учёному все грехи, вплоть до нацистских поползновений, а меня, организатора юбилейного торжества в Российском фонде культуры, назвал «обрюзгшим мужиком с сивой бородой». Скажи я ему в ответ про его физиономию, да ещё сопроводив обращение эпитетом, которым пользовались наши классики от Пушкина до Чехова, мне бы пришлось не у Караулова искать спасения, а отсиживаться на нарах. Крепостное право только для Ревзиных отменено, а нам, грешным, следует помнить, кто в России главный хозяин, которому постоянно присягает на верность «смелый» лохотронщик Караулов, обожающий крокодилов.

Пресловутая свобода слова, свалившаяся на Россию подобно небесной манне, вызвала у служителей СМИ такие обильные пароксизмы, что впору открывать специальные отделения в психбольницах.

Пароксизмы

> *Пароксизм - приступ или внезапное обострение болезни. Энциклопедический словарь*

Некрологов Егору Яковлеву, ярому апологету марксизма-ленинизма, обратившемуся потом в неистового борца с коммунистической заразой и удачливого пользователя рыночной экономики, вышло не меньше, чем после кончины Сталина. В них пароксизмов наблюдалось предостаточно, но вот этот, коммерсантовский, требует срочного вмешательства врачей: «Прах Яковлева упокоился на Новодевичьем кладбище. Оно этого заслужило». То, что душа и тело покойного многого заслужили, холуйствуя перед горбачёвско-ельцинской камарильей, сомнению не подлежит. Но ведь отвязанный донельзя репортёр Колесников захоронение Яковлева относит и к заслугам главного кладбища Москвы. Могилы Чехова, Станиславского, Гоголя и других лучших сынов Отчизны -

просто составные части некрополя, а яковлевские останки Новодевичье должно принять как свою большую заслугу перед усопшим.

Яковлева Александра, ярославского иуду перестройки, заслужило упокоить Троекуровское кладбище. Вероятно, нынешние хозяева не сочли нужным удостоить его прахом Новодевичье. Зато в пароксизме от его утраты зашёлся верный и ретивый ученик дьявола господин Ципко: «Яковлев интересен как знаковая провиденциальная фигура, как сын русской деревни, как сын ярославской крестьянки, взломавший советскую систему, отомстивший ей за муки коллективизации, за уничтожение русского землепашца как породы людей». По-моему, этот пароксизм - свидетельство неизлечимости пациента. Предки мои, землепашцы, такого «неуловимого мстителя», как Яковлев, и на порог деревенского дома не пустили бы заодно с другим, по словам Ципко, сыном крестьянки - велеречивым болтуном Горбачёвым.

* * *

Документальный сериал «Похищение Европы» на канале «Культура» подобно остальной информационной продукции, посвящённой Великой Победе, объективностью и патриотизмом не страдал. Но даже в таком грязном потоке лжи и высосанных из пальца фактов, порочащих армию-освободительницу, чудовищным стало заявление госпожи Гениевой о том, что «Сталин и Гитлер - военные преступники одного калибра». Как же надо ненавидеть кормящую тебя землю и её хозяев, чтобы договориться до подобных пароксизмов! Швыдкой в «Культурной революции» откровенно признаётся в любви к немецкому фашизму. Невзаправдашный и краткосрочный московский мэр Попов подсчитывает с точностью до одной десятой, сколько немок изнасиловали советские солдаты, и обвиняет в грязном мародёрстве наших героических реставраторов, спасших во главе с Павлом Кориным предназначенные к затоплению сокровища Дрезденской галереи. А теперь соратница международного спекулянта Сороса, запустившего свои мерзкие щупальца в российскую экономику, ставит на одну доску с фюрером Главковерха армии, освободившей мир от коричневой чумы. Есть что-то мистическое в неудержимой тяге этих людей к печам Освенцима и Дахау.

Ярчайший и тяжелейший приступ понудил добрых дядей из общественной организации наградить раввина-хасида Берла Лазара орденами Петра Великого и Минина с Пожарским. Последняя цацка подошла бы скорее Лжедмитрию или главарям польских банд, осаждавших Троице-Сергиеву лавру. Не менее щедрые дяди и тёти из президентской администрации удостоили милого им раввина орденом Дружбы народов. Какой дружбы? И каких народов?

Продолжая тему «раздачи чинов и орденов на позиции», к коей отношусь с чувством недоумения и брезгливости, хочу задать вопрос дарителям: чем они руководствовались, удостаивая писателей Искандера и Васильева за заслуги перед Отечеством знаками 2-й степени, а классику русской литературы Валентину Распутину отстегнув всего лишь

«четвертушку». Зная, что наверху моё вопрошание не услышат, позволю себе дать ответ: не согнул спину Валентин Григорьевич перед порушителями государственных и духовных основ России, а потому и держат его на обочине.

Зато посмотрите, из какого рога изобилия сыплются ордена, премии и ещё раз премии на господина Роста, помогшего Грузии предать Россию, поддержавшего расстрел сотен невинных людей у Белого дома, употребившего все свои подленькие навыки, чтобы в 1996-м избрали полумумифицированного Ельцина в президенты, и лобызающегося сегодня с ненавидящей Россию Боннэр, грозящей ей сморщенным кулачком из-за океана. Кумиру Роста, поэту Окуджаве, не премию, а памятник на Арбате почти при жизни воздвигли. Вот что об этом вопиющем пароксизме написал в газете «Труд» поэт Юрий Кублановский: «А откуда вдруг взялся китчевый памятник Б. Окуджаве на Арбате? Люблю его песни, но почему он опередил Андрея Белого, Марину Цветаеву, многих выдающихся литераторов-москвичей? Рискну предположить, что дело тут не только в его творчестве. Отчасти он удостоился такого поспешного бронзового увековечения за свою горячую поддержку расстрела Белого дома 4 октября 1993-го и прочих ельцинских авантюр». Так что за пароксизмами не один я слежу.

Пароксизм «Тэфи»

Один из самых распространённых и почти не поддающихся излечению пароксизмов - патологическое стремление нынешних деятелей культуры приблизиться к власти, подружиться с ней, а иногда даже и лизнуть протянутую ручку или почистить сапоги власть имущим. Грибоедовское пророчество о барском гневе и любви забыто напрочь; подчёркнутая удалённость Пушкина и Станиславского от самодержавных тронов осмеяна и поругана. Стыдно и смешно смотреть на услужливого «кота Матроскина» Табакова, трижды гуляющего одну и ту же юбилейную дату и сообщающего со страниц печати: «Звонил Сам - обещал вторую степень». Другие властители умов и душ дружат одновременно со всей правящей верхушкой: от Президента до Кудрина, - причём дружат накоротке, вместе пьют, клянутся в любви, обнимаются, словно родные братья. Забывают они при этом, что всего несколько лет назад так же приятельствовали с предшественниками нынешних хозяев, да отреклись от них напрочь, выбросив, словно старые перчатки, отслужившие свой век.

Госпожа Плисецкая, отпраздновавшая свой пароксический юбилей в традициях Клеопатры, с апломбом воскликнула, а газеты напечатали: «Я Путина никому не отдам. Он равен самому Петру I». Вряд ли прославленная балерина знает о тех сторонах деятельности царя-реформатора, из-за которых по сей день страдает и мучается русский народ и которые сегодня продолжают развивать наши государственники, забывшие о вековых традициях и славных страницах русской истории. За такое верноподданничество суют власти юбилярам легковесные

нагрудные побрякушки, а холуйствующие журналисты повсюду пишут, что народу посчастливилось жить в «эпоху Гурченко» и «эпоху Плисецкой». Я лично жил в эпоху чудовищного обмана и подспудного троцкистского поругания и разрушения государственных основ, которому противостояли пассионарные личности, унаследовавшие мощную дореволюционную генетику. Эпоха эта увенчана именами Платонова и Пастернака, Королёва и Курчатова, плеядой военачальников и воинов-героев, разгромивших фашизм, талантом и чистотой помыслов Станиславского, Улановой, Шостаковича, Свиридова, Мравинского, Распутина, Ахматовой, Глушковой, и несть числа этим талантам, служившим своему народу, но никогда не прислуживавшим очередному генсеку или президенту.

Построение Общественной палаты - пароксизм острейший, требующий срочного медицинского вмешательства. Когда просматриваешь наскоро сварганенные списки президентских советников, невольно вспоминается пословица «Ума палата, да толку маловато». Ну что могут насоветовать такие мудрецы, как Пугачёва, Глазычев, Резник, Салахова или многочисленные вожаки никому не известных фондов и обществ? Да если ещё раввин Берл Лазар осуществит свою угрозу и откажется работать, коль палата станет собираться по субботам, останется Россия без основного органа, регулирующего и направляющего её жизнь.

* * *

Пароксизм в предвыборной страде - судебный иск кандидата в Мосгордуму Шендеровича к сопернику Говорухину.

На месте юридического лица, к которому попадёт сие высосанное из пальца дельце, я бы задал вопрос истцу и ответчику: «Не стыдно вам со свиными рылами да в калашный ряд? Какую пользу, кроме болтовни и самообогащения, принесёт ваше депутатство?»

«На свободе вероисповедания в России поставлен крест», - в припадке пароксизма зашлась «смотрящая по России» Кондолиза Райс, представляя годовой доклад о свободе совести. И с криками «ура-ура!» поддержали её словно грибы после дождя расплодившиеся на постсоветском пространстве всяческие «свидетели Иеговы», «армии спасения», пятидесятники, кришнаиты и сайентологи. «Путин и правительство цинично рекламируют православие», - воскликнул отморозок Никонов, председатель Атеистического общества Москвы. Ем. Ярославский и Дем. Бедный со своим богоненавистничеством отдыхают, когда из гимна требуют убрать Бога.

Пароксизмом ненависти изошла телеобозревательница г-жа Петровская, обладательница всех «золотых» перьев России, заявив с презрением, что нечего лить слезы по пьянице и бабнику Сергею Есенину, постыдно удавившемуся на трубе и оставившему в наследие стишки, которые гугнявят в электричках опустившиеся донельзя русские шансонье. Этот пароксизм мадам образованка подхватила от иудушки

Троцкого и растлителя малолетних Бухарчика, впадавшего в истерики при упоминании имён Есенина и Тютчева.

P.S. ТЭФИ - пароксизм хронический. В режиме «нон-стоп» который уже год главный российский приз получает гражданин США Познер. Свою патологическую ненависть к России бывший секретарь парторганизации скрывать даже не старается.

Воланду и не снилось

Рецензию на шумно прошедший по стране фильм «Мастер и Маргарита» я писать не стану. Рекламу и восторги СМИ по поводу свершившейся наконец экранизации определяю классическим «Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспоривай глупца». Бортко продолжаю считать режиссёром высокой пробы, выгодно отличающимся от производителей «гамбитов», «советников», «дозоров», «рот» и несуразных «ширлей-мырлей» вкупе с разнузданным киносексом не первой молодости актрисы, демонстрирующей непристойные страсти на груде валенок. Рад удачным актёрским работам Галкина, Панкратова-Чёрного, Олейникова, Ливанова, хороши и почти достоверны Галибин и Ковальчук. Остаюсь приверженцем «Собачьего сердца» Бортко и очень своевременной и высокопрофессиональной его экранизации «Идиота», за что заслуженно была вручена авторам Солженицынская премия.

Вспоминаю, как в 1970-м, получив экземпляр «Мастера», переплетённый из номеров журнала «Москва», залез я с ним утром в стог сена на Кижском острове и выполз оттуда к вечеру, когда перевернул последнюю страницу. Даже мне, прошедшему университетский курс у высокообразованных учёных дореволюционной школы, никогда не отрекавшемуся от подлинной веры в Бога, проводящему большую часть жизни среди древних икон, церковных книг, занимавшемуся монастырской и храмовой архитектурой, ой как недоставало подлинных знаний о важнейших событиях мировой истории, закрытых для нас спецхранами, лекциями по истмату и диамату, таможенниками, фильтровавшими проникновение в Россию всего, созданного в изгнании лучшими представителями отечественной культуры.

Жизнеописание писателя Булгакова и творческая его биография складывались для меня, к счастью, не по истерически либеральным выкрикам Мариэтты (чуть не написал Маргариты) Чудаковой, а из серьёзных, проверенных документов и свидетельств современников. Красное колесо жёстко прокатилось по Михаилу Афанасьевичу, сделав не один оборот. Если Блок, Есенин и Маяковский были раздавлены революционным молохом и самообманом в одночасье, а авторы «Тихого Дона» и «Доктора Живаго» прожили много лет, создав немало произведений различной направленности, то Булгаков, как говорится, отстоял человеческую и писательскую вахту «от звонка до звонка». Как эпохальны и величественны его хроники Белой гвардии, дней Турбиных или история ухода из России славных сынов Отечества, как много в них стойкости и мужества.

Очутившись в троцкистско-пролеткультовской Москве, смог Булгаков зорким глазом писателя и врача разглядеть гнойники и язвы быстро распространявшейся безбожной заразы. «Собачье сердце», «Роковые яйца», «Зойкина квартира» и «Театральный роман» - юридические документы, зовущие к строгому наказанию и ответственности за содеянное вершителей отечественной истории на данном этапе. Самое страшное в жизни Булгакова случилось, когда он стал не свидетелем, а участником процесса растления русских умов, когда потерял преданных своих спутниц, которыми стали для него две первые жены, и оказался в тлетворном плену Маргариты - Елены Сергеевны, женщины, социально близкой «гэпэушной мадонне» - Лиле Брик. Оставившая ради Мастера классного военачальника Шиловского, до последних дней служившего родной армии, пустила она, по-моему, под откос и жизнь талантливого писателя. А расплатой за страсть и любовные чары стал роман-исповедь заблудившегося человека, попытавшегося искать справедливость у наивно замаскированных под театрально-вымышленные персонажи Иисуса Христа, его сподвижников и даже гонителей. Сейчас, когда Священное Писание стало открытым и доступным, когда доказана подлинность изображения лика Христа на Туринской плащанице, когда сняты потрясающие по своей достоверности кадры гибсоновских «Страстей», страницы романа, а особенно его образы, воплощённые неумело и беспомощно господами Лавровым и Безруковым, вызывают разочарование и сочувствие талантливому творцу, не сумевшему сориентироваться в коллизиях атеистического бытия.

Главное впечатление от просмотренного сериала - театральность и легковесность сатанинских проделок властителя тьмы Воланда на фоне нынешнего мракобесия и беспредела. Как далеко булгаковскому гастролёру до проклятий и испытаний, насланных на нашу страну дьяволами с человеческим обличьем. Разве догадался бы Воланд, подобно Ельцину, среди бела дня, в центре Москвы танковыми залпами расстреливать сотни невинных людей, разве смог бы литературный бес уподобляться сатане Собчаку, истерически требующему от своего мрачного подельника Чубайса физического уничтожения генерала Рохлина (см. распечатки этих телепереговоров, опубликованные господином Минкиным в «Новой газете»). Почитайте хроники светской жизни нынешней политической и культурной элиты, побывайте ночью на «Лысой горе» - в ресторанах и казино Москвы и Рублёвки, посмотрите на оргии Ксении Собчак и ей подобных - сразу померкнут страсти и непристойности, выкидываемые Коровьевым и Азазелло. Фальшивые червонцы, падающие на головы тогдашних москвичей, - ёлочные фантики по сравнению с украденными у народа деньгами, которые Березовский во время премиальных торжеств «Триумфа» с помощью нечистоплотной мадам Богуславской бросает в виде бесовских подачек, в виде халявы культурным и учёным деятелям. А какой душкой выглядит каверзный кот Бегемот рядом с ненавидящим Россию Познером, когда последний вместе с такими ассистентками, как злобная госпожа Кобринская (такая фамилия и не снилась Булгакову) вдалбливает в головы налогоплательщиков основные заповеди Даллеса, Бжезинского и Кондолизы Райс.

Интересно, вспомнили актёры Басилашвили и Лавров, приступая к работе, что представители их среды уже сыграли такие роли, подписав в 93-м письмо с требованием к Ельцину расстрелять защитников Конституции России?

Грехостояние

Способность человека привыкать к вещам, с нормальным бытием несовместимым, поистине уникальна. Разве поверил бы любой из нас лет двадцать назад, что разнузданная порнография, выставление напоказ гениталий, смакование непристойностей и прочая запредельная похабель станут постоянными составляющими повседневного обихода наравне, скажем, со столовыми принадлежностями или предметами туалета? Верь не верь, а всё, являвшееся ранее запретным и непотребным, буквально захлестнуло наш и без того донельзя опущенный быт. Газеты, сохранившие в своих брендах ненавистные их хозяевам слова «комсомолец» и «комсомольская», большую часть своих полос отводят фотографиям и текстам, которые могут вызвать ужас даже у прожжённых циников; телевидение не стесняется пичкать покорных налогоплательщиков разнузданными картинками из жизни лишённых стыда гопкомпаний, предводимых Ксюшей Собчак и ей подобными «блюстительницами» домашнего очага. Хотя после героического поступка самого культурного человека России шоумена Швыдкого, обрушившего на зрителей государственного канала жёсткое прокурорское порно, все остальные представители «элиты» спокойно могут гулять от рубля и выше.

Я постоянно ловлю себя на мысли, что устал возмущаться вакханалиями бескомплексных лолит и задовращениями гурченко-моисеевых; как на лежащее в магазинах несвежее мясо, смотрю картинки в попадающихся на глаза глянцевых журналах или цветные порнорепортажи «комсомолок». Понимаю, что долго так продолжаться не может, ибо если не прекратится этот горячечный бред, страшная участь земли Содомской и Гоморрской нам обеспечена. Но что меня больше всего удручает, так это активное участие в попрании моральных устоев и желание не отстать от эпатирующей российского гражданина попсы и шоу-нечисти людей, которые владеют одним из самых священных атрибутов человека - литературным даром, умением складывать слова в мысли и передавать их стремящимся к свету, знаниям читателям, ждущим от своих духовных наставников добра, гармонии и возвышенных символов.

Беспредел и попрание сокровенных принципов любовных отношений мужчины и женщины, проповедуемые такими, боюсь сказать, «писателями», как Ерофеев, Сорокин и их подражатели, не поддаются здравой критике, ибо они поставили себя над недостойным их «гениальности» читающим быдлом. Смешным было бы требовать норм приличия и от «лудильщиков» бесконечных альковных историй, крутых детективов, где нездоровый секс дополняет мрачные сцены убийств,

насилий и кровавых вакханалий.

Но почему так потянуло писателей основательных, стремящихся к обдуманным решениям проблем сегодняшней жизни, пишущих зачастую добротным русским языком с оглядкой на классическое наследие, к запретным плодам «сексуального сада», почему так увлеклись они постельной тематикой, стараясь не отстать от своих разнузданных коллег, остаётся для меня загадкой и большим разочарованием, если не сказать, огорчением. Читаешь роман, замысел и воплощение которого близки и небезразличны тебе, и постоянно сталкиваешься с многостраничными мистериями нечеловеческих плотских наслаждений. Поражают энергия и колдовской огонь, которые так и брызжут из-под пера, а скорее отскакивают от компьютерных клавиш, когда на них нажимают пальцы немолодых уже литераторов, знающих жизнь не с одних только деторождающих позиций. Нет, это не любовь Вронского и Карениной, не чистая земная страсть Григория и Аксиньи, возвышающаяся до небесных откровений, не трагические любовные отношения астафьевских героев, опалённых пожаром войны. Прекрасные страницы, выстраданные их творцами, помогают читателю осознать красоту и извечность любви, уважать и ценить отпущенный Богом дар бесценной жизни.

Мне повезло встретить в своей жизни сказочных женщин, о любви к которым я вспоминаю с благоговением и благодарностью. А за их любовь ко мне готов вечно боготворить и славить божественные создания. Поэтому никогда и в мыслях я не держу сделать достоянием посторонних людей те неповторимые мгновения близости, которые подарила жизнь. И когда читаю многостраничные описания сексуальных подвигов нынешних литературных героев, я прежде всего испытываю брезгливое раздражение, скуку и усталость, мешающие следить за основной фабулой романа или повести. Мне кажется, что авторы, впадшие в запоздалый плотоядный оргазм, недополучили в своё время любовной радости и удовлетворения сокровенных желаний и теперь стараются выдавать надуманное за реальное, а это всегда обедняет содержание литературного произведения, делает его показным и ходульным.

Следовало бы авторам, увлекающимися фантастическими описаниями плотских утех своих героев, помнить, что строятся эти описания на их личном опыте, полученном от общения со своими жёнами, любимыми подругами или просто со случайными партнёршами. Право же, они заслуживают большего уважения и признательности за дарованную ими страсть и любовь, чем затопившие сегодня литературные страницы полупристойные извержения нездоровой плоти. А критикам, поющим дифирамбы своим работодателям, стоит хотя бы раз представить своих родителей, давших им жизнь, на месте мужчин и женщин, поругаемых непристойными описаниями их интимных взаимоотношений, и задуматься...

«Мчатся бесы рой за роем...»

Культура смутного времени

Прежде чем рассказать о состоянии нынешней отечественной культуры, считаю необходимым озвучить своё внутреннее кредо восприятия общемировой культуры как существенного производного от творений Высшего Разума, то есть от Воли Бога Отца. Меня всегда поражало нежелание, а иногда противление людей даже высокообразованных, оснащённых богатейшими историческими познаниями, признавать совершенно очевидную дочернюю зависимость любого культурного проявления - начиная с детского рисунка до бессмертных созданий Микеланджело, Дионисия, Данте или Пушкина - от духовных постулатов Евангелия. Обращаюсь исключительно к догматам христианской веры, и прежде всего к православной её составляющей, ибо рассуждаю о культуре России одного из тяжелейших периодов за всё многовековое существование.

Любая революция, «пожирающая своих детей», не может создавать благоприятные условия для процветания культуры, не говоря уже о высочайших взлётах. Революции всегда порождали хаос в умах людей, несли с собой разрушение государственных устоев и поругание исторической памяти. Даже если революционеры или простые бунтари вдохновлялись и руководствовались благородными целями свержения прогнивших, с их точки зрения, режимов, бесчеловечные методы маратов и робеспьеров, пестелей и пугачевых, не говоря уже о лениных и троцких, предполагали в лучшем случае игнорирование, а в худшем - осмеяние и уничтожение христианских заповедей, изгнание веры из людских душ, а следовательно, и лишение культуры родительской заботы и духовного окормления.

Декабрьские заблуждения лучших умов России, «разбудивших Герцена», который породил безжалостного тирана Ленина, приветствовавшего диктатора Пестеля и то самое «пробуждение», мне кажутся зеркалом, в котором сфокусировались особо большие опасности и одновременно предостережение для России, попытавшейся в очередной раз поклониться «просвещённому» Западу и вкусить от запретного кровавого плода, взращённого французскими вольнодумцами и атеистами. Никогда я не мог заподозрить князя Трубецкого, не пришедшего на Сенатскую площадь 14 декабря, в трусости или предательстве. Уверен, что внутренняя молитва, обращённая к Богу, отвела его от участия в убийстве воина-героя Милорадовича и гибели множества невинных солдат. И не заяц, которому нынешние массовики-затейники ставят памятники вместе с чучелами Чижика-Пыжика и социально близкого им проходимца Бендера, остановил Пушкина на дорогах Михайловского, а сознательное нежелание участвовать в противобожественном заговоре. Сколько разных «пушкинистов» дурило нас умышленно искажаемым ответом поэта императору: «Я был бы с ними (декабристами. - С.Я.)». Пытались они задним числом обратить Пушкина в

революционеры, а потому преступно утаивали подлинную причину неприезда гения в мятежную столицу. «Бог не пустил», - только так и мог ответить государю поэт, у сердца хранивший проникновенную молитву Ефрема Сирина и оставивший миру в наследие величайшие религиозные стихотворные откровения.

Пусть не подумает читатель, что я хочу веру в Бога навязывать кому-либо насильно, и того паче, возложить на себя обязанности священника, исповедника или духовника. Никогда не забывая о бессмертии души и о Царствии Божием, я долго жил в советском атеистическом обществе, грешил, может быть, больше других, нарушал христианские обеты и заповеди, но при этом всегда старался трудиться честно, приносить людям пользу, а главное, не предавать их. Потому, вознося постоянную тихую молитву ко Господу, стараясь по мере сил искупить свою перед Ним вину, не могу я оставаться равнодушным, видя кликушествующих, обратившихся из Савлов в Павлов деятелей культуры и правого, и левого толка.

Едва научившись осенять себя крестным знамением или правильно подходить к причастию, они быстренько сменили партбилеты, замашки липовых диссидентов или командный стиль политуправленцев на толстые церковные свечи, места в президиумах церковных соборов, стали произносить телевизионные религиозные проповеди, вызывая протесты и отторжение чутких слушателей. Неужели не понимает скульптурный цеховщик Церетели, насадивший нелепый зверинец рядом со святая святых - стенами Московского Кремля и Могилой Неизвестного Солдата, что, появляясь вместе со своими земными покровителями на праздничных богослужениях, усугубляет он атеистическое отношение к священной памяти предков и попирает основные законы русской культуры? Подобные безнравственные поступки не удивляют меня, ибо первопричину их я имел несчастие лицезреть с самого начала пресловутой горбачёвской «перестройки».

Мне, вместе со многими деятелями культуры, нелегко жилось и работалось как в кратковременный период, отнюдь не по праву окрещённый «оттепелью», так и в эпоху застоя. Хотя оговорюсь сразу, что не разделял я солидарность «продвинутой» части современников с рейгановскими лозунгами и навешенным им на СССР ярлыком «империи зла», ибо хорошо знал корни генетической ненависти многих западных держав к нашему Отечеству. Не состоял я в партии, не разделял всеобщего преклонения перед кумиром и идолом оболваненной страны - палачом русского народа Лениным. В отличие от многих художников, актёров, писателей и музыкантов, ходивших вроде бы в «неблагонадёжных», однако получавших высшие награды от ненавистных большевиков и проводивших немалое время в загранкомандировках, я добрую четверть века дальше Пскова и Новгорода, или, на крайний случай, Ташкента и мечтать не мог выехать.

Теперь знаю, что ведомство, помещавшееся в «десятом подъезде» дома на Старой площади, где правили бал будущие агенты американского

влияния во главе с «ярославским иудой» А.Н. Яковлевым, числило меня в списках с грифом «держать и не пущать» за потомственную приверженность к прочным устоям русского лада и нежелание кадить их любимым коминтерновским божкам. Нужно отдать должное собачьему чутью агитпроповцев: последние два десятилетия подтвердили нашу взаимную несовместимость. Зато те, кого они прикармливали, верные их слуги и карманные протестующие, с готовностью стали под предательские знамёна и бросились пополнять зондеркоманды по уничтожению великой державы.

В силу открытости своего характера и общительности, а ещё и учитывая всеобщую доступность моего «бункера» - полуподвальной мастерской в переулке между тогдашними Кропоткинской и Метростроевской улицами, мне довелось лицом к лицу столкнуться с огромным количеством людей самых разных национальностей, конфессий и взаимоисключающих убеждений. С некоторыми из них я долгое время делил шумные застолья и проводил свободное от работы время. Нынче рядом со мной осталось так мало участников того «праздника жизни», что хватит и пальцев двух рук, чтобы их перечесть. Лучшие и верные друзья, к сожалению, ушли из жизни, и мне их до безысходности не хватает.

Но большинство из тех «играющих, праздно болтающих» с особым цинизмом и беспринципностью занимают нынче культурные ниши в различных сферах обслуживания строителей и гарантов губительной рыночной экономики. Они долго ждали своего часа, чтобы приватизировать кабинеты власти, театральные и музыкальные площадки, экраны телевизоров, киностудии и издательства, которые раньше делили с советскими хозяевами, социально близкими им и одновременно презираемыми в тайниках коварных душ. Уже тогда я недоумённо наблюдал и пытался понять, почему им так чужды наши выставки вновь открытых древних икон, забытых русских портретов XVIII-XIX веков или абсолютно безразлично неповторимое творчество возрождённого из небытия кологривского гения Ефима Честнякова, очереди на выставки которого выстраивались в Москве, Ленинграде, Костроме, Париже и Милане.

Мне и сейчас неприятно вспоминать, как потешались они публично над Львом Николаевичем Гумилёвым - одним из светлейших умов нашего времени. Насильственно отделяя сына от прославленной матери Анны Ахматовой, закрывали они глаза на поступки «вольной львицы», выдающие иногда привычки зверей других, куда более низких пород. Разве не знали клеветники, что, выйдя замуж за искусствоведа Пунина, связала Ахматова свою судьбу с человеком, который ещё в 1918 году со страниц «культурной» газетёнки, издаваемой Луначарским, присоветовал большевикам поставить к стенке чистейшего, мужественного гражданина России, Георгиевского кавалера Николая Гумилёва - отца её единственного сына? Сказал мне тогда Лев Николаевич: «Оставьте их, дорогой! Они не ведают, что творят. За них надо молиться». Нет, не нужны им ни Честняков, ни Гумилёв. Незыблемые кумиры подобных деятелей культуры - Лиля Брик, весталка подвалов ОГПУ и НКВД, и

нынешние превратившиеся в демократов прихлебатели советской номенклатуры.

* * *

Погружение в бездну, уготованное отечественной культуре «бархатными» революционерами горбачёвско-ельцинского клана, особенно отчётливо я ощутил, работая в Советском фонде этой самой культуры. В состав более чем представительного его Президиума попал я не благодаря, а вопреки перестроечной политике. В союзном Министерстве культуры (из российского меня изгнали коммунистические «патриоты», руководимые Мелентьевым и Кочемасовым) служили чиновники, умевшие ценить людей за их труд и преданность любимому делу. Противостояли эти светлые головы министерским двурушникам, приспособленцам и расхитителям народного добра, занявшим ныне своё законное место в швыдковских ведомствах, а тогда старавшихся душить наши творческие инициативы. Эти бескорыстные покровители и порекомендовали меня в руководство культурного фонда. Да вдобавок, знакомая с моими многочисленными телепередачами Раиса Горбачёва заставила на дух не переносивший меня цековский отдел культуры сменить барский гнев на показную милость и хотя бы внешне не обращаться с беспартийным «пораженцем» по принципу «жалует царь, да не милует псарь».

Пять лет всеотдайного труда в Советском фонде культуры не пропали даром. Созданная при нём Ассоциация реставраторов СССР, председателем которой меня избрали единогласно сотни делегатов учредительной конференции, в последний раз продемонстрировала, какой мощный отряд первоклассных специалистов взрастила на глазах разрушаемая держава и как нелегко будет горе-революционерам уничтожать его, борясь с истинными подвижниками благородного дела. Возглавляемый мною Клуб коллекционеров фонда объединил самых известных собирателей изобразительного искусства Москвы, Ленинграда и других городов. Десятки выставок, среди которых были, не побоюсь сказать, эпохальные, увидели жители крупнейших столиц Европы.

Немало коллекционеров из нашего клуба приняло впоследствии решение передать свои собрания в государственные музеи. Особую радость испытываю я всякий раз, когда вспоминаю встречи с представителями русской культуры, вынужденными, опасаясь кровавого террора, покинуть Родину и продолжать служить ей на других берегах. Мне удалось, пользуясь их доверием и тёплым к себе отношением, вернуть в Россию многие драгоценные реликвии русского изобразительного искусства. Но к радости этой невольно примешивается горечь от неосуществившихся не по моей вине замечательных проектов программы «Возвращение». Причиной этих «поражений», как ни странно, стала далёкая от культуры политика, проводимая главным руководителем фонда - академиком Лихачёвым, назначенным горбачёвской семьёй на должность «совести нации» и сыгравшим в тогдашней антигосударственной деятельности реформаторов роль второй

«берлинской стены». Фаворитизм и наушничество, поощряемые Лихачёвым, мешали нормальной работе многих фондовских подразделений, а поиски «красно-коричневых ведьм» среди его сотрудников вполне корреспондировались с общей полупристойной атмосферой, царившей в те дни на дворе.

«Пятая колонна», предводительствуемая двумя Яковлевыми, Афанасьевым, Собчаком, Коротичем и прочими оборотнями, верой и правдой служившими большевикам и в одночасье обрядившимися в тоги коварных и лживых демократов, нашла поддержку и среди приспособленческой части фондовских функционеров. Ни принципиальный заместитель председателя Г.В. Мясников, ни умудрённые гражданским и государственным опытом члены Президиума В.М. Фалин и Владыка Питирим не могли противостоять далёким от культурных деяниям «злых мальчиков», пользующихся доверием всесильного академика. Глянцевый журнал «Наше наследие», в редколлегии которого, к стыду своему, несколько лет состоял, ежегодно получал от горбачёвских щедрот около миллиона фунтов стерлингов (!) на своё безбедное существование. За такие деньги в лучших отечественных типографиях можно было издавать пару десятков журналов. Однако его главный редактор, «огоньковский оборотень» г-н Енишерлов, заручившись высочайшим согласием, переводил государственные миллионы международному спекулянту и преступнику Максвеллу в Англию, чтобы ежемесячно, ценой огромных затрат, таскать двухсоттысячные тиражи из-за трёх морей в Москву. Дабы не отставать от обнаглевших «новых русских» предпринимателей, нашёл лишённый гражданской совести хозяин «Нашего наследия» ещё одного постоянного партнёра на берегах Альбиона в лице компании «Де Бирс», многие годы набивающей мошну семейки Оппенгеймеров за счёт российских алмазных месторождений.

Академик Лихачёв довольно поглаживал красочные журнальные обложки, обедал с Максвеллом и Оппенгеймером. Когда же я с помощью своих финских друзей, крупных промышленников, издавших огромным тиражом настольные и настенные календари, уникальные постеры с шедеврами русского искусства, поспособствовав тем самым фонду заработать миллион дореформенных рублей, попросил тридцать тысяч из них на нужды Ассоциации реставраторов, то в ответ получил циничный академический пинок под зад. Столь же хладнокровно были сорваны подготовленные мною акции по возвращению в Россию художественного наследия Зинаиды Серебряковой и Михаила Вербова, не дали мне устроить в Москве выставки прекрасного художника Фёдора Стравинского и показ уникальной коллекции Георгия Рябова, собравшего в Америке редкие произведения русского искусства.

Список прочих «подвигов» окормителя Советского фонда культуры, подкреплённый официальными документами, занимает увесистую папку в моём архиве. Заставив уйти из фонда настоящего его хозяина, Г.В. Мясникова, «совесть нации», ничтоже сумняшеся, сдал своих покровителей Горбачёвых, не дожидаясь, когда Ельцин с Бурбулисом

разопьют бутылку виски, украденную в кабинете первого и последнего советского президента. Вместе с Собчаком и другими регионалами поучаствует академик в составлении, мягко говоря, сомнительных документов, оболгавших наших солдат, действовавших в Грузии, - это обернулось сегодня режимом бесноватого Саакашвили; постоит рядом с разрушителем Ипатьевского дома Ельциным, держа в руках поминальные свечи на панихиде по фальсифицированным немцовской командой «царским останкам», за что и удостоится благодарной памяти оболваненных потомков. Рыба, как известно, гниёт с головы, а культура - с приватизировавших бразды правления ею угодных хозяевам руководителей.

* * *

Впечатления и опыт, накопленные за годы работы в Советском фонде культуры, окончательно убедили меня в том, что перестроечная кампания, лихорадочно и предательски проводимая Горбачёвым вместе с шеварднадзе-яковлевским окружением - не что иное, как завершающий и особо трагический этап троцкистско-ленинской политики уничтожения России и прежде всего её духовной и культурной составляющих. Снова зачастил в Москву презираемый даже в Америке спекулянт Хаммер, обласканный партийными нашими генсеками, а вслед за ним замаячила зловещая фигура его способного ученика Сороса.

Помню, как наивный Г.В. Мясников представил несколько кандидатур для работы в фонде этого завзятого мошенника, чьи агенты, презрительно окинув взглядом Володю Крупина, меня и других людей славянской внешности, для проформы отобрали одного Валентина Распутина - лишь потому, что состоял он в горбачёвском совете, да и от его нежелательного присутствия соросовская камарилья вскоре поспешила избавиться. Вред, нанесённый в самых различных областях отечественной культуре и науке российскими клевретами международного барышника, подобными особо приближённой к его телу мадам Гениевой, сравним разве что со всеразрушающими подвигами «комиссаров в пыльных шлемах». Одни «асмоловские» учебники сделали целое поколение школьников «Иванами, родства не помнящими», считающими отныне победителями нацистской армии американцев и их западных соратников.

«Огонёк», «Московские новости» и по-чубайсковски, то есть бесплатно, приватизированный ловким коммунякой Гусевым «Московский комсомолец» работали во всю мощь, вливая в сознание ждущих коренных перемен советских людей потоки исторической лжи, увенчивая лаврами героев и мучеников машинистов «красного колеса», каковыми, безусловно, были Бухарин, Тухачевский и другие душители русской идеи, осквернители народной памяти. О Бухарчике даже художественный фильм успели сварганить, да только не озвучили в нём чудовищные слова перевёртыша, с пеной у рта осквернявшего имя и бессмертное творчество Сергея Есенина, а заодно призывавшего не опускаться до уровня презираемого им божественного Тютчева.

Несколько раз встречался тогда я в Париже с Владимиром Максимовым и показывал по Центральному телевидению наши беседы. Человек, лучшие годы отдавший борьбе с коммунистическим режимом, с нескрываемой печалью и разочарованием говорил о последователях Троцкого и Бухарина, всех этих бракоразводных юристах (Собчак) и торговцах цветами (Чубайс), как он их презрительно именовал, ведущих вместе с Горбачёвым и Ельциным, ненавидящими друг друга, огромную страну к гибели. Вёз я однажды по просьбе Владимира Емельяновича в Москву вёрстку очередного, ещё редактируемого им, номера «Континента», где было опубликовано коллективное обращение демократической «культурной» элиты к Горбачёву с просьбой запретить въезд в СССР Солженицыну, Зиновьеву и Максимову. Среди подписантов грязного доноса - Егор Яковлев, за огромные деньги ставивший тогда на ЦТ девяностосерийный фильм о Ленине; будущий торговец мебелью Михаил Шатров, пока ещё драматург, кумир прогрессивного театра «Современник», чьи либеральные донельзя актёры упивались текстами героев его пьес Свердлова, Ленина и прочих «корифеев», которых скоро предали остракизму и презрению, оплевав их вместе с драматургом; непонятно за что вознесённый до небес весьма посредственный режиссёр Марк Захаров и другие культурные большевики.

Наблюдая за подобными безобразиями с щемящей душу тоской и предчувствием обвальной катастрофы, ни на минуту не обманулся я фарсом, хитренько срежиссированным Горбачёвым и бездарно разыгранным Ельциным у стен Белого дома и американского посольства в августе 1991 года. Увидев сразу после окончания позорного балагана разгорячённых его участников, записавших себя в передовые ряды культурной элиты, в концертной студии «Останкино», где делились портфели и имущество, принадлежавшее народу, окрестил я ту эйфорию «пиром победителей». Егор Яковлев, будущий соловей НТВ Киселёв, Любимов, Молчанов и прочие баловни судьбы меньше всего думали о сохранении культурного наследия, о великих традициях, заложенных на протяжении столетий отечественными подвижниками, корифеями литературы, музыки, театра и изобразительного искусства, сладостно предчувствуя возможность ненаказуемого хапка. В тот же вечер случайно оказался я на пышном ресторанном банкете, где один из посетителей моего «бункера», не заметив неугодного свидетеля, истерически восклицал: «Ура! Мы победили! Теперь наш черёд пользоваться благами жизни!»

Восторги победителей нашли своё материальное подтверждение незамедлительно. Все газеты, все телевизионные каналы и радиостанции, купленные Березовским, Гусинским и иже с ними, были предоставлены в распоряжение разношёрстной армии славильщиков ельцинского режима. Зажав рот всем, кто пытался образумить подразгулявшихся выскочек, вершили «образованцы» совсем далёкие от богоугодных дела, поливая грязью любого более или менее порядочного человека, будь то известный учёный с мировым именем, честный государственный деятель, классик отечественной литературы, театра, музыки или кинематографа.

Напрасно было взывать к совести оголтелых, чаще всего бездарных делегатов позорного съезда кинематографистов, потешавшихся над Бондарчуком, Кулиджановым, а заодно над Ростоцким, Чухраем и Хуциевым, которые не разделяли их кухонного глумления над учителями и коллегами, чьего мизинца не стоили эти детишки благополучных родителей, верой и правдой служивших ненавистным им коммунякам. Да они и сейчас продолжают брызгать ядовитой слюной, вспоминая тех, кто дал им возможность учиться, работать и совсем не плохо кушать. Получив вожделенную свободу, не создали горлопаны ничего и отдалённо напоминающего «Судьбу человека», «Летят журавли» или «Балладу о солдате». Копаются они, словно навозные мухи, в постельном белье Бунина, оскверняют память великих русских балерин или уродуют классическое наследие Толстого, стараясь перевести шедевры на язык комиксов, понятный безграмотным демократам и хозяевам наворованных у народа богатств, для приличия обозванным олигархами.

Работая вместе с известным скульптором В.М. Клыковым над созданием Международного фонда славянской культуры и письменности, присоветовал я тогдашнему своему другу постараться получить прекрасный дворянский особняк XIX века в Черниговском переулке для размещения в нём столь нужной и благородной организации. Шустрые художники-реформаторы с помощью самых высоких одемокраченных инстанций сумели тем временем заполучить бумаги на владение приглянувшимся нам дворцом, где они собирались разместить некое подобие центра современного искусства. Там наверняка нашли бы приют будущие «мастера» рубить иконы в Манеже, оголтелые поругатели православия с «сахаровской» выставки «Осторожно, религия!», человеко-собаки, посадившие кур гадить на чучело Льва Толстого, экскрементаторы и гениталисты чудовищных нынешних швыдковских биеннале.

Предчувствуя такое развитие событий, попросил я Ф.Д. Поленова, возглавлявшего Комитет по культуре Верховного Совета РФ, устроить нам с Клыковым встречу у Хасбулатова. К его чести, последний отнёсся к обоснованным пожеланиям сочувственно и по-деловому. Не послушал он зашедшего в кабинет одного из активнейших ельцинских приспешников, нынешнего руководителя самоназначенной российской интеллигенции, г-на Филатова. Не стесняясь нашим присутствием, намекнул тот Хасбулатову на связь Клыкова с патриотической оппозицией и мой «красно-коричневый окрас». Будучи незнакомым с ловким придворным, поинтересовался я у него, не является ли он последователем розенберговского расового учения. Удивительно, но мы тогда вышли из этой схватки с «демократом» победителями. До октября 1993-го оставался целый год и Филатовы побаивались ещё неблагоприятного для них поворота политического кормила.

* * *

Расстрел среди бела дня, на глазах поразительно равнодушных гостей и жителей столицы Белого дома, безжалостно проведённый

бандой Ельцина, не погнушавшегося услугами продажных снайперов-бейтаровцев, стрелявших в стариков и детей, стал апогеем катастрофы, обрушившейся на Россию. Мне абсолютно безразличны судьбы Руцкого, Хасбулатова и всех, кто привёл Ельцина к власти, не поделив потом её с ним. Десятки сотен погибших в этом проклятом месте, среди которых было так много прекрасных молодых людей, призывают нас всегда помнить, кто принёс меч в родной дом, и не забывать имена образованных, увенчанных академическими титулами, званиями «народных артистов», лауреатов Ленинских и Государственных премий, пользующихся не всегда заслуженно мировым признанием представителей культуры, умолявших Ельцина применить силу, пролить кровь и кричавших исступлённо: «Раздавите гадину!», «Бейте их шандалами по голове!»

А в это время, наспех завёрнутые в целлофановые пакеты, тела невинно убиенных сплавляли из Белого дома по многое повидавшей реке Москве к кремационным печам. Не буду перечислять имена забывших о милости, которой достойны даже падшие. Они навсегда обесславили себя, расписавшись под печально знаменитым «посланием сорока». Бог им судья! Обращусь лишь к нынешним культуртрегерам, отстаивающим вроде бы права поруганных писателей-патриотов: «Когда вы, называя маяками совести, ставите в один ряд имена Распутина, Солженицына и Гранина, не поленитесь перечесть восхищающие своей гражданственностью тексты Владимира Максимова, написанные им в октябре 1993-го и в одночасье уведшие его в могилу!»

Всерьёз говорить о культуре и её деятелях, жирно прикормленных ельцинским режимом и щедро оплаченных вороватыми олигархами, могут лишь люди, социально и духовно им близкие. Массовая развлекаловка, которую сами акулы шоу-бизнеса справедливо именуют попсой, стала основной доминантой нашего культурного повседневья. «Чёрный ящик» с голубым экраном второй десяток лет обрушивает на головы беззащитного населения мутные потоки пошлого юмора, бездарной музыки и песен, способствующих пополнению психиатрических лечебниц слушающими их молодыми людьми. Только лишённые ума и такта особи могут терпеть «от живота» идущие в режиме «нон-стоп» концерты дубовицких, винокуров, петросянов, клар новиковых. Имя им - легион.

Замечательный русский композитор Валерий Гаврилин лет тридцать назад, когда эстрадная продукция строго дозировалась телевизионными режиссёрами, с горестью произнёс: «Чем хуже дела в стране, тем больше юмора в телевизоре». Что бы он сказал сейчас, увидев пугачёвские «рождественские колядки» или сонм бездарностей, кривляющихся под руководством шоу-барина со знаковой фамилией Крутой. Государство, обязанное следить за состоянием душ своих подданных, всячески приветствует и поощряет откровенных растлителей этих самых душ. Только желанием ещё раз опозорить лицо нынешней власти можно объяснить провозглашение первым (!) лауреатом премии Президента России в области литературы смехача Жванецкого, без устали читающего по засаленным листочкам столь же сальные хохмочки, которыми он с не

меньшим успехом тешил ещё советских чиновников за обильно накрытыми спецраспределительскими продуктами столами.

Забыв провидческие грибоедовские слова: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь», - деятели культуры, с ложью в голосе уверяя особо доверчивых, что не прогибались будто они под коммуняками, покорно легли или встали в другие полуприличные позы перед рыночными хозяевами, готовыми щедро поделиться с прислугой от богатств своих. «Голосуй, а то проиграешь!» - разносился по всей России истошный вопль бойцов культурного фронта, которые за увесистые конверты с зеленью помогали взгромоздиться на трон телу полупьяного Ельцина. Артисты, музыканты и певцы заполошно ринулись открывать рестораны, магазины, торговать нефтью или чем-нибудь подешевле. Представляю, как в душе посмеивались они над Станиславским, Кторовым, Ливановым, Шостаковичем или Прокофьевым, занимавшимися одним лишь творчеством. А с какой готовностью, облачившись в тоги «бессмертных гениев», объединились творцы и провозвестники прекрасного вокруг преступного благодетеля Березовского и его кассирши мадам Богуславской, раньше секретарившей в Комитете по Ленинским и Государственным премиям, а теперь присягнувшей на верность негодяю, на чьих руках кровь тысяч людей, погибших в чеченской мясорубке.

«Триумфом» окрестили «бессмертные» березовскую премию, забыв, что триумфы празднуются и предателями, находящимися в розыске за чудовищные преступления. За одно только мне хочется поблагодарить «триумфаторов» от всей души. Сразу же дали они понять, что не допустят к воровской кормушке людей, отстаивающих честь Родины, борющихся за сохранение русских культурных традиций и не подыгрывающих Горбачёву и Ельцину. Разве можно представить получающими эту более чем сомнительную подачку Вадима Кожинова, Татьяну Глушкову, Александра Панарина, Дмитрия Балашова, Владимира Богомолова или Александра Солженицына? Мне особенно больно писать эти строки, ибо среди склонивших свои головы пред венками «Триумфа» есть близкие мне люди, обладающие недюжинным талантом и принципиальностью, но, к сожалению, присевшие на одну межу со жванецкими, вознесенскими, богуславскими и березовскими. Воистину, слаб человек!

«Весь мир насильем мы разрушим» - слегка изменённую строчку из «Интернационала» поместили на своих знамёнах опьянённые революционным угаром деятели культуры, рушившие после октября 1917-го духовное наследие прошлого. Как бесновались футуристы, призывая уничтожать музейные собрания, выбрасывать на свалку спасающую мир красоту. Даже чистую душу Есенина, всеми корнями связанного с вековым крестьянским ладом, опалил бесовской огонь троцкистско-ленинских пожарищ. К счастью, угар этот быстро миновал поэта, за что с ним зверски рассчитались чекистские упыри, не простившие творцу возвращение к Богу. Зато Мейерхольд до конца прошёл ухабистый и мрачный путь реформаторства и надругательства над прекрасным. Предав анафеме Станиславского и его идеи, будет он после искать

защиты у благородного, глубоко верующего наставника, приютившего отступника, травимого беспощадными друзьями-революционерами. Дождались те кончины Станиславского, чтобы полной мерой воздать Мейерхольду за приветствовавшееся ранее его надругательство над Гоголем, Островским и творениями других классиков.

Шатания и шараханье Мейерхольда, Малевича и им подобных были сладкими ягодками по сравнению с беспределом, творимым нынешними псевдопоследователями революционных экспериментаторов. Куда основоположникам подлинного авангарда, получившим образование в царских гимназиях и университетах, до всякого рода фокиных, ширинкиных, розовских, житинкиных и виктюков, учившихся в заведениях с обязательными курсами истории КПСС да истматов с диаматами! Эти «поставангардисты» препарируют классику в особо извращённой форме. Сколько «Ревизоров», «Мёртвых душ», «Чаек», «Вишнёвых садов», «Гроз» и «Карениных» осквернили безжалостные эксгуматоры, заставив героев материться, заниматься крутым сексом, плеваться в зрительный зал. Действие пьес они переносят в наши дни: Чичикова превращают в олигарха, а Хлестаков ревизует у них тюменские нефтескважины. Главная цель - надсмеяться над русским народом, наделив его своими же пороками; исказить историю и помочь «этой стране» скорее оказаться на дне пропасти.

* * *

Мне, состоящему многие годы в президиуме Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, всё чаще приходят запросы о правомочности тотального воздвижения разнообразных скульптурных групп во всех уголках нашей Родины. Время на дворе стоит революционное, и тут уж без монументальной пропаганды не обойтись. Вспомните, какое значение придавал ей вождь первого в мире государства рабочих и крестьян. Дымились пожары гражданской войны, голод уничтожал сотни тысяч людей, а скульпторы наспех мастерили идолы рукотворные знаменитым революционерам, социально близким писателям, философам, учёным. Даже персонажей церковной истории не забыли, только вот вместо намеченного изваяния Андрея Рублёва трижды увековечили более понятного революционерам Иуду Искариота.

Хозяева нынешней жизни, отмечая сомнительные успехи, стараются как можно быстрее запечатлеть в камне и бронзе своих кумиров и подельников, забыв о специальном параграфе, узаконенном ЮНЕСКО, не рекомендующем устанавливать памятники деятелям культуры раньше чем через пятьдесят лет после их смерти. «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черёд» - слова юной Марины Цветаевой оказались пророческими; творчество её вошло в классику русской литературы наряду с шедеврами Гумилёва, Пастернака, Ахматовой, Мандельштама. Но, увы, не им ставят памятники нынешние культуртрегеры. Забыты швыдкими Станиславский, Шостакович, Платонов, Прокофьев. Тютчев в столице отмечен лишь скромным бюстом во дворе родовой усадьбы. Зато «украсили» Москву шемякинскими

изваяниями человеческих пороков, словно в насмешку помещёнными по соседству с Третьяковской галереей и памятником Репину. Благодарный новым хозяевам Шемякин-американец торопится увековечить память образованца Собчака. Его заокеанский «земляк» Эрнст Неизвестный предлагает в древнем Угличе, рядом с шедеврами древнерусской архитектуры, установить «Памятник водке». Впрочем, «наследника Микеланджело» не волнуют наши насущные проблемы. Тем более, что прецедент имеется: болванчики в честь певца российского алкоголизма Венедикта Ерофеева уже установлены на трассе Москва - Петушки. Виктор Астафьев, сам в молодые годы отнюдь не равнодушный к рюмке, диву давался, видя прославление сошедшего с круга писателя. А ещё один полуамериканец - Евтушенко - договорился до того, что Венечка пребывает в одном пантеоне с Гоголем...

В дореволюционной России наиболее значимые памятники ставили на собиравшиеся народом пожертвования. Дарители вместе со знатоками выбирали лучший проект и наиболее полюбившегося скульптора. Монументы возводили с большими временными интервалами, помня о значимости и важности события. Поэтому и остались знаковыми на века «Медный всадник», «Минин и Пожарский», опекушинский Пушкин, микешенское «Тысячелетие России» в Новгороде. Не апологет я тоталитарно-застойных времён, выпавших на нашу долю, но не могу не признать, что всесильный Вучетич, обладавший неограниченной властью, сработал всего три монументальных колосса: великолепный памятник Воину-освободителю в берлинском Трептов-парке, «железного Феликса» и «Родину-мать» в Сталинграде. Поучиться бы нынешним ваятелям такой сдержанности у «хозяина всея советской скульптуры»!

Кто в чаду нынешней монументальной пропаганды зрит в исторические корни? Разве подумал конвейерный скульптор А. Рукавишников, сажая в неприличную позу перед Государственной библиотекой своего Достоевского, как скромный до болезненности писатель отнёсся бы к идее быть дважды увековеченным, причём в первый раз блестящим меркурьевским творением, в Москве, где он родился и совсем недолго жил? А что бы сказал Булгаков по поводу уничтожения Патриарших прудов несуразным «примусом» того же автора? Спасибо здешним старожилам, лёгшим под колёса самосвалов и не давшим надругаться над заповедным местом.

С поражающей вседозволенностью спешат окультуренные демократы отблагодарить Сахарова, Бродского или Окуджаву, отливая бронзовых уродцев в их честь. «Откуда вдруг взялся китчевый памятник Б. Окуджаве на Старом Арбате? Люблю его песни, но почему он опередил потомственного арбатца Андрея Белого, Марину Цветаеву, многих выдающихся литераторов-москвичей? Рискну предположить, что дело отнюдь не в его творчестве. Отчасти он удостоился такого поспешного увековечения за свою горячую поддержку расстрела Белого дома 4 октября 1993 года и прочих ельцинских авантюр».

Это сказано на страницах газеты «Труд» поэтом Юрием

Кублановским, а не каким-нибудь патриотическим писателем, загнанным либералами в маргинальную резервацию. На фоне такой сервильности демократов выглядит чудовищным четырёхлетнее противостояние питерских «культурных хозяев» во главе с директором Русского музея Гусевым, всеми силами мешающих увековечить память великого музейного деятеля - В.А. Пушкарева, в течение почти тридцати лет руководившего этим музеем, во времена отнюдь не лёгкие для людей с его мышлением. Несмотря на препоны, которые ставили перед «директором №1» сначала диктаторский сталинский, а потом застойный толстиковско-романовский режимы, он сумел пополнить музейные фонды 120 тысячами редчайших экспонатов. Четыре года самые уважаемые художники, музейщики, писатели, академики во главе с министром культуры А.С. Соколовым осаждают просьбами об установлении мемориальной доски В.А. Пушкарёву губернатора Санкт-Петербурга г-жу Матвиенко. Последним пытался достучаться до женского губернаторского сердца Президент Российского фонда культуры Н.С. Михалков. Человек, особо приближённый к главе государства, написал: «В плеяде знаменитых людей, прославивших Санкт-Петербург в XX веке, имя В. Пушкарева стоит рядом с именами Д. Шостаковича, А. Ахматовой, Н. Черкасова, Е. Мравинского, К. Сергеева, Ж. Алферова, Г. Товстоногова». Не вызвало должного трепета у напрочь забывших о своём предшественнике и кормильце нуворишей и это дорогого стоящее сравнение.

Так с кем же вы, мастера культуры?

Сейчас даже отнюдь не смышлёному человеку понятно, чем обернулась для России бархатистая перестроечная революция конца прошлого века. В повседневном труде нарабатывавшиеся многострадальным нашим народом богатства пущены были на ветер комиссарами - исполнителями воли лениных, троцких, свердловых и иже с ними. Растерзанная в клочья нация сумела за короткий срок воссоздать государственную мощь, удивив мир достижениями в экономике, науке и культуре. И снова воспитанные партячейками последователи «верных» марксистов без зазрения совести прихватизировали оставшееся бесхозным народное добро. Горбачёв и Ельцин, словно зазомбированные, униженно взирали на стаи предприимчивых грабителей, провозглася страшный девиз «Берите, сколько сможете утащить». И утащили, оставив миллионы людей страдающими, преждевременно уходящими из жизни, погибающими в Чечне или от ножей и пуль разгулявшейся рвани, едва сводящими концы с концами.

Ну а что же наши славные мастера культуры? Наиболее хваткие и предприимчивые из них, объединённые умением снимать пенки далеко не с молока, прекрасно вписались в «демократическую» ситуацию. Собиравшиеся раньше на кухнях, за столиками творческих ресторанов, поигрывая в диссидентство, да только не вступая в конфликт с законом и чураясь тюремного режима, на чём свет несли они Бондарчука, Бондарева, Пырьева, Хренникова и прочих коллег по цеху, имевших доступ к номенклатурным кладовым. Доставалось от них даже близко не

допускавшимся к кормушке провинциальным талантливым самородкам Распутину, Носову, Белову, Астафьеву, сумевшим стать любимыми писателями русского народа. Ах, как хотелось обиженным и обойдённым барской любовью творцам взять в свои руки ключи от спецраспределителей!

Казалось, с юморком писал Окуджава в одной из песенок, как зайдёт он со временем «К Белле (Ахмадулиной) в кабинет, заглянет к Фазилю (Искандеру)». И ведь дождался талантливый бард счастливых времён. Прежде всего дошёл до ушей новых бар - ельцинской клики - кровожадный вопль Окуджавы, Мордюковой и других народных артистов СССР: «Раздавите гадину, дорогой Борис Николаевич!» Знали они - «гадины» типа Руцкого и Хасбулатова обижены не будут, а то, что сотни чистых, вовсе невинных людей погибнут в кромешном аду «Белого дома», их не волновало. Это Короленко, Чехов, Поленов, Серов и другие светочи нашей культуры плакали и отказывались от почётных званий и привилегий, увидев кровь на петербургском снегу в 1905 году. Нет, нынешние, наоборот, постарались урвать со стола распоясавшихся хозяев куски пожирнее.

Разве снились прошлым мастерам культуры панибратство и беззастенчивость нынешних «просветителей народных»? Я всё время спрашиваю себя: когда они устанут увенчивать друг друга бесконечными премиями, призами, титулами, денежными вознаграждениями и даже памятниками? Да-да, я не оговорился, именно памятниками!

Забыв о том, что во всём мире существует правило ставить монументы людям творческим лишь по прошествии полувекового срока, наскоро слепили они на Арбате скульптурный ансамбль в честь Окуджавы. Не беда, что чем-то напоминает статуя эта пошленькие памятнички дешёвому проходимцу Остапу Бендеру. Порыв души поэта, призывавшего раздавить сотни людей в октябре 1993 года, сполна оплачен.

Удивляюсь я, как торопятся владельцы денежной массы в России воздвигнуть во что бы то ни стало и как можно скорее монумент другому поэтическому «классику» современности - Иосифу Бродскому. Советы, конкурсы, поспешные решения сопровождают порыв славильщиков стихотворца, о котором мудрая Ахматова, стареющая львица, позволяющая неуклюжим щенкам пошалить рядом с собой, прорекла библейски: «Какую биографию большевики делают Рыжему!» (К слову, нынешние постбольшевики у власти так же лепят славную судьбу Лимонову, далеко её не заслуживающему!) Забыли инициаторы установки статуи Нобелевскому лауреату, среди которых интеллектуалы класса М. Пиотровского - верного «хранителя Эрмитажа», что нет в России памятников Пастернаку, Ахматовой, Цветаевой, Тютчеву, Шостаковичу, Прокофьеву, Станиславскому. Продолжение списка этого займёт несколько строк. Забыли они напрочь почти евангельские строки о том, что «быть знаменитым некрасиво». Да какое уж тут Евангелие, если во всеуслышание с экранов своего телевидения и со страниц собственных

газет называют они себя «духовной элитой нации»!

Титул сей прочно закрепился за «бессмертным» жюри премии «Триумф», возглавляемым делопроизводительницей Зоей Богуславской - верной музой Вознесенского-поэта. Бумажником сей премии, щедро оттопыренным г-ном Березовским, распоряжается один из верных слуг ельцинской семейки - Шабдурасулов. И ведь берут украденные у народа денежки элитные лауреаты. Как-то юная журналистка спросила у одного из «бессмертных» - Юрия Башмета (лет пятнадцать назад, посмотрев мои передачи об искусстве русской провинции, пригласил он меня в свою рубрику «Вокзал мечты», и о тех днях остались самые светлые воспоминания), не жгут ли руки лауреатов «берёзовые» деньги. Услышав ответ маэстро, я опешил. Он сравнил Березовского с властелинами Венгрии - Эстергази, платившими Паганини, и с баронессой фон Мекк, помогавшей любимому ею Чайковскому. Хорошо, что альтист Николая I, передававшего деньги Пушкину, не породнил с лондонским издателем «Колокола». Обжёгся на денежках триумфальных В.П. Астафьев (Царствие ему Небесное). Получил десяточку тысяч грязно-зелёных и не заметил, как запел осанну ельцинской камарилье, потеряв такого друга, как совестливый русский талант Валентин Распутин. Совершив опрометчивый сей шаг, жаловался он потом, что по ночам снится ему иркутский друг и, просыпаясь, он плачет, зная, что не может с ним поговорить.

С мастеров культуры не всегда строго спросишь - богема, понимаешь. Наши культуртрегеры берут деньги у криминала и заодно народ просвещают. «Пипл схавает», - как любит выражаться политидеолог нынешней России телеакадемик Познер.

Так с кем же вы, мастера культуры?

Кто разжигает экстремизм

Диалог художника и журналиста

Всё чаще мы слышим призывы к борьбе с экстремизмом. Однако возникают вопросы: откуда берётся этот самый экстремизм, чем он порождается, кто своими действиями, в том числе на поприще культуры, его разжигает и провоцирует?

Игорь Шишикин. Савва Васильевич, не так давно пришло сообщение о разгроме галереи печально известного Марата Гельмана. Мы его хорошо знаем по тем кощунственным мероприятиям, которые он в своей галерее неоднократно проводил, по политтехнологическим процедурам, что он запускал на отечественном телевидении, которые иначе как провокацией не назовёшь. И вот теперь его галерею кто-то разгромил. Поднимается шум, что идёт волна фашизма, сразу вспоминают национальность Гельмана, соответственно усматривают и антисемитизм. Как вы полагаете, это происшествие стоит в том же ряду, что и разгром выставки в Сахаровском центре, когда русским людям терпеть надоело?

Сахаровский центр, как Кондопогу, не выдержали люди и начали по-своему наводить порядок. Или это очередная многоходовка и провокация самого Гельмана?

Савва Ямщиков. Меня больше всего поразило в этой истории то, что «Коммерсантъ» поместил материал о случившемся на первой странице с переходом на вторую, хотя были и другие важные события. Но они их не интересуют. Галерея Гельмана - вот для них главное. Что называется, прищемили мальчику часть тела дверью, и они заверещали. В «Коммерсанте» сказано, что работали десять погромщиков без истерик, одеты они были в чёрные шапки с прорезями, в чёрные куртки, высокие ботинки. Каждый погром вызывает отторжение. Но Гельман заявил, что готов был к этому. В «Коммерсанте» приведена и справка о его деятельности. Простите меня, пожалуйста, какое он имеет отношение к изобразительному искусству, если в своё время «лучшая» его акция «Арт-факт», как они говорят, заключалась в том, что устроили поедание торта, изображающего Ленина в гробу мавзолейном?

И.Ш. Тем Гельман и прославился.

С.Я. Да, но, простите, это же чудовищно. Моя дочь однажды посетила его выставку на Крымском валу со своей приятельницей-художницей. Она ужаснулась: «Папа, там такая матерщина стоит!» Вот перечень его «подвигов»: помогает баллотироваться в мэры Москвы полковнику Лебедеву; ведёт пиар-кампанию выборов «Союза правых сил»; дезавуирует «врага» Немцова - на выборах в Нижнем Новгороде. Причём всегда пользуется самыми грязными приёмами. Просто чудовищная грязь! Между прочим, он помогал создавать партию «Родина». Так какое же отношение погром имеет к искусству? Это, думаю, приведение приговора в исполнение, скорее всего - по политическим делам, если не провокация, о которой вы сказали (они и на это способны - мы знаем массу примеров).

И.Ш. То есть вы считаете, его политические акции настолько дурно пахнут, что кому-то уже стало невыносимо? Надоели ушаты грязи, которые он выливал?

С.Я. Да. Это своего рода предупреждение и его подельникам. Он же вообще идёт в одной упряжке с Глебом Павловским по фонду эффективной или неэффективной политики. Это предупреждение таким, как коллега и соратник Павловского господин Глазычев, член Общественной палаты, который в своё время был руководителем штаба предвыборной кампании Кириенко, когда «киндер-сюрприз» пытался стать мэром Москвы. Глазычев тоже к искусству имеет отношение - специалист по истории архитектуры.

Он в молодые годы работал в редакции журнала «Декоративное искусство». Глазычев предлагал тогда конструкцию сохранения памятников: «Зачем в Москве сорок церквей XVII века или сто церквей XVIII века? Оставим по одной, классической, наиболее характерной, а остальное заменим новоделами». Они такие же и в политике, сажают таких в Общественную палату! Это всё чудовищно. Я считаю, что для них -

это тревожный звонок. Дай Бог, чтобы они поскорее убрали грязные свои щупальца с нашего повседневья.

Меня другое тревожит - история в Кондопоге. Я не из трусливых людей, но думаю о своих друзьях, которые там живут, об их детях. Карелия - любимый мой край. Ведь «бессмысленный, беспощадный» кровавый бунт - это вам не придуманные страшилки. Под его колёса будут попадать многие невинные люди. А виноваты в том, что происходит,- гельманы, павловские, лидеры «Союза правых сил», швыдкие, которые просто уши нам залепили криками о «ксенофобии». Какая ксенофобия? Ксенофобия - болезнь. От неё лечат в психиатрических больницах. Они навязывают то, что хотели бы от нас услышать. Национального шовинизма в России просто не может быть - мы православны, а иногда и слишком доверчивы, чтобы у нас появились шовинисты.

Костёр ненависти

И.Ш. Савва Васильевич, подобные акции оправдывать и одобрять невозможно. Любой разгром, любое противоправное насилие не может приветствоваться. Но, с другой стороны, это реакция людей, сигнал, что так дальше нельзя. В ответ на произвол распоясавшихся пришельцев они начинают восстанавливать справедливость теми методами, которыми могут. И что же? Их объявляют фашистами. Почему тогда на Гельмана не заведены уголовные дела за разжигание межнациональной, межрелигиозной ненависти? Достаточно вспомнить, что было в его галерее. Ему давным-давно светят статьи, но почему-то судов не было, наручники не надевались. За клевету его не наказывали. Вот кто-то и решил таким методом восстанавливать справедливость.

С.Я. Может быть, учитывают заслуги его папы, драматурга Гельмана, который был певцом партийных организаций? Все они потом стали либералами. Вы сказали, что это напоминает разгром чудовищной Сахаровской выставки. Нет, там всё было спонтанно. После проповеди отца Александра (Шергунова), замечательного русского священника, люди в благодарном порыве это сделали.

И.Ш. Как и в Кондопоге.

С.Я. А вот здесь, скорее, всё спланировано. Дело в том, что дурить людей до бесконечности нельзя. Вот не такая уж давняя история с Грузией.

Вспоминаю, как в «Новой газете» было вынесено крупными буквами: «Я - грузин» - и портрет Юрия Роста, заявляющего: «Мне плевать на президента этой страны. Мне плевать на население этой страны. Мне плевать на телеведущих этой страны, потому что они плюют на меня. Я - грузин».

Господин Рост, что вы орёте, как зарезанный? А кто нам «привёз» эту Грузию? Это ваши «демократические» друзья «родили» сначала бесноватого Гамсахурдиа, потом заменили его вороватым проамериканским ставленником Шеварднадзе, а в результате дождались

Саакашвили.

Не надо таким господам, как Рост, говорить, что режиссёра Данелия затронут, Басилашвили, не дай Бог, обидят. Это - провокации. Но, по сути дела, вы вели себя так всегда. Сейчас кричите: «Я - грузин!» А во время кровавой бойни, развязанной Ельциным и Березовским, вопили: «Я - чеченец!» Вспомните своих коллег, всех этих савицких, масюк, которые издевались над гибелью псковских десантников и прославляли Аслана Масхадова, Басаева.

Это всё одна команда

И.Ш. Савва Васильевич, вы сейчас затронули несколько тем, но они, по-моему, все связаны. И ничего удивительного нет. Ведь вся та публика, которой президент поручает осуществлять то или иное действо,- плоть от плоти, кровь от крови тех же самых гельманов. Это всё одна команда, только у них разные функции.

С.Я. Вообще рыба гниёт с головы, как известно. Эти провокаторы будут иметь почву под ногами до тех пор, пока у нас не будет дана правовая оценка деятельности Ельцина, Собчака, Чубайса, Березовского, пока над ними не состоится суд, пока 75-летие Ельцина будет отмечаться фильмами на телевидении, где все поют ему осанну - от светских властей до духовных. До тех пор, пока у нас по Первому каналу аналитическую телепрограмму будет вести господин Познер.

И.Ш. А по второму каналу - Сванидзе.

С.Я. Познер на Пушкинской сказал, что презирает режим Саакашвили, но и Россию презирает. Пока у нас будут вести передачи на канале «Культура» швыдкие, архангельские, ерофеевы, демократии мы не дождёмся. В одной из передач Архангельского «Тем временем» обсуждалась проблема трансплантации и клонирования человека. Приглашены были двое учёных, от Русской православной церкви - отец Всеволод Чаплин, заместитель владыки Кирилла, и Бер Лазар. Бер Лазар решает у нас многие проблемы.

И.Ш. Савва Васильевич, я должен напомнить, что не так давно было опубликовано интервью с этим самым Архангельским, которого почему-то тоже до сих пор не привлекли по статье «Разжигание межнациональной розни». В интервью он сказал, что в его программах в основном одни евреи, потому что они - самые умные. Представьте, если бы кто-нибудь из ведущих какой-нибудь радиостанции заявил, что у него в программе только русские, потому что только они умные?

С.Я. Тотчас пригласили бы его в судебные инстанции.

И.Ш. Это тут же!

С.Я. А он спокойно работает. Отец Всеволод высказал абсолютно верную мысль, что у православных смерть не считается концом жизни человеческой и человек, достойно проживший жизнь, достойно уходящий в мир иной для продолжения вечной жизни,- это основа православия. А

Бер Лазар заявил тут же: «Вы этим самым проповедуете идею самоубийства». И такое часто у нас говорят по телевизору! Швыдкой сейчас немножко суетится, даже что-то про патриотизм иногда выдавит из себя. То есть почуяла кошка, чьё мясо съела. Но всё равно от самой кошки попахивает притворством. А Ерофеев, который просто издевается над всем? За это Франция ему вручает почётный орден «За вклад в культуру».

Я, между прочим, написал короткое письмо французскому послу по этому поводу, и оно напечатано в «Литературной газете»: «Выбирать достойных - прерогатива вашей страны, и я бы никогда не посмел вмешиваться. Но в данном случае это надругательство и над нашими литературными связями, и над литературой, которая дала миру величайшие образцы творчества, отличающиеся блестящим профессионализмом и высокой нравственностью. Вы же даёте награду человеку, который поставил во главу угла своих писаний цинизм, матерщину, пошлость». Я написал, что под этим письмом могут стоять тысячи подписей моих соотечественников - от известных деятелей культуры до простого читателя, слушателя и зрителя. Я сказал, что сам отношусь к наградам абсолютно спокойно и даже отрицательно, потому что считаю, что высшая награда - это жизнь, дарованная Богом, и умение пронести незапятнанное своё имя до конца этой жизни.

Дальше пишу: «Я прекрасно понимаю, что всякая награда - это часть политической, культурной жизни, и я никогда бы не стал оспаривать, например, ваше решение отметить такой наградой господина Венедиктова, главного редактора «Эха Москвы» - радиостанции, которая подрывает интересы Российского государства и обслуживает западных партнёров. Это ваше дело награды им давать. Но когда вы награждаете такого человека и как бы ставите его в один ряд с Толстым, Пушкиным, Достоевским, Чеховым, Шолоховым, Распутиным, Пастернаком, то, простите, тут приходят на ум толстовские слова: «Не могу молчать». Это же растление».

Надругательства над классикой совершенно чудовищные. Один Фокин, выбившийся в режиссёры, сколько пьес Гоголя испоганил! Игорь Петрович Золотусский после просмотра его «Ревизора» в Александринке хотел в прокуратуру идти. Они совокупляются на сцене, плюют в зал. Теперь вот этот «Евгений Онегин» - на сцене Большого театра, который наконец-то прорвал гнойник в голове госпожи Вишневской. Как она кричала: «Свобода, ура, мы с Собчаком!» Теперь возмущена таким «Евгением Онегиным». Наконец-то и их достаёт «демократия». Ну как могут не достать все эти «Голые пионерки», «Дети Розенталя», выкрутасы Кирилла Серебренникова? Сейчас он в «Современнике» поставил «Антония и Клеопатру» по Шекспиру. Я посмотрел. Стало страшно. Чулпан Хаматова, которая думает, когда играет, не головой, а другим органом,- вся в показном сексе. Почему Шекспира можно так похабить?

Доходит до того, что какой-нибудь писатель Пьецух печатает в «Литературной газете» огромную статью, где сказано, что вся русская

литература состоялась благодаря тому, что лучшие её представители были больны: Гоголь - шизофреник, Достоевский - эпилептик, Лермонтов - мегацефал с большой головой и короткими ногами, у Тургенева понос какой-то был неостановимый, Чехов - туберкулёзник. А иначе ничего бы и не состоялось. У Толстого тоже нашли что-то в истории болезни. Волосы у меня встали дыбом! Я тогда ответил статьёй под названием «Эй, моськи» в «Дне литературы». Видимо, господин Пьецух такой супермен: бегает по утрам, пьёт кефир, обтирается холодной водой. Но пусть он напишет хоть одну строчку, подобную тем, которые умели писать пациенты различных отделений больниц. Но в меня уже камень кидают: как посмел Пьецуха задеть?

Вот вы представьте себе, Валентин Григорьевич Распутин написал бы, что еврейская или американская литература состоялась потому, что Хемингуэй пьяница был, а Бабель был сотрудником ЧК. Статья за разжигание национальной розни ему была бы обеспечена. А здесь, пожалуйста, можно и Толстого оболгать и поставить «Шута Балакирева», где русская история с ног на голову перевёрнута. Это очень серьёзная причина продолжения той тьмы, в которой мы вынуждены брести, чтобы, как Лев Николаевич Гумилёв говорил, выбраться из ямы, куда мы провалились. Никто нам не поможет, а поскольку уходят из жизни такие люди, как Лев Николаевич, как Дмитрий Михайлович Балашов, всё меньше и меньше остаётся тех, на кого в культуре можно ориентироваться.

Нам вливают оплаченный яд

И.Ш. Савва Васильевич, вы как-то говорили, что без суда над теми, кто заведовал развалом и растлением, нельзя идти вперёд. Я думаю, что это сейчас должно стать самым главным посланием, которое нужно распространять. Это нужно осознавать как можно большему числу людей, потому что пока от этого гнойника не избавимся, ни о каком укреплении государственности, ни о какой морали в обществе не может быть и речи. Нельзя говорить о том, что мы укрепляем государственность, и сохранять всю эту гниль, которая образовалась в нашем обществе за девяностые годы и продолжает ныне активно действовать.

С.Я. Ныне даже ещё более активно!

И.Ш. Потому что они понимают прекрасно: как только пойдёт реальное укрепление страны, им здесь места не будет. Им жизни здесь не будет. Либо их посадят в тюрьму за то, что они совершили, либо им придётся уехать к себе «на землю обетованную» или ещё куда-то. Но, Савва Васильевич, вот когда мы приводим примеры всей этой гнили, нужно ведь понимать, что она не только там, вверху, на телевидении, во всех этих галереях, во властных и политических структурах. Она ведь опасна ещё тем, что от неё идут метастазы и в общество и они поражают «простых», нормальных людей. И эти люди начинают совершать поступки, которые для нормального человека - полная дикость. Не так давно, например, пришло сообщение о том, что какие-то вандалы расстреляли памятный знак на месте, где погиб Юрий Гагарин. Я понимаю, что скорее

всего это были просто-напросто перепившиеся охотники, которые решили посоревноваться, кто лучше стреляет. Но вот в этом, по-моему, и кроется самое страшное: что для них стало возможным использовать в качестве мишени памятный знак на месте гибели такого человека. И я думаю, что, если бы у нас не было гельманов и прочих, никогда подобное произойти в нашей стране не могло.

С.Я. Я с вами абсолютно согласен. Но ведь надругательство над памятью Юрия Алексеевича стало довольно распространённым. Все копают, как он погиб, что, может быть, он жив - всей этой чуши хватает, - и тем самым выжигают из людей память и преклонение перед героями, благодаря которым мы существуем.

И.Ш. Нет ничего святого.

С.Я. Да. А вот в Таллине опять памятники нашим воинам оскорбляют. Идут бандеровцы по улицам Киева и кричат: «О, Ющенко!», «О, «оранжевая революция!» Вот вам «оранжевая» революция - пришли бандеровцы. Рядом стоят наши ветераны, плачут. Я вспомнил стихотворение Сергея Михалкова про русских детей, которые после войны попали в американский приют, и про то, как их там разлагали: «По капле им в душу вливают разведкой проверенный яд». И нам вливают яд, оплаченный и проверенный теми разведками. Яды всегда стоили дорого.

И.Ш. Пока эти яды не перестанут поступать в наш организм, говорить о выздоровлении страны нет возможности, и, соответственно, одна из главных наших задач сейчас - добиваться, чтобы краны, через которые эти яды идут в тело нашего народа, были перекрыты. А эти краны имеют всем нам прекрасно известные названия, известные фамилии, имена, отчества.

С.Я. Конечно! Вот с них-то и надо начинать борьбу с экстремизмом.

Кто у нас нынче в роли «властителей умов»?

Диалог с обозревателем «Правды» Виктором Кожемяко

Общаясь с этим замечательным человеком, всегда вспоминаю, что написал о нём Валентин Распутин: «У него есть звания, добытые за десятилетия работы в реставрационном искусстве, и огромный авторитет знатока русской древности и русской культуры, и чистая тога гражданина Отечества, не пострадавшая ни за советские, ни за «демократические» времена».

Как истинный гражданин и патриот, Савва Васильевич Ямщиков продолжает страстно отстаивать высочайшие ценности отечественной культуры, подменяемые ныне и вытесняемые из нашей жизни.

Чтобы привлечь внимание

Виктор Кожемяко: Уже не первый год, дорогой Савва Васильевич, в разных изданиях читаю ваши статьи, заметки, интервью, полные боли и гнева. Эта боль за поруганную родную культуру, этот гнев против её разрушителей мне очень понятны и близки. Газеты «Правда» и «Советская Россия», где я выступаю, тоже постоянно бьют тревогу в связи с происходящим в сфере культуры. Но вот главный вопрос: доходит ли это до власти? Например, читал вашу статью «Не могу молчать». Вы там поставили ряд давно назревших проблем предельно остро и даже сочли нужным обратиться напрямую к президенту страны. Ну и что дальше? Ответил вам президент?

Савва Ямщиков: Ответа не было, да и не ждал я, конечно, какого-то личного ответа. Цель моя была - привлечь внимание к тем вопросам, которые меня особенно беспокоят.

В.К. Что ж, давайте посмотрим, как обстоит дело сегодня с этими вопросами. Вы с большой тревогой писали о судьбе так называемой Бременской коллекции - трофейных произведений искусства, за которые много лет вам пришлось вести борьбу. Ваше требование, на мой взгляд, абсолютно правомерно: если возвращать эти экспонаты Германии, то обязательно только на условиях компенсации. То есть Германия в счёт этого должна вложить средства на реставрацию исторических памятников Новгорода и Пскова, разрушенных в своё время немецкими оккупантами. Что-нибудь сдвинулось в этом направлении?

С.Я. Пока, к сожалению, ничего. Во всеразрушающие годы ельцинского правления удалось нам предотвратить попытки свердловского барина продолжить разбазаривание трофейных ценностей и не дать его приспешникам разворовать плохо лежащее государственное добро.

После выхода в свет моей книги «Возврату не подлежит!», выпущенной издательством «Алгоритм» и представленной на Московской международной книжной выставке-ярмарке в сентябре прошлого года, мне позвонили из Министерства культуры и сообщили, что возобновляет свою работу российско-германская группа, созданная ещё в начале 90-х годов для решения судьбы «Бременской коллекции».

Я обрадовался. Пришёл туда и сказал: буду работать в этой группе, если вы вернётесь к нашему документу 1993 года - государственному Заявлению о намерениях. В нём как раз совершенно чётко были зафиксированы условия компенсации с немецкой стороны при передаче ей «Бременской коллекции». Это означало, что передача ни в коем случае не может быть безвозмездной!

В.К. А ведь такая попытка уже предпринималась в 2003 году?

С.Я. В том-то и дело! Тогда с огромным трудом она была отбита. В основном благодаря Николаю Губенко, сумевшему объединить вокруг себя патриотические силы...

На безвозмездной передаче трофейной коллекции вроде бы окончательно удалось поставить крест. Но, как оказалось, именно «вроде бы». Потому что потом в прессе вдруг появились сообщения, что коллекцию отдадут за смехотворную цену, что решение такое «в верхах» уже подготовлено. Я понял: это весьма серьёзно.

В.К. И провели свою пресс-конференцию, о которой писала «Правда»?

С.Я. Да, пресс-конференцию в Фонде культуры. Участвовали в ней, кроме меня, Николай Губенко и один из самых компетентных специалистов по Германии доктор исторических наук Валентин Фалин.

Ажиотаж был большой. Отклики «демократической» прессы злобные. Опять издевались и потешались надо мной, ещё больше - над Губенко, передавшим в Генеральную прокуратуру дело Швыдкого, который в 2003 году чуть не сплавил «Бременскую коллекцию». А потом в той же прессе последовали и «политические разъяснения» - судя по всему, мне их надо было учесть.

На груди у власти

В.К. О чём конкретно шла речь?

С.Я. Пожалуйста, процитирую: «Некоторые источники в Минкультуры намекают на то, что умеренная позиция Ангелы Меркель на самарском саммите ЕС-Россия была обусловлена, в том числе и прорывом в истории с «Бременской коллекцией»... Конечно, рассчитывать на повторение успеха 2003 года противникам «дешёвой» реституции вряд ли стоит. Кремль возьмёт ситуацию под контроль. Дума промолчит. Телевизор не покажет. Коллекцию отдадут... Как бы то ни было, но возвращение «Бременской коллекции» - знаковое событие. На Западе к такого рода «сигналам» чутко прислушиваются... Владимир Путин в Австрии, во всяком случае, обещал двигаться по направлению к реституции».

В.К. Что же следует из того, о чём вы рассказали? По-моему, давно уже всем ясно: в нашей стране действуют влиятельные антироссийские, антирусские силы. С 1991 года они не просто во власти, но всецело определяют её политику. По отношению к культуре это особенно очевидно. Потому что зеркало состояния культуры - это телевидение, которое все каждодневно имеют возможность лицезреть. И то, что мы там видим, одинаково возмущает вас и меня. Ваша публицистика последних лет в большой мере посвящена безобразию, творящемуся на телевидении. Но разве после этой публицистики, после многолетних возмущений других авторитетных и уважаемых людей нашего Отечества стало меньше телевизионного безобразия?

С.Я. Соглашусь с вами: меньше, к сожалению, не стало. Так ведь в том числе и этим было продиктовано моё открытое письмо президенту (В.В. Путину. - Ред.), о котором вы упомянули. Напомню хотя бы одно место из него: «Что касается растлевающей роли «родного» телевидения, то лишь слепой не ужаснётся при одном виде доморощенных звёзд, среди которых «вооружены и особо опасны» Ксюша Собчак, Боря Моисеев,

бескомплексная Лолита с непотребным Цекало и прочие эрнсто-пугачёвские выкормыши. Творения «мастеров литературной позы», подобные Ерофееву, Сорокину, Минаеву, полны матерщины, глумления над самыми сокровенными сторонами человеческого общения. Даже претендующий на элитарность канал «Культура» старается отвести побольше места в своём плотном графике этим уголовно наказуемым «инженерам человеческих душ».

В.К. Написали-то вы сильно, Савва Васильевич. Ничего не скажешь...

С.Я. Считайте, что это крик моей души.

В.К. Я так и воспринимаю. Да, написано сильно, только возникает тот же самый вопрос: будет ли услышано? А если и будет, то последуют ли, в конце концов, какие-то реальные меры, чтобы изменить укоренившееся положение? Ведь те самые «звёзды», которые названы вами и которые, будучи нашим национальным позором, стали прямо-таки «властителями умов» в нынешней России, Путин тоже видит, причём не первый год. Значит, его они не возмущают? Или, может быть, сказывается особая близость некоторых из них - в первую очередь Ксюши Собчак? Или продолжает действовать всемогущая сила телевизионного «рейтинга», на которую однажды Владимир Владимирович сослался, когда его просили навести порядок на телевидении?

С.Я. Конечно, я обо всём этом тоже думаю. Одиозные фигуры приближены к президенту уже в течение многих лет! Одни и те же. Пугачёва, например, мало того, что состоит в Президентском совете по культуре - её же включают во вновь созданную Общественную палату. Там оказывается и Сванидзе - жуткая русофобская личность, но совершенно непотопляемая. Такие заправляют культурой. Под началом господина Швыдкого, нанёсшего за годы своего правления ущерб культуре чудовищный.

И вот показывают по телеящику заседание руководителей регионов у президента по проблемам народной культуры. Я было подумал: слава богу, что за такое важное дело взялись! Но когда стали рассказывать, кто из губернаторов чем занимался, как Матвиенко крестиком вышивала, а теперь времени у неё нет, и показали стыдливо ушедшего в угол Рому Абрамовича, мне стало не по себе. Известно, что Рома джинсами торговал. Это тоже имеет отношение к народной культуре? А вот господин Швыдкой вдруг вспомнил о старообрядческом поселении в районе Воркуты. Кто-то ему явно шпаргалку выписал к заседанию. Шоумен якобы жаждет туда в гости, но к ним, увы, не долетишь, не проедешь. А стоящий рядом министр Соколов посетовал - денег на это нет: что делать, мол, господин президент? И Швыдкой вторит: да, что делать? Но сам же он хозяин мошны, и на похабные биеннале отпускает этот хозяин немеряные миллионы. На такую «культуру» ему хватает? Хватает на фильм «Сволочи», который все нормальные люди осудили. Ведь именно он эту гнусность обильно финансировал. Счётная палата проверяла. И что, Степашин накажет Швыдкого?

В.К. Видите, самим вам вполне понятно, что там, «наверху», всё как-то туго повязано. И если существует сегодня определённая «культурная политика» (а она существует, конечно!), то никак не может быть, чтобы шла эта политика вразрез с пожеланиями президента. Лично я в это абсолютно не верю. Да и многое из того, что вы пишете, свидетельствует о том же. Нынешняя «элита» - разве не связана она с президентом? Вот вы, скажем, возмущаетесь обильными писаниями «самого великого сейчас номинанта и премианта Димы Быкова». А он тем временем - постоянный гость на встречах с писателями самого Путина или его доверенных лиц...

С.Я. Действительно, такой высокой чести, которой удостоены сегодня Дима Быков и ему подобные, даже близко не имеют настоящие классики нашей литературы - Валентин Распутин и Юрий Бондарев. Не с ними советуется власть, а с Димой, которого я считаю просто сексуально помешанным. Вы, наверное, не читали его откровений в «Собеседнике», где он даёт интервью некоей «интимной обозревательнице» (так она там названа!) мадам Огневой. Волосы на голове шевелятся, когда читаешь такое:

«Уверяю тебя, добиться стойкой эрекции в постели под одеялом гораздо проще, чем достойно проявить себя на крыше или в кишащем энцефалитными клещами лесу... Вот я, например, до гроба буду помнить, как у меня было это в кабинете главного редактора... В метро почти было, но в последний момент кто-то вошёл в пустой вагон... На детской площадке было, на крыше нашего дома было. В ночном море - много раз, на пустынных скалах пару раз...»

В.К. Впечатляет! Экий половой гигант-умелец...

С.Я. Не думайте при этом, что непристойные беседы Дмитрия Быкова и Огневой носят мелкий кухонный характер. Берите выше! Они же, оказывается, прежде всего думают о литературе. И ей, литературе Достоевского и Толстого, адресуют свои сентенции. Потерпите и ещё немного послушайте:

«Как-то у русской литературы с эротикой традиционно не ладится... Какая русская литература способна читателя возбудить?.. Проблема в национальной ментальности». Вот как! Русская ментальность им не по душе - ущербная она у нас. И тут же Дима даёт свой художественный образец: «В будущем эротическая проза могла бы выглядеть так: «Президент любил страну всё глубже и глубже, двигался по ней мощно, и ответный стон народной любви заставлял его терять самообладание, сводя всё к единственному желанию - как можно дольше не кончать, контролировать ситуацию...»

Выдал такое и сам себя похвалил этот эротоман: «По-моему, возбуждает». А президент, наверное, услышал вопль Димы, возбудился и поручил своему полномочному представителю Дмитрию Медведеву, одному из кандидатов в «преемники», встретиться с писателями, обязательно пригласив его, Дм. Быкова. И вот уже строчит он, осчастливленный, свой восторженный отчёт в любимом «Собеседнике»...

Из-за границы тоже пригреты

В.К. Да не редкость для него подобные встречи «на высшем уровне»! Осчастливлены властью он и вся эта компания бывают регулярно. Кого назвал в газетном отчёте на сей раз?

С.Я. «Писатели,- сообщает,- представлены Василием Аксёновым, Владимиром Маканиным, Поповым, Ерофеевым, литкритиком Архангельским, его коллегой Немзером, Натальей Ивановой и Дарьей Донцовой, Успенским, Агеносовым, Слаповским, Бунимовичем, Гуцко, Романом Солнцевым, Бородиным и Веллером, ещё был Дмитрий Липскеров и Славникова тоже. Из поэтов присутствовала Римма Казакова, из главных редакторов - Юрий Поляков. От Агентства по печати присутствовал Сеславинский».

Если исключить две-три серьёзные фамилии, то остальные вызывают у меня печальные чувства.

В.К. Но остальные-то как раз и составляют «обойму власти».

С.Я. Согласен. Кстати, в конце своего болтливого репортажа Дм. Быков восклицает: «Хорошо бы он (Медведев то есть) стал президентом! Добрый, отзывчивый человек!» Стало быть, у них полное взаимопонимание...

В.К. В последнее время немало слов приходится слышать от руководителей страны и их обслуги о национальных интересах, о патриотизме, о служении Отечеству. На словах как будто ушли от привычных утверждений, что патриотизм - это последнее прибежище негодяев. Но когда видишь, на кого из деятелей культуры опирается власть, понятно становится: по существу мало что изменилось. Потому что «властители умов» - прежние, и по-прежнему пригреты они не только российской государственной властью, но и тёплой заботой с Запада. Одновременно. Вы это замечаете?

С.Я. Очень даже замечаю. И откликаюсь на это! Вот сравнительно недавно обратился с открытым письмом к послу Франции в России. А поводом стало награждение французским орденом «За особый вклад в развитие культуры» писателя Виктора Ерофеева. Помните, он значился одним из первых в списке приглашённых на встречу к первому вице-премьеру Медведеву? Этот, с позволения сказать, писатель, как и Дм. Быков, на всех президентских и прочих приёмах здесь, в России,- обязательный нынче персонаж. Но вот и французы его, оказывается, высоко оценили. «За особый вклад»! В культуру! Только в чём же он, этот вклад, реально состоит?

Не стал бы я писать своё письмо, ни в коем случае не стал бы навязывать свою точку зрения, если бы речь не шла о явном поругании русской литературы и всей русской культуры в целом. Если действительно талантливые её представители обогатили человечество нетленными плодами своего творчества, отличающимися высокой духовностью, нравственностью, отточенным художественным мастерством, то этот

орденоносец ни одним из этих качеств ни в малейшей степени не обладает. Зато исповедует вседозволенность, пошлость, откровенный цинизм, позволяет себе издевательство над самыми тонкими материями, касаться которых недостойно скверное его перо.

В.К. Но если из-за рубежа Ерофеева так высоко оценили, значит, для них он представляет ценность? Чем, как вы думаете?

С.Я. А вот давайте вместе подумаем. Таким же французским орденом был награждён недавно руководитель радио «Эхо Москвы» Венедиктов. Известно, что радиостанция эта хотя и находится в России, но Россию не любит. А на Западе зачастую и поощряют таких. Разве там по-настоящему дорожат нашей историей и культурой? Нет, конечно! И вполне естественно, что разрушители русской культуры, к коим я отношу ерофеевых, дм. быковых, аксёновых, радзинских и т.п., возносятся там на пьедестал, окружаются всевозможными почестями.

В.К. Так-то оно так. Но поразительное совпадение: эти же люди, которых на Западе превозносят за их антирусскую позицию, из года в год представляют нашу страну за рубежом на международных книжных выставках-ярмарках. Не Бондарев и не Распутин, а опять они!

С.Я. Вы абсолютно верно заметили. И поскольку их туда из года в год возят - значит, такова политика нынешнего нашего государства по отношению к литературе и культуре вообще.

А премия «Триумф»? Одна из самых богатых, которые были учреждены в годы «реформ», она стала достоянием многих персонажей нашего разговора. Случайно? Ни в коей мере! Тоже своего рода политика.

Кто-нибудь скажет: да ведь это не государственная, а частная премия. Правильно, частная. Но кто её учредил и кто выплачивает? Думаю, многим в нашей стране давно уже известно: «Триумф» - премия от господина Березовского.

Поразительно получается! Главный финансист - в международном розыске, объявленном Генеральной прокуратурой России, а премию его, между тем, вручают в той же России публично, торжественно, с показом по государственным каналам телевидения. И мы должны лицезреть на экранах своих телевизоров, как чествуют птенцов гнезда Бориса Березовского, то бишь «Платона Еленина».

Я спросил президента в своём письме: «Вам за них не стыдно?» Мне - противно!

В.К. У вас там хорошо написано: «Неразборчивость и цинизм характеризуют «триумфаторов», благодарящих публично преступника Березовского - и тут же отправляющихся в Кремль за Вашими наградами. Чтобы признаться в верноподданничестве и безграничной любви к гаранту...»

С.Я. Действительно, так и бывает! Причём удивляет не столько поведение награждаемых, сколько то, что зачастую это одни и те же лица. Значит, как ни поразительно, приоритеты в культуре у нынешнего

Российского государства и господина Березовского в основном совпадают. Куда же тогда идёт такая «культура»?

Затмение

Под таким заголовком поместила на первой полосе «Новая газета» истерическую реакцию члена редколлегии Юрия Роста на промежуточный результат телеигры «Имя России», выведший на первое место Сталина.

Когда ВГТРК, а точнее, команда Александра Любимова, готовилась к запуску телепроекта, подобного тем, которые уже провели в Англии и на Украине, мне довелось вместе с другими специалистами по русской истории принять участие в обсуждении сырого и отнюдь не продуманного списка 500 кандидатов, составленного устроителями шоу. Не буду перечислять все поправки, внесённые мною и озвученные в газетах, на радио и телевидении, В передаче «Национальный интерес» я предложил имя Пушкина - «наше всё» - вынести за пределы списка и, как это делается на конкурсах и фестивалях, отметить гения знаком высочайших достижений и непревзойдённых заслуг перед Россией. На вопрос ведущего, кому бы участники передачи присвоили первое имя России, я назвал Александра Васильевича Суворова - величайшего среди мировых полководцев, страстного ревнителя православия; рачительного хозяина, заботившегося о своих крестьянах не на словах, а на деле; патриота, с молодых лет заявившего, что он со своими суздальскими солдатами победит любую армию и доказавшего это всей своей блистательной воинской биографией.

Я не числю себя в рядах сталинистов и не стану петь осанну личности противоречивой, наделавшей немало ошибок. То, что сегодня русская деревня находится в коллапсе, вина не одних демократов горбачёвско-ельцинского разлива. Основы её уничтожения были заложены Лениным и продолжены волею и делами Сталина. Забывать о ГУЛАГе, которым постоянно спекулируют липовые правозащитники вроде лживого и трусливого Ковалёва, я не имею права, хотя бы потому, что мой дед, чья крестьянская доля правдиво описана в талантливейших беловских «Канунах», нашёл свою могилу в селе Шушенском, куда был сослан по мановению сталинской руки. Назвать Сталина первым именем России мне, воспитанному в духе интернационального русского славянофильства, почитающему своими учителями Аксаковых, Хомякова, Тютчева, Леонтьева, Гоголя и Достоевского, не позволили бы совесть и чувство истинного патриотизма. Но я прекрасно понимаю причины, заставившие многих моих сограждан отдать вождю голоса.

Последнее двадцатилетие, когда либеральные демократы, захватившие в свои руки всё - от уворованных народных ценностей до средств массовой информации - беззастенчиво искажали нашу историю, поручив грязную работу двурушникам-коммунистам: егорам яковлевым, коротичам, познерам, сванидзам, шустерам, сорокиным, киселёвым, венедиктовым и несть им числа, лучшая часть наших людей, обречённых на глобальное вымирание, превращённых в бомжей, лишённых права

голоса, вынуждена искать защиты в славном прошлом страны. Их обманули все - горбачёвы, ельцины, жириновские, собчаки и зюгановы.

Читая бездарные, лживые сталинские биографии у волкогоновых, радзинских и прочих млечиных, люди вспоминали, что именно Сталин не дал троцкистской банде превратить страну в сырьевой придаток европейских и заокеанских стран, чьи лидеры приложили немалые усилия для осуществления в России одной из самых страшных революций. Вспоминали, что именно под руководством Сталина, сумевшего, используя талант и высокий профессионализм не до конца уничтоженного Лениным и Троцким русского народа, заложить основы мощной державы, чья научная оснащённость, военная мощь, высочайшие культурные достижения и даже спортивные подвиги заставляли терпеть и признавать успехи Советского Союза самых яростных недоброжелателей. Да и жаловаться сегодня на «затмение» Рост может благодаря победе нашей армии, сломавшей хребет нацизму, а её Главковерхом, куда ни кинь, был Сталин.

«Ужас у нас один - большевизм и Сталин», - вопиет Рост. Ну а как же столь любимые им и его дружками Лиля Брик, Бухарин, Тухачевский, Литвинов? Майя Плисецкая и Сергей Параджанов выше любой богини ставят «кровавую лилечку» - гражданскую жену одного из главных чекистов СССР Агранова. Любимовский выкормыш актёр Смехов по всему миру возит хвалебную пьесу о жизни большевистских сестричек Лили и Эльзы (Триоле). А сколь почитаемы Ростом «комиссары в пыльных шлемах», одним из которых был папочка Окуджавы, чьи кровавые подвиги по сей день помнят в тех местах, где прошли его военные подразделения.

«Страна, ты одурела!» - крикнул в эфир Юрий Корякин, ужаснувшись выборными успехами ЛДПР. Теперь ясно, что это был глубокий диагноз», - рубит сплеча Рост. «Наш народ - сука», - выражение В.П. Астафьева - великого русского литератора и честного солдата.

С удовольствием цитирует либеральный журналист слова писателя-деревенщика. «Конь о четырёх ногах, да и тот спотыкается». Писатель и солдат из Овсянки не просто споткнулся, а сел в лужу, получив десятку тысяч зелёненьких из рук преступника Березовского и приняв в родном селе кровавого палача Ельцина, расстрелявшего сотни невинных людей среди бела дня у «Белого дома». Стал Астафьев на одну доску с кумиром «ростов» Булатиком, испытавшим каннибальскую радость при виде страшной октябрьской трагедии 1993 года. 42 таких же «булатика» послали тогда свердловскому большевику-убийце благодарственное письмо. Возглавил этих подписантов-каинов назначенный Горбачёвым на должность «совести нации» академик Лихачёв, быстренько сдавший своего благодетеля, перебежав в стан его врагов Ельцина и Собчака, как только они стали хозяйничать у кормушки.

Рост умудрился в своё время потихоньку общаться с Сахаровым и Боннэр - и одновременно пировать с Виташей Игнатенко, одним из яростных их гонителей. Вместе с Лихачёвым, Собчаком, Рыжовым и

другими регионалами, наврав с три короба, оклеветав русских солдат во главе с генералом Родионовым, заложил он в Грузии мощную мину, которая грозит нынче взорвать мир на Кавказе. Показало в своё время телевидение, как Рост обнимается в Тбилиси с предателем Шеварднадзе, прокладывавшим дорогу к трону американскому ставленнику Саакашвили. Дёргал он кукловодческие ниточки в 1996 году, помогая вконец спившемуся Ельцину остаться у власти. Сбежавшая в Англию прокремлёвская журналистка Трегубова в грязной своей книжонке описала квартиру Маши Слоним - своего рода подпольный штаб, где Рост играл одну из главных ролей в трагедии под названием «Голосуй, а то проиграешь».

Слетал недавно антисталинист Рост в Америку на юбилей «бабы-бубасты» Боннэр, которая делает за океаном пакостей для России не меньше, чем Бжезинский, Олбрайт и Кондолиза Райс, вместе взятые. В Москве «бабины» интересы представляют Рост и неистовая, словно торговка с одесского привоза, мадам Альбац. Послушайте их выступления на «Эхе Москвы»! Мало не покажется!

Игра «Имя России» продолжается. На первое место вышел священномученик император Российский Николай II. Видимо, следующий материал Роста будет озаглавлен «Солнечный удар». Вместе с нобелистом Гинзбургом, страстно ненавидящим православие, оплёвывающим нашего Бога и впадающим в ярость от того, что это слово пишут с большой буквы, прокричат они: «Распни Его!»

Изрыгающая злость и жёлчь «Новая газета», чтобы ещё раз, подобно телёнку, пободаться со сталинским дубом, в свойственной ей одесско-жванецкой манере публикует свой якобы юмористический рейтинг 500 великих «с учётом интереса населения к истории России, в который вошли знаменитые личности и персонажи, определившие смысл жизни в нашей (а не в «этой»? - С.Я.) стране». Вот некоторые из наиболее смачных плевков.

«Ярославна. Прообраз женщины. Своим нытьём на стене навсегда определила незавидную долю героинь русской литературы...

Соня Мармеладова. Индивидуалка. Только классика. Выезд. Преступление, наказание, тварь дрожащая - по договорённости. Недорого...

Владимир Дубровский. Трудный подросток. Внедрял в обиход россиян (хорошо, что не русских - С.Я.) новый сервис - обмен сообщениями через дупло. Занимался самозахватом. Объявлен в розыск...

Акакий Акакиевич. Aka (also known as) Башмачкин. Типичный представитель среднего класса России начала XXI века. Идеальный бренд-нейм для соляриев, фитнес-клубов и ресторанов быстрого питания...

Катерина. Луч света. Жила в тёмном царстве. Не вынесла грозы. Бросилась с обрыва. Не в свои не садись. На всякого мудреца довольно простоты...

Василий Тёркин. Фронтовой аниматор. Солдат без начала и конца, придуман для того, чтобы быть убитым в любой момент. Развлекал солдат народным рифмованным словом А. Твардовского. Родоначальник сит-даун комедии и окопной лирики...

Олег Кошевой. Неуловимый мститель. Убивал и вешал подозреваемых им в сотрудничестве с оккупантами. Задержан в группе подобных себе людей. Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза».

Это лишь небольшая часть глумления ростовской газетёнки над Пушкиным, Гоголем, Достоевским, Островским, Твардовским и теми, кто этих зубоскалов спас от того фашизма, страшнее которого, по их мнению, лишь «фашизм русский». Они ненавидят Сталина не за его ошибки, а за победный тост, произнесённый вождём «за Великий Русский народ». Им куда проще с нынешними гарантами конституции. Например, с Путиным, по словам автора «Новой газеты» - адвоката, специалиста в области СМИ, депутата Госдумы трёх созывов Юрия Иванова, «шакалившего на ранчо у Буша, евшего лобстеров и договаривавшегося о своём преемнике Медведеве или ликвидации какой-либо военной базы».

А может, многократный депутат Иванов рубит правду-матку в глаза гарантам? После того, как Путин, многие годы пользовавшийся услугами разрушителя основ отечественной культуры Швыдкого, утомлённый кипами писем от сотен лучших людей России или прислушавшись за чашкой чая к нашептываниям своего друга Никиты Михалкова (об этом писала «Новая газета»), со словами «чтобы духа не было», изгнал вертлявого эстрадного культурного революционера, его преемник Медведев пригрел под своим крылышком несчастного Мишу, придумав для него должность в МИДе, где он будет отвечать за нашу культуру перед остальным миром. Если бывший министр А.С. Соколов зависел от Швыдкого финансово, то г-н Авдеев и шагу не сможет сделать без идейного благословения «умного советника» при губернаторе. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

И уже провожают в последний путь автора назидательной книги «Как нам обустроить Россию» Александра Солженицына «птенцы гнезда Швыдкого». Он сам и Витюша Ерофеев, которых писатель и в упор не видел, трындят о борце с тоталитаризмом по радио. Кинорежиссёр, юбилей которого только что прошёл под лозунгом «Трудно быть Богом, даже Герману», льёт крокодиловы слезы по создателю «Архипелага ГУЛАГ», забыв, что его папа был ближайшим дружком руководителей ведомства, курировавшего систему тогдашних концлагерей. Среди остальных плакальщиков по Солженицыну выученики Егора Яковлева и лично Войнович. Первый, будучи редактором «Общей газеты» («общак»), в течение полугода из номера в номер печатал статьи, поливающие грязью убеждённого антисталиниста Солженицына за одно из наиболее мощных его произведений «Двести лет вместе». Серьёзность, деликатность и взвешенность научного труда о судьбе еврейского народа в России не помешали «демократам» вывести его автора в ранг главного антисемита. Тогда же Войнович - бездарный юморист, перевёртыш, славивший

некогда комсомольцев и космонавтов, выпустил книжонку-пасквиль о «предателе и шовинисте» Солженицыне.

Ненавидящие Россию и Солженицына Чубайс и Боннэр вместе с поливавшим его ещё недавно грязью растлителем человеческих душ клоуном Кедровым показно смахивают с ресниц искусственные слезы грусти и соболезнования.

Почему же именно единомышленники врагов умершего - все эти юриилюбимовы, зоибогуславские, ельцинско-собчаковские славильщики типа сокурова-полутарковского - продолжают мимикрировать на экранах телевизоров? Почему не говорят о Солженицыне отмеченные им премией Валентин Распутин, Леонид Бородин или Игорь Золотусский? Право же, они более востребованы русским народом, чем даже члены жюри «Солженицынской премии» Сараскина и Басинский - постоянные гости телепосиделок Ерофеева, Швыдкого и Архангельского. Говоря о подлинной демократии, Солженицын прежде всего подразумевал интересы народа и лучших его представителей.

P.S. Я писал эти заметки на своей любимой Псковщине, которую злодеяния рыночных реформаторов и культурных швыдких довели до состояния реанимационного. Только в прошлом году благодаря Холму Славы, возведённому на «Сшибке» в Изборске по инициативе Александра Проханова, начались первые, едва заметные, но всё же радующие движения по дороге возрождения былой славы древнего города. За два дня до отъезда начался геноцид осетинского народа, осуществляемый бесноватым Саакашвили и его кукловодами из бушевской администрации. Мы сидели вечером с генералом Юрием Соседовым, всю жизнь посвятившим псковским ВДВ, и молодым предпринимателем Алексеем Севастьяновым, начинающим строить храм в память святых Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Над нашими головами стоял шум от самолётов, уносящих псковских десантников в Цхинвал. «Только вчера вернулись ребята с боевых учений на Кавказе - и тут же пришлось им пересаживаться с военных железнодорожных платформ на воздушные борты», - с болью и тревогой произнёс генерал Соседов.

А на следующий день красавица псковитянка Вера Гаврюшкина, выросшая в одном подъезде с великим художником, архитектором, реставратором и кузнецом Всеволодом Смирновым, едва сдерживая слезы, прошептала: «Опять псковские мальчишки летят навстречу смерти. За что нам это?» Её сын работает всё лето в Пушкинских Горах на строительстве гостиницы. А из радиоприёмника слышались визгливые голоса венедиктовых, ростов, альбацих и ганопольских, проклинающих и этих псковских десантников, и руководство страны. Они призывают нас жить под кнутом своих заокеанских кумиров, разбомбивших Югославию, утопивших в крови Ирак, пытающихся поставить на колени Иран. Когда же, учитывая законы военного времени, привлекут их к уголовной ответственности за дезертирство, предательство и ненависть к русскому народу? Когда?

Министр культуры должен быть её хранителем

Моё становление как профессионала пришлось на «имперский» советский период, чаще величаемый эпохой тоталитаризма. Не стану лукавить, легко мне этот путь не давался: книгу могу написать о самых несуразных случаях из рабочей жизни, и все они носили безобразный антигосударственный оттенок. Но вот с министрами, если исключить «русского патриота» Ю.С. Мелентьева и его серую чиновничью рать, ненавидящую меня за уважение и глубокое знание мировой культуры, вашему покорному слуге повезло.

Навсегда запомнились мне нечастые, но очень важные моменты, когда вмешательство сначала Е.А. Фурцевой, а потом и П.Н. Демичева помогали делать важнейшие открытия в области реставрации, изучения и широкой популяризации многих сотен уникальных памятников русского изобразительного искусства и архитектуры. О Н.Н. Губенко и его деятельности на посту министра культуры могу говорить лишь в превосходной степени и сожалеть о кратковременности пребывания его в министерском кресле.

Перестройка болтливым языком Горбачёва и вседозволенностью пьяного Ельцина призвала на министерские должности сначала пустоцветов и волюнтаристов образца г-на Сидорова и г-жи Дементьевой, прилежно проводивших «демократический» курс березовских, гусинских, смоленских и лесиных. Людям моего круга, в который входили В. Распутин, В. Белов, В. Крупин, С. Панкратов, В. Курбатов и многие другие, было указано место «у параши» и приклеен ярлык красно-коричневых. Перекрасившиеся комсомольские и партийные начальники скучковались в неокоммунистические бригады. Только вот уже не Ленин был с ними впереди, а троцкистско-лубяночные вожди типа Тухачевского, Бухарина, Лили Брик и бесконечные когорты «комиссаров в пыльных шлемах». Министры ельцинской поры поддерживали и возводили в ранг «инженеров человеческих душ» псевдодиссидентов Войновича, Аксенова, Вик. Ерофеева; «швондер-режиссёрам» фокиным, серебрянниковым, лунгиным и прочим «джекам-потрошителям» позволяли издеваться над мировой, и прежде всего русской классикой Гоголя, Островского и Достоевского.

При лишённом каких-либо морально-нравственных устоев непрофессиональном телешоумене г-не Швыдком начатое разрушение русской культуры превратилось в стихийное бедствие, требующее вмешательства МЧС. «Музеи - кладбище культуры», «Пушкин устарел», «Возможен ли русский язык без мата», «Из всех искусств для нас важнейшим является недвижимость» - на всю Россию озвучил культурминистр лозунги, которых постеснялись бы даже самые отвязанные анархисты.

К тому же Швыдкой по-прежнему пытается выступать в роли кукловода. Ведь по-настоящему новый министр сможет управлять культурой, если рядом не будет ведомств, подобных «Роскультуре» и «Россвязькультуре». У семи нянек дитя всегда без глазу. А если няньки

при этом набраны на бирже, предлагающей товар, совсем непригодный к употреблению, то министру останется лишь наблюдать, как ведут они отечественную культуру в пропасть.

Вот почему будущего министра культуры я представляю себе человеком, который искоренит мрачное наследие швыдковщины, основные преступления которого были изложены мною в письме Президенту России В.В. Путину.

Каковы сами - таковы и сани

«Соловьёвские дуэли» смотреть становится скучно и даже вредно. Противники к барьеру вызываются, как правило, из людей мелковатых вроде мальчонки Починка. Да и остальные прямо на глазах до мышей вырождаются. Судьи, чьё мнение всегда идёт вразрез с предпочтениями десятков тысяч зрителей, вызывают презрение неприкрытым цинизмом лавочников, успевших урвать свой кусок от жирного рыночно-демократического пирога.

Ведущий разухабистого шоу, человек отнюдь не глупый, руководствуется лишь ему понятными принципами, приглашая на роль «третейских» всех этих пахнущих нафталином ельцинско-собчаковских времён барщевских, рубальских, дашковых и прочих «просветителей» вкупе с разного рода мелко-средними бизнесменами и, словно саранча, расплодившимися госчиновниками.

Утомлённый больничной скукой, глянул я намедни краешком глаза на петушиный бой артиста Ярмольника с редактором одной из жёлтых газетёнок. Похвально, что «рыцарь ленинского комсомола» вступился за только что ушедшего из жизни собрата по киношному цеху Александра Абдулова. Мужская солидарность - вещь благородная, во все века приветствовавшаяся и поощрявшаяся. Да только поздновато «бывший чайником» Ярмольник пытался закрыть грудью амбразуру пошлости, разнузданности и вседозволенности «демократических» СМИ. Тем более что у питательных истоков российской журналистики нового времени стояли любимцы «царя Бориса», среди которых особой активностью отличались Ярмольник и мощная армада мастеров шоу-бизнеса, рубившая бабло сначала на открытии ресторанов и прочих источников далеко не художественной прибыли, а потом эта же «свадьба пела и плясала» под лозунгом «Голосуй, а то проиграешь», возводя на президентское кресло разложившееся туловище своего гаранта.

Сколько пошлости, скабрёзности и непристойностей выплеснули они на березовско-гусинские телеэкраны. Не гнушаясь ничем, готовы были мелкими бесами плясать перед теми самыми папарацци, на которых сейчас смотрят презрительно и свысока. Одна соловьёвская «Асса», в которой засветились такие «гиганты мысли», как Говорухин и Гребенщиков, открыла огромные кингстоны для одурманивания молодого поколения, подсадив его на иглу самых низменных неизлечимых пороков. Теперь отцы-вдохновители осуждают подросших и превратившихся в подонков по их вине несостоявшихся учёных, строителей и защитников

Отечества.

Хочу задать г-ну Ярмольнику вопрос: «Почему так досаждающие вашему кругу бесцеремонные бумагомараки, фотографы, радио- и телекорреспонденты не позволяют себе вмешательства в личную жизнь артистов Юрия Назарова, Владимира Гостюхина, Владислава Заманского, Александра Михайлова, Василия Ливанова? А ведь каждый из них является национальным достоянием, каждый вписал прекрасные страницы в историю российского кинематографа. Не лезли и не лезут «щелкопёры проклятые» на жизненную территорию Леонида Филатова, Николая Губенко, Виталия Соломина, Олега Стриженова». И знаете, в чём причина «закрытости» названных мастеров театра и кино? В глубокой порядочности и профессиональной этике, запрещающих переходить грани приличия.

Посмотрите, г-н Ярмольник, страницы журнала «Караван историй» или полосы «Светской хроники» газеты «Коммерсантъ». И если у вас не встанут дыбом волосы от описаний постельных подвигов живых и мёртвых сотоварищей, если не ужаснётесь вы от грязной кистью написанных картин бесконечных вакханалий и раблезианских трапез, ежедневно и ежечасно проходящих при участии «российской элиты» во всех точках планеты - от Москвы до Куршавеля и Майами, - то не надо обижаться на авторов описания разгульной жизни родной тусовки.

Вспомните, как отмечал свой 50-летний юбилей ваш друг и кумир альтист Башмет. Возлежа на ложе, наслаждался он дождём из пармских фиалок, доставленных по этому случаю в Москву. Ублажали цветочным приношением маэстро гетеры, руководимые Ксюшей Собчак. Когда после этого видишь, как по случаю 55-летия сего «римского патриция» все телеканалы демонстрируют встречу с ним Президента России, понимаешь, какие герои нынче востребованы. Не удостоил В.В. Путин подобным знаком внимания Валентина Распутина и Василия Белова, недавно перешагнувших юбилейные рубежи. Вряд ли кто станет оспаривать, что вклад их в классику русской литературы весом и значителен, а подвиг во имя спасения Байкала и борьба против переброса северных рек заслуживают всенародного признания.

Прежде чем выходить к барьеру и бороться с газетчиками, вторгающимися в личную жизнь невероятно расплодившихся «звёзд» театра и кино, следовало бы г-ну Ярмольнику вспомнить о пошлейших телепосиделках «ТВ+Театр», где часами под руководством абсолютно несовместимых по профессиональным данным с экраном Швыдким и Уфимцевой обрушиваются на головы налогоплательщиков несмешные анекдоты, случаи из интимной жизни давно никому не интересных участников передачи. Или прокрутить в памяти юбилейные вечера «знаковых» коллег по творческому цеху.

Например, четырёхчасовую трансляцию на одном из главных каналов ТВ торжеств, посвящённых дню рождения хозяина МХТ по-свойски циничного Табакова. Всё эфирное время восседал «кот Матроскин» на прославленной сцене театра, пожирая жареного поросёнка, которого

запивал водкой из большого штофа, а сальными губами целовал в уста дары приносящих. А сколько поминок по коллегам Ярмольника неделями транслировалось по телевидению, обсуждалось на радио и в газетах. Это были люди ближнего либерального круга, а такие корифеи театра и кино, как подлинные народные кумиры Иван Лапиков, Иван Новиков, Георгий Юматов, Владимир Ивашов, уходили из жизни незаметно. Подчас даже приходилось скидываться друзьям покойных, чтобы купить похоронные принадлежности.

Чувство брезгливости вызывают регулярно телефильмы о последних днях и часах известных актёров. Словно в морг попадаешь, когда слушаешь красочные описания болезней и последних дыханий ни в чём не повинных «героев» подобных передач. Выступив в качестве свидетелей по делу о смерти бывших коллег с экрана, отправляются «сливки российской элиты», чтобы разгульно оттянуться на мистериозном празднике в честь 47-летия сценографа Бориса Краснова. Вот где любитель посмаковать чудовищные человеческие пороки Федерико Феллини смог бы снять ещё один фильм-обличение.

Самую яркую ненависть у Ярмольника, если он был искренен на соловьёвском ристалище, вероятно, вызвало бы непотребное шоу, показанное первым «эрнстовским» каналом по случаю 70-летия Владимира Высоцкого. Называлось самодеятельное представление «Наш Высоцкий». Присвоил себе народного любимца не кто иной, как «человек мира» (три паспорта - американский, израильский и российский) г-н Познер. За столами чинно были рассажены в большинстве своём «наши», то есть познеровские свояки. Смотреть это без возмущения было невозможно.

«Я не люблю, когда мне лезут в душу, тем более - когда в неё плюют», - так и хотелось крикнуть мелкому лавочнику, владельцу ресторанов Познеру, в советские годы служившему агитпроповцем и никак не могущим быть нашим для Высоцкого. После сомнительных воспоминаний о совместной работе над журнальчиком «Метрополь», изречённых писателем-пошляком Ерофеевым, вспомнилось: «Я не люблю... когда чужой мои читает письма, заглядывая мне через плечо», и «я ненавижу сплетни в виде версий». Но как умилённо внимала своему дружку поэтесса Ахмадулина, числящаяся ныне в стихотворчестве «нашим всем». Глядя на настоящего друга прославленного певца золотоискателя Вадима Туманова, на личном опыте столкнувшегося с благами горбачёвско-ельцинской демократии, выглядевшего абсолютно инородным телом на этом балу неудачи, я понял, что в 1969 ещё году пророчески пропел на всю страну Высоцкий: «Пусть впереди большие перемены - я это никогда не полюблю». Г-ну Ярмольнику чаще надо всматриваться в зеркало этих строк и не пенять на него.

Похмелье после «Афинской ночи»

Четыре года назад возвращались мы с Валентином Распутиным из райских кущ святой горы Афон. Поездку организовал крупный наш

дипломат в Греции. Первое, что он нам радостно поведал, встречая на пороге посольства, была весть о снятии Швыдкого с поста министра культуры РФ и назначении на его место А.С. Соколова. Нарушив строгий Великий пост, выпили мы славного греческого вина и впали в эйфорию в связи с грядущими светлыми днями.

Дочь Распутина была тогда доцентом Московской консерватории и с огромным пиететом относилась к её ректору Соколову. «Ну, Савва, - сказал Валентин, - наступает праздник и на нашей улице. Бог правду любит». С тем и отошли мы к безмятежному сну, который обратился кошмаром, как только развернул я первую из кипы газет, предложенных милой аэрофлотовской стюардессой, и прочитал президентский указ о создании Федерального агентства по культуре и кинематографии во главе с нетонущим Швыдким, получившим неограниченные права на расходование государственных средств для уничтожения родной нам культуры. «Вот тебе, Валя, и умный надсмотрщик за Соколовым. И поверь, он на нём оттопчется». Всё дальнейшее сосуществование министра и главы ФАККа было грязной подковёрной борьбой, в которой верх всегда одерживал циничный, нашпигованный народными деньгами, ненавидящий истинную культуру вертлявый телещелкунчик Швыдкой.

Вместо скамьи подсудимых - кабинет на Смоленской площади

Меня не интересует, как и по чьей подсказке презираемый россиянами чиновник получил очередной высокий пост. Да, его обожает выпускник Университета марксизма-ленинизма, напрямую решавший многие вопросы с такими партийными бонзами, как Суслов и Гришин, бывший идеолог театра «Современник» г-н Табаков. Ныне он - демократ-рыночник, «несравненный лицедей нашего Простоквашина» (А. Смелянский) и деньги из ведомства Швыдкого черпал немеряно. Свояк Швыдкому и Марк Захаров, которому, по словам подлинного демократа-патриота Владимира Максимова, сказанным в ответ на захаровское сравнение Ельцина с Толстым после прочтения мемуаров разрушителя России, «беспредельный цинизм позволяет не угрызаться никакой совестью - сегодня он перед телекамерой сжигает партбилет (интересно, зачем он его добивался) и требует вынести Ленина из Мавзолея, а завтра с тем же пафосом будет требовать возвращения себе первого и принародной гальванизации второго; стыд для нынешнего «интеллигента» не дым - глаза не ест». Список свояков пространен, но они не в состоянии защитить Швыдкого, если строгий и справедливый суд привлечёт его к ответственности за те преступления, в которых я его обвиняю.

1. Это благодаря «стараниям» Швыдкого на наших глазах практически разрушен Древний Псков. Новые его «хозяева» смогли сделать то, что не удалось нацистским полчищам во время Второй мировой.

2. Это Швыдкой вдохновлял федеральных, московских и

петербургских чиновников на срыв празднования 200-летнего юбилея Н.В. Гоголя. Они довели бы грязное дело до конца, если бы премьер В.В. Путин не обратил внимания на тревожные сигналы отдельных членов Оргкомитета, созданного по его указу.

3. Это Швыдкой назначил директором знаменитой аксаковско-мамонтовской усадьбы «Абрамцево» некоего г-на Пентковского, выученного в иезуитском колледже Ватикана. Заявив, что даже духа мракобеса Гоголя в Абрамцеве он не потерпит, за три года «засланный казачок» практически уничтожил одну из жемчужин русского культурного наследия.

4. Это Швыдкой поставил под угрозу исчезновение отечественной школы музейной реставрации, считающейся одной из лучших в мире, разогнав основной её орган - Комиссию по аттестации реставраторов, созданную более полувека назад.

5. Это Швыдкой тратит миллионы долларов на устройство московских художественных биеннале, пропагандирующих культ бесстыдства, уродства и оплёвывания духовных канонов классического искусства. Подлинное творчество заменено им на сосульки из мочи как артефакт; на кривляния человека-собаки Кулика или на рубку неким армянином старых икон в Манеже, тоже выдаваемую за артефакт. Швыдковские клевреты спровоцировали скандал с российской художественной выставкой в Париже, «начинив» её чудовищными полотнами.

6. Это Швыдкой, увенчанный всяческими премиями за создание канала «Культура» (хотя занимался этим проектом тогдашний председатель Комитета по телевидению и радиовещанию России В.В. Лазуткин), уже который год ведёт на нём провокационное шоу «Культурная революция», оскорбляющее нашу историю и культуру. С его же подачи учит телезрителя уму-разуму в другом шоу «Апокриф» писатель-циник Виктор Ерофеев, откровенно поносящий всех русских классиков - от Достоевского до Распутина. Сам же «творит» вот такое «криминальное чтиво»: «У евреек в отличие от русских женщин - говорящее влагалище. Оно может даже петь, конечно, что-нибудь несложное, какую-нибудь музыкальную фразу из «Подмосковных вечеров». Запомните это, миллионы россиян, плачущие при исполнении культовой песни.

И наконец, это при Швыдком состоялась оскорбляющая духовные чувства православных мерзкая выставка-провокация «Осторожно, религия!» в стенах Сахаровского музея!

Теперь Швыдкой будет присматривать за международной деятельностью министра культуры А.А. Авдеева - профессионального дипломата с многолетним стажем и опытом.

Оплакивая уход Швыдкого с поста руководителя ФАККа и одновременно устами своего сотрудника А. Минкина смешивая его с грязью, газета «Московский комсомолец» озаглавила полосу «Генеральный сапёр». Я же считаю Швыдкого «генеральным минёром»,

оставившим после себя разруху и «мерзость запустения» в отечественной культуре, и требую ответа за всё им содеянное!

Кто и зачем хочет разрушить музей-заповедник А.С. Пушкина в Михайловском

ИА Regnum: На днях группа деятелей русской культуры, и Вы, Савва Васильевич, в их числе, обратились к Президенту России Д.А. Медведеву с открытым письмом в связи с тревожащей вас ситуацией, сложившейся вокруг Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское». Чем была вызвана необходимость именно такого шага?

С.В. Ямщиков: Вызван наш шаг тем, что действия людей, вернее нелюдей, которые хотят разрушить Пушкиногорье, этот важнейший очаг нашей культуры, вступают в решающую стадию. Соответственно, решительно должны действовать и те, кто считает своим долгом сохранить его. Но давайте по порядку.

История бытования Георгия Николаевича Василевича на посту директора в последние восемь лет проходит на моих глазах. Псков - моя «вотчина», где я постоянно работаю. Сегодня это самое больное место в России с точки зрения сохранения памятников, в целом городской культурно-исторической среды: такой уничтоженности нет нигде. Особенно это заметно в сравнении с соседним Новгородом.

Так вот, после смерти выдающегося хранителя Пушкиногорья Семёна Степановича Гейченко - мы с ним долгие годы, как говорится, шли бок о бок – я, как ученик Льва Николаевича Гумилёва, подумал: наверное, без такого пассионария, как Гейченко, музей ждёт обвал, мы его потеряем. Тем более что это совпало с тяжёлым периодом начала 1990-х годов, когда всё уничтожалось. Но меня обнадёжил Валентин Яковлевич Курбатов - человек, которому я бесконечно доверяю.

«Василевич, - сказал он, - хотя и молодой, но рачительнейший хозяин, да ещё с экономическим образованием!». Когда я приехал в Михайловское в 2002 году, спустя три года после Пушкинского юбилея, я увидел другой музей-заповедник, чем при Семёне Степановиче. Гейченко был великий музейщик. Но он был творческий человек, мало задумывавшийся над материальной стороной жизни музея. Поэтому то, что сделал Георгий Николаевич, как он всё привёл в порядок, построил дома для сотрудников, произвело на меня впечатление. Позже мой старинный друг бывший посол ФРГ в России Андреас Майер-Ландрут, когда я его привёз в Михайловское после Пскова, сказал: «Вот ведь, можете же! Просто прекрасно здесь всё!»

Что ещё я для себя отметил: Василевич ведь тогда получил от государства большие деньги, но он их не только не растратил, но и не потратил впустую, сумел не попасть в руки тех, кто в те годы занимался «культурным» разбоем на Псковщине. Ему удалось всё до копейки вложить в заповедник.

Личные впечатления от нового директора меня тоже не разочаровали. Я ведь музейщик опытный, да и с великими мастерами этого дела довелось поработать. Он удивительно легко и в то же время твёрдо проводит грань между рабочими отношениями и отношениями личными, а последние не переводит в «бытовуху». Как директор он может быть и резким, но дисциплина в музее - главное.

И всё время, все эти восемь лет - попытки уничтожить плоды его труда! На моих глазах «мылилась» туда Н.Л. Дементьева, бывший министр, а потом - замминистра культуры, ставленница Собчака и Чубайса. Потом руководитель областного департамента культуры А.И. Голышев - он тоже туда очень хотел. А это человек, при котором от музея перья полетят.

В общем, типичная ситуация в постперестроечную эпоху, есть что-то хорошее - надо это сломать, уничтожить, прихапать. А там, вокруг музея-заповедника ещё и земельные интересы. Василевич ведь не дал ничего застроить, ни куска заповедной земли не продал. Только всё собирает в заповедник. В Пскове-то всё застроено! Просто какой-то «Нью-Стокгольм»! А если и даёт согласие, чтобы что-то было построено на подъезде к заповеднику, то настаивает, чтобы застройщики сделали что-то для музея. Так была восстановлена церковь в Тригорском на городище Воронин, где молились Осиповы и Александр Сергеевич. Трудами замечательного мастера Егора Сёмочкина с бригадой прекрасная церковь получилась! Да и весь ландшафт изменился.

Георгий Николаевич обожает музей. Помимо экскурсионных дел, сколько научной работы, сколько выставок, сколько изданий! И это в сегодняшних условиях, когда и самим музеям, и тем, кто в них служит, живётся у нас в стране ой как непросто! Когда настоящих меценатов в стране - раз, два и обчёлся, а у тех, кто готов жертвовать на русскую культуру, средств маловато: деньги-то в основном достались жулью! Кроме того, за спиной настоящего мецената всегда должен быть Бог! Такой меценат, человек с устойчивым отношением к отечеству, не купит для Эрмитажа «Чёрный квадрат» Малевича, а для страны - яйца Фаберже. Лучше даст несколько десятков миллионов на восстановление памятников во Пскове или Строгановского имения под Порховом с его знаменитым конезаводом.

Так что это просто счастье, что в этих условиях Василевич всё сохранил от Гейченко и сумел привнести в деятельность музея свою белорусскую - Василевич родом из Белоруссии - рачительность. А кроме этого - свою образованность, свой интеллект, свою любовь к Пушкину. Сколько сил потрачено на привлечение туристического потока, на воспитание граждан России на Пушкинском наследии и русской классической традиции, на поддержание связей с музеями и университетами соседних стран (надо же и нам чему-то поучиться!), с живущими за границей потомками русских дворянских родов, родов лицеистов, потомками самого Пушкина! Один проект летнего университета и международного студенческого центра в «Михайловском»

чего стоит!

И вот на этом фоне в последнее время против него разворачивается просто травля. Постоянные проверки, которые ничего их организаторам не дают. Ни одна из государственных комиссий никаких злоупотреблений не нашла. Тем не менее, опять и опять врываются, кричат «все на пол!», забирают документы и так далее... Я предупредил руководство и в Министерстве культуры, и в Думе: «Если что-то случится с Василевичем, от заповедника за месяц ничего не останется!».

Как под быстро идущий поезд буксу подставить - всё разлетится. Я и главу Псковского областного собрания депутатов Б.Г. Полозова ещё в декабре предупредил: надо разобраться, кто это делает. Сказал ему, что Георгий Николаевич - не просто директор музея, он член Президиума Совета по культуре при Президенте и скандал будет не только на всю Россию, но и на весь мир. Сказал, что нынешний год - год 210-летия со дня рождения Пушкина. Не подействовало.

Судя по информации из Пскова, заказ идёт от людей М.Е. Швыдкого. Думать так есть основания. Почему? Потому что в те годы, когда Швыдкой возглавлял Министерство культуры, а потом ФАКК, активно шло уничтожение Пскова. Это было не просто безразличие с его стороны. А история с лживой кражей в Эрмитаже, чтобы обелить М.Б. Пиотровского? А снятие Швыдким с руководства Большим театром Владимира Викторовича Васильева: он мешал «откатам»?

Кстати, когда разгорелась история с Эрмитажем, президенту Путину, а потом Медведеву была вброшена разрушительная идея «срочно проверить все музеи!». Да нет у нас повального хищения в России! Я в провинции много работаю. Если вдруг что-то произойдёт в Ярославле, Костроме или Вологде, это сразу станет достоянием всего города! Да, был случай в Астрахани. Но, в целом, в провинциальных музеях работают очень честные люди, подвижники. А Эрмитаж в 2000 году проверил Юрий Болдырев, тогда заместитель председателя Счетной палаты, и он выявил фантастические хищения. Но ему очень быстро закрыли дорогу к публичному слову. Обозвали это «политическими происками». Все бы у нас политические «происканты» были такие, как Болдырев! Параллельно предпринимались попытки исказить реальную ситуацию в регионах. Например, с подачи клевретки Швыдкого, госпожи Колупаевой, после проверки Псковского историко-художественного музея появилась цифра 120 тысяч пропавших экспонатов. А конкретных фактов - никаких. Да у нас по всем музеям в стране начиная с 1920-х годов столько не пропало! О чём, впрочем, позже и сказал Д.А. Медведев.

Я всё это говорю для того, чтобы было понятно, что это за «проверки» и кто эти «проверяльщики». Именно эти и подобные люди ненавидят Василевича. У него-то всё в порядке, и он ни на какие компромиссы не идёт. Не зря же в Администрации президента по предложению Юрия Константиновича Лаптева было принято решение ввести Георгия Николаевича в президиум Совета при Президенте по культуре и искусству! А псковские рядовые исполнители этих «проверок», а

фактически - силовых налётов, прямо говорят: «Мы понимаем, что здесь, в музее, всё в порядке, но нас заставляют». Так что новый губернатор Псковской области Андрей Анатольевич Турчак должен понимать: если он не хочет громкого, в том числе и международного, скандала, он должен волевым решением прекратить это давление на заповедник.

Свою позицию в поддержку Георгия Николаевича, уверен, займёт и министр культуры Александр Алексеевич Авдеев. Но сделать это ему будет непросто. У него в заместителях остаётся ставленник Швыдкого - Павел Хорошилов. О его делах я подробно написал в книге «Возврату не подлежит!», посвящённой проблеме трофеев Второй мировой войны.

Эти же люди - Швыдкой, Колупаева - уже помогли уничтожить другой уникальный заповедник - «Абрамцево», связанный с именами Н.В. Гоголя, Аксаковых, других известных деятелей русской культуры. Уничтожить под корень! Уничтожить, несмотря на протесты, на усилия общественной организации «Наш дом - Абрамцево», на внимание СМИ.

ИА Regnum: Так что же получается: в случае с такими музеями-заповедниками, как «Михайловское», «Абрамцево», их противники преследуют цель не только финансовой добычи или завладения собственностью, но и разрушения русской культуры? Это что - очередной фронт «войны смыслов»?

С.В. Ямщиков: А как вы хотите, если непосредственный исполнитель замысла Швыдкого по разрушению «Абрамцева» А.М. Пентковский учился в иезуитском колледже в Ватикане? Его подготовили чётко: ведь Абрамцево - это самое мощное славянофильское гнездо! Эти люди ненавидят всё, что связано с русской культурой, и всех, кто может для неё что-то сделать. Сегодня они хотят, чтобы трагическая судьба «Абрамцева» постигла «Михайловское».

ИА Regnum: Савва Васильевич, Александр Сергеевич Пушкин - «наше всё». Соответственно воспринимается в России и то место, где он сформировался не только как великий поэт, но и как великий гражданин России. Но для каждого Михайловское, Тригорское, Савкина Горка - это и что-то своё. Можете поделиться этим личным восприятием Пушкиногорья?

С.В. Ямщиков: Что для меня Пушкиногорье? Это, прежде всего, осуществление особого замысла Бога-Творца. При всей красоте псковских земель, подъезжая к Михайловскому, ты чувствуешь, что вокруг всё сделано так, чтобы там был великий поэт. Это место гения, причём гения общемирового уровня! Нас в годы Великой Отечественной войны ранили в тело, а в душу не ранили. Поэтому мы и смогли выкарабкаться. И в эти трудные послевоенные годы Пушкиногорье было центром жизни государственной. Там на праздники собирались десятки тысяч народу. Это было паломничество. Как паломничество в Иерусалим, на Афон, в Мекку. И то, что туда в те годы попал удивительный человек, «человек-музей» Семён Степанович Гейченко - это тоже Промысел.

А то, что рядом Псков, Изборск! Всё-таки оттуда «есть-пошла» Земля

Русская. И для Пушкина Псковская земля - это не только Михайловское. Там рядом - Горчаков, Фонвизины, Назимовы, Кутузовы. Это совершенно удивительное место. И, конечно, у всех чешутся руки. В духе ельцинского раздолбайства. Что Вы хотите, если предыдущий глава Пушкиногорской администрации на Праздник поэзии в прошлом году с помощью милиции не пускал паломников. Только чтобы нагадить Василевичу! Да там, если всё сделанное сохранить по-умному и ещё развить...

ИА Regnum: Да и тенденция, насколько нам известно, хорошая: число россиян, принимающих участие в Празднике поэзии и, в целом, посещающих пушкинские места на Псковщине, растёт. От 30 тыс. человек в год в середине 1990-х годов до более 270 тыс. в 2008 году.

С.В. Ямщиков: И ещё больше будет в связи с кризисом! Люди потянутся туда, придут искать защиты у Пушкина. Когда появилось много денег, все стали искать защиты на Рублёвке. А на Рублёвке защиты не найдёшь. Только потеряешь. Потому что там нет Духа.

А Пушкин - это исконно русский человек, что бы ни говорили его хулители. Мол, Пушкин лучше писал по-французски, а по-русски - с ошибками. Так в этом-то его величие! Он, как Тютчев, как все славянофилы, образованнейший человек России. Можно большую часть жизни прожить за границей, в окружении нерусских людей, как Тютчев, и быть выдающимся русским поэтом, русским философом. А Пушкин родился и вырос на Елоховке, у церкви. Потом лицей, пронизанный русским духом. Потом бабка Арина Родионовна. Императору за то, что он выслал Александра Сергеевича в Михайловское, надо два памятника поставить! Может быть, не попади он туда, остался бы вертопрахом. И не было бы у нас «Бориса Годунова«, которого мог написать только истинно русский человек, окунувшийся в народную жизнь, припавший к «отеческим гробам».

Он же обожал это всё, - природу, людей, русских баб... А Наталия Николаевна, чистейше русская женщина со всеми её проблемами! Во всём Божий промысел. А то, что Пушкин говорил про Запад, про «клеветников России», нам всегда надо помнить, хотя многие у нас этого и не любят вспоминать.

Одним словом, я пятьдесят лет занимаюсь памятниками. Моя специальность - иконы. Но если я именно там, в Михайловском, не побуду раз в полгода, а лучше раз в три месяца, я сам не свой. Это как без свежего воздуха. Потому что я подпитываюсь там - от этой природы, от людей, от той же «команды Василевича».

Это место, а также его хранителя - Георгия Николаевича Василевича мы все вместе просто обязаны сохранить! Без таких, как Василевич, профессионалов, которые идут работать в музеи, другие учреждения культуры во имя содержания и смысла этой работы, а не ради того, чтобы украсть там деньги, государство окажется на песке и провалится. Как и без профессионалов и подвижников в других областях. Власть должна искать к ним дорогу, поддерживать их инициативы и их душевные

порывы, демонстрировать признание их заслуг. На этом всё держалось и держится.

Чума во время пира

Никакое богатство не сможет перекупить влияние обнародованной мысли. Александр Пушкин

Июнь - месяц пушкинский. Господь всё предусмотрел, одаривая человечество таким божественным творением рук своих, каким, безусловно, является «умнейший человек России». Гений появился на свет, когда природа ласкает нас щедрым солнцем, упоительными запахами разнотравья, свежей искрящейся зеленью, звонкоголосым пением птиц. Ушло же из жизни «наше всё», когда над бесконечными русскими просторами завывали снежные метели, а роковой выстрел прозвучал на Чёрной речке коротким зимним днём, рано уступающим место вечерним сумеркам.

Болезнь нынче не пустила меня в Михайловское, где директор здешнего заповедника Георгий Василевич и советник по культуре псковского губернатора Игорь Гаврюшкин, несмотря на жесточайшее сопротивление ненавидящих Пушкина и Россию либерастских хозяйчиков и их покорных слуг, жаждущих превратить «приют, сияньем муз одетый», в биржу по продаже дорогой земли, вернули к жизни традиции общероссийского поэтического праздника, которым так славился он при великом «домовом» Семёне Гейченко. Восторженные телефонные звонки с праздничной Псковщины помогли мне на время забыть о больничных проблемах. Стоящий в палате телевизор пестрил физиономиями галкиных, жванецких, пугачёвых, познеров и им подобных представителей эрзацкультуры, заменивших собою Гоголя, Толстого, Рахманинова, Тютчева, Глинку и всех, кто оставил нам в наследство величайшую культуру России. Да и о пушкинском 210-летии в Михайловском рассказал лишь телеканал «Россия». Впрочем, таким же безобразным отношением СМИ к памяти великого Гоголя отмечено было 1 апреля нынешнего года, когда праздновалось 200-летие классика. Если Бог хочет наказать человека, он лишает его памяти. Да вот только не чувствуют себя наказанными нынешние околокультурные образованцы, судорожно хапая куски свалившейся на них временной удачи, когда некогда подумать ни о прошлом, ни о будущем.

В день рождения Пушкина «козырные титаны» светской жизни предпочли экономическому форуму в Санкт-Петербурге венецианскую выставку «достижений концептуального хозяйства» (так некая Божена Рынская (наст. фамилия - Курицына) называет в «Известиях» Венецианский биеннале современного искусства. - С.Я.). Венеция, наряду с Куршевелем и матчами «Челси», стала официальным тусовочным местом номер один. За ланчем готовность к биеннале оценивали финансисты Марк Гарбер и олигарх Шалва Бреус. Игорь Кесаев показывал экспозицию министру культуры А. Авдееву. Поодаль прогуливались поэт Бунимович и скульптор Церетели, потом появился культуртрегер (знай наших! - С.Я.)

Александр Мамут... С утра к разумному, доброму и вечному продолжили приобщать А. Авдеева. Культура инсталляций ринулась навстречу министру в виде детского гробика, набитого какой-то требухой. Взрослый гробина был наполнен более глубоким содержанием - из него восстала девушка, встала ступнями в тарелки и принялась елозить их по полу. Уверен, что, наглядевшись подобного, министр сделает человеческие выводы из «венецианских вытребенек», на которых пели и плясали Абрамович, Кабаков, Салахова, Свиблова, Фридлянд, гуггенхаймовский торговец Ник Ильин и прочие «тонкие» ценители толстого и грязного постмудерна. И помочь ему в этом должен Пушкин, а особенно любимая поэтом молитва Ефрема Сирина, способная защитить от всяких бесов.

Другая часть самопровозглашённой либерастской элиты предпочла пушкинскому юбилею безобразный шабаш в отеле «Мардан» у берегов Антальи. Полтора миллиарда евро вбухал в уродливый образчик безвкусицы сын горского еврея Мардана Тельман Измайлов - всемогущий хозяин московского Черкизовского рынка. Оставив подельникам антисанитарную торговую помойку с товаром, большей частью вредным для покупателя и оценённым в два миллиарда долларов, поехал Тельман Марданович тратить украденные у народа денежки в благословенную Анталью, где и напросился в турецкие подданные. За немалые миллионы собрал он на свой разгуляй известных миру людей. Стыдно было за Ричарда Гира, Монику Белуччи, Шарон Стоун, покорно отрабатывавших баснословные гонорары пением осанны нечистоплотному торговцу. Ну, да они ребята голливудские. У них своя мораль.

А наши-то каковы! Целая делегация во главе с мэром Лужковым высадилась в Анталье. Тут и «не расстающийся с комсомолом» Кобзон, и доморощенная примадонна с двумя валетами - Филей и Галкой, и «пустоговорящий» Малахов. А уставший от дешёвой славы Марк Захаров (Ширинкин) наговорил больше, чем требовал гонорар. Для него «Эрнст Тельман Марданович» - высочайший образец человечности и финансовой мощи, перед которым режиссёр снимает шляпу, как это он ранее сделал, сравнив Ельцина, автора туповатых и лживых мемуаров, с самими Львом Толстым. Господа, сколько можно опускаться и опускать окружающих до зловонного дна преисподней? Вспомните хотя бы раз о Пушкине. В юбилейные дни обратился к вам и вашим гарантам известный писатель и критик Валентин Непомнящий с криком отчаяния от растлевающей духовной агрессии либерастских вдохновителей. Прислушайтесь к нему, иначе будет поздно, а защищать вас никто не станет, ибо устали все от эпатажных и никчёмных воплей на голубых экранах и печатных полосах, некоторые из которых позволю озвучить на страницах нашей газеты.

«Русских надо бить палкой. Русских надо расстреливать. Русских надо размазывать по стене. Иначе они перестанут быть русскими. Русских надо пороть. Русские ничего не умеют и ничего не имеют. Русские настоящие паразиты» (Вик. Ерофеев «Энциклопедия русской души»). Г-н Швыдкой, так какой же фашизм страшнее - немецкий, русский или вот этот писателя-ублюдка, который вместе с вами засоряет экран «апокрифами» и «культурными революциями»?

«Десять лет мой Пётр стоит, а всё никак не угомонятся. С первого дня под него копали. Даже Ельцина хотели втянуть в историю, подготовили указ о сносе памятника. Когда ему нашептали, что надо Петра убирать, он сел в машину и решил своими глазами посмотреть. Долго стоял, минут двадцать. Потом отправился в Кремль, взял указ и порвал его. Вот так - раз, два, три, на мелкие кусочки... Нас не будет, а памятник останется. Я ещё больше скажу. У меня идея ещё одного Петра в Москве поставить» (З. Церетели. Интервью журналу «Итоги»). Г-н Церетели, а может, хватить Москву своими чучелами обезображивать? Даже Академию художеств России умудрились превратить в шашлычную и музей бронзовых изваяний своих дружков. Опомнитесь!

«Двухсотлетний юбилей Гоголя, как и сам писатель, в первую очередь (sic!) дал миру немало возвышенного, полезного и трогательного. От первоклассной телевизионной публицистики Л. Парфёнова и дидактических штудий И. Золотусского. В Москве в доме графа А. Толстого (на самом деле это усадьба Талызиных. - С.Я.) открыт музей, где редкие подлинные детали духовной и обыденной жизни гения вызывают возвышенное умиление и восторг... Русь, о которой писал Гоголь, разлетелась вдребезги, и сколь великой она ни была, не может выдавать себя за исчезнувшее целое... Прошлое, сколь великим оно ни казалось, не должно стать пудовыми гирями, делающими невозможным любое движение вперёд... Бедный Гоголь. Ему, как всегда, придётся за всё отвечать» (М. Швыдкой. «Российская газета»).

Г-н Швыдкой, не знаю, как Гоголю, а вам точно придётся отвечать вместе с директором Пентковским за уничтоженную к юбилею классика усадьбу Абрамцево. «Духа мракобеса Гоголя здесь не будет», - возопил ваш ставленник и добился своего. Придётся отвечать и за телячьи восторги и умиление перед пошлейшей экспозицией в усадьбе Талызиных, где нет ни одной детали жизни Гоголя, ибо они временно хранятся в фондах Музея А.С. Пушкина на Пречистенке. Правда, что с вас спросить, ведь вам вместе с телевизионным попрыгунчиком Парфёновым славное прошлое России, которым Пушкин призывал гордиться, словно кость в горле.

«Гоголь вообще не юбилейный человек! Юбилеи на некоторых действуют, как весна на котов... Ощущение, будто они ежевечерне созваниваются с Николаем Васильевичем, и тут же начинают знать, что хорошо для Гоголя, а что недопустимо. Например, реставратор Савва Ямщиков и литературный критик Игорь Золотусский распустили слух, кочующий из одного издания в другое. Будто бы в моём «Ревизоре», который идёт на сцене Александрийского театра уже семь лет, Хлестаков насилует городничиху и дочку. Откуда? Ничего подобного нет! Они не поняли, что театр не передатчик текста. У нас одной зрительнице на «Ревизоре» стало плохо. Вынесли на диван, стали капать валокордин, а она, вся в слезах, говорит: «Я не могу это видеть... Ведь Хлестаков у Гоголя такой милый. Взяточник, щелкопёр, но ми-и-илый». А недавно зритель подал в суд на Александрийский театр. Он купил билет и не увидел того спектакля, который хотел. Судья вынесла вердикт: если

хотите ПОЛУЧИТЬ чистого Гоголя, сидите дома и читайте книгу. Это чисто гоголевская фантасмогория». (В. Фокин. Интервью «Новой газете»).

Нет, г-н Фокин, не гоголевская это фантасмагория, а ваша! Это вы поганите русскую классику с упорством серенького начальника ЖЭКа! Хлестаков у вас плюётся в зал и совершает непотребства с дамами! А женщина, которой стало плохо на «Ревизоре», в отличие от вас, внимательно читала блистательную книгу И. Золотусского «Гоголь», в которой он убедительно рассказывает о любви автора к Хлестакову. В одном вы правы: лучше читать дома гоголевские книги, чем смотреть псевдомейерхольдовские вампуки, в огромных количествах сервируемые нынче никчёмными режиссёрами-постмудернистами.

Что же касается наших ежевечерних звонков Гоголю, то так ценимые вами питерские культурные начальники на одном из юбилейных оргкомитетов попрекнули В. Распутина, И. Золотусского, В. Ливанова и меня в желании выдать себя за родственников гения. На что Василий Ливанов со свойственным ему фамильным чувством юмора заметил: «Мы не родственники Гоголя. Мы просто очень любим его, а вот вы - живые персонажи великого писателя». Впрочем, в своём более чем презрительном отношении к нашей четырёхлетней борьбе за создание единственного в России музея Гоголя, за возвращение его могиле на Новодевичьем кладбище православного облика, за издание полного собрания сочинений, воспоминаний современников и литературно-биографической летописи вкупе с гоголевскими стипендиями, не один вы трубите. Например, любимый либерастами Швыдкой обвинил нас в материальной корысти, а только что на римской вилле Медичи фонд Ельцина (стыдоба-то какая!) вручил самопальные премии гоголеведам «ближнего круга», среди которых засветился и обозвавший нас с Золотусским сталинистами г-н Манн. Вот как приветствует лауреата уставший классик А. Битов: «Премия присуждена литературоведу, профессору Ю.В. Манну. Это известие меня очень обрадовало. Юрий Владимирович - член нашего российского пен-клуба, мы этим гордимся (каковы сами, таковы и сани). Юбилей Гоголя уже прошёл, и кроме этой церемонии, мы всё сделали, чтобы утомить его».

Ничего вы, г-н Битов, не сделали для празднования юбилея, кроме халявной поездки на ельцинские посиделки. Равно как и опубликовавшая отчёт о них и ваш панегирик Манну «Литературная газета», ни словом не обмолвившаяся о заседаниях гоголевского оргкомитета и восторженно принятое участниками юбилейного торжества в Малом театре вдохновенное слово И. Золотусского нашему любимому писателю. Иначе и быть не может. Сравните проникновенные по содержанию и более чем мастеровитые труды Золотусского с ученическими потугами Манна соответствовать образу классика и получите тот же результат, что мы получаем от сопоставления ваших опусов с подлинной литературой.

«Вокругсмеховскими» памятничками зайцу, чижику-пыжику и носу должное Пушкину и Гоголю не воздаётся. Но к этому ваше псевдодемократическое окружение и не стремится. Прислушайтесь к

крику души одного из ваших - удобообтекаемого К. Кедрова. «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Нет, Пушкин такого бы вовек не сказал». Вся высочайшей пробы гражданственность поэта превращена сим болтуном в вышелушенную кедровую шишку. «Наше всё» у каждого своё» - озаглавил юбилейный спич в «Известиях» г-н Кедров. Гражданской составляющей он, словно пристав, творчество Пушкина лишает. «Зато сегодня под пером А. Битова вдруг объявился Пушкин-постмодернист. Слова этого Битов не произносит. Но его играющий весёлый Пушкин, скачущий за зайцем, перебежавшим дорогу - типичный постмодернист. Началось с ночной дуэли в «Пушкинском доме», а завершается проектом памятника зайцу, спасшему Пушкина. Ибо, по версии самого Пушкина, он не успел к моменту трагедии на Сенатской площади именно из-за зайца».

Г-н Кедров, как и всякий «постмудернист», с Пушкиным на дружеской ноге. Только зачем же его дураком представлять. Сказать так равносильно обвинению князя Трубецкого, не пришедшего 14-го декабря к месту восстания, в трусости. Герой войны 1812 года изначально смел и самоотвержен, равно как и Пушкин. Просто в отличие от вас, «постмудернистов», они были высшей пробы державниками и заботились прежде всего о судьбе Отечества. И в вашей заметке, лишающей Пушкина права «милость к падшим призывать», есть лишь одно справедливое высказывание: «Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет». Сказавший так Фёдор Тютчев был великим патриотом, славянофилом с большой буквы и настоящим мужчиной. Если бы сегодня тон задавали подобные ему граждане, не писали бы вот такие письма в «Известия» возмущённые либерастскими выкрутасами читатели.

«Россия - это... кто?»

На канале «Россия» транслировали юбилейный вечер Михаила Жванецкого, которому исполнилось 75 лет. Торжества, на которые собрался весь столичный бомонд, проходили под громогласным лозунгом «Жванецкий - Россия!». Один из друзей юбиляра (не помню, кто именно) в своём выступлении даже сравнил его с Гоголем, добавив при этом, что Гоголь был «выдающимся» писателем. Вообще-то каждый, кто учился в школе, знает, что Н.В. Гоголь - великий русский писатель. Но не мог же истинный друг приравнять к нему кого-то ещё, рангом пониже Гоголя.

Совсем недавно на этом же канале прошла акция «Имя России», и естественным образом получилось, что «имя» - если уж мы играем в эту игру - Пушкин. А тут выходит, что в «российском коктейле» три имени: Пушкин, Гоголь и Жванецкий. При всём уважении к сатирику, может, «тщательнее» надо? Поаккуратнее с раздачей эпитетов. Таланта у сатирика от этого не убудет, и те, кто им восхищается, будут по-прежнему восхищаться, но не будет ощущения, что все мы участвуем в какой-то игре, где очень много перехлестов и фальши.

Через несколько дней после этого вечера Николаю Васильевичу нашему Гоголю исполнилось 200 лет со дня рождения. Раньше это

событие обязательно сопровождалось бы торжественным собранием в Большом театре или Кремлёвском дворце съездов и, естественно, трансляцией по телевидению, что правильно! Увы! В наши дни подобные даты уже не считаются такими значительными, чтобы им уделяло внимание телевидение. Юбилей Гоголя 1 апреля на главных телеканалах не был упомянут ни единым словом, даже в сводке новостей. Зато более 10 минут в этот день в программе «Время» было уделено юбилею Познера. Конечно, до Жванецкого он не дотянул. Так же, как до юбилеев других наших юмористов - Хазанова, Арканова, Винокура, Петросяна и других.

Наметилась странная тенденция. В своё время на нынешнем телевидении не нашлось места и для 100-летия со дня рождения Михаила Шолохова. Возьмём пример из другой области. Более 30 лет назад была создана великая песня «День Победы». С тех пор, пожалуй, каждый год накануне 9 мая по телевидению показывают встречу с одним из её создателей, композитором Давидом Тухмановым, но я не припомню, чтобы хоть один раз прозвучал на ТВ рассказ об авторе слов этой песни поэте В. Харитонове.

Думаю, в нашей стране нет человека, который не знал бы слов «Этот день Победы порохом пропах. Это праздник со слезами на глазах...». И с такой же уверенностью можно сказать, что практически никто (кроме лично знавших его) не знает этого поэта в лицо.

А нас, куда ни кинь взор, окружают одни «звёзды».

Ю.А. Наумов, г. Щёлково.

Антикультурная революция Швыдкого

Беседа на радиостанции «Радонеж»

- Савва Васильевич, последнее время наши встречи традиционно начинаются с поздравлений - такая у Вас в жизни пошла замечательная полоса. Недавно мы Вас поздравляли с вручением премии «Хранители наследия», а теперь вот - первый в России общественный орден для музейных работников «Василий Пушкарёв». Имя легендарное просто, а теперь, слава богу, оно увековечено в названии награды. Вы ведь были с этим человеком знакомы лично?

- Для меня эта награда вдвойне дорога. Восемь лет понадобилось для того, чтобы доказать нынешним «хозяевам жизни», всем этим директорам музеев - гусевым, пиотровским, что память о великих людях - это основа бытия и продолжение развития музейного дела. Сколько мы бились! Ведущие деятели культуры написали письмо, министр Соколов послал письмо Матвиенко, что надо мемориальные доски повесить. Элементарные доски - на доме, где жил Василий Алексеевич, и в музее. Это смольненское упорство - нет, тридцать лет надо ждать!.. Но слава богу - представители «Золотой книги Санкт-Петербурга», в которой возрождена традиция Константина Константиновича Романова, увидели наш фильм «Тихая война Василия Пушкарёва» на Российском телевидении

и внесли его имя в эту книгу в один день со святым Иоанном Кронштадтским и Константином Николаевичем Романовым, отцом Константина Константиновича.

Я очень счастлив, что был среди пяти награждённых орденом Василия Пушкарёва, ибо они профессионалы суперзнаковые. Это Ирина Александровна Антонова, один из выдающихся музейных директоров мира. Вадим Валентинович Знаменов из руин возродил Петергоф. Георгий Николаевич Василевич, который за пятнадцать лет превратил Пушкинский заповедник в райский уголок, сохранив традиции Семёна Степановича Гейченко. И это Виктор Евгеньевич Кулаков, который в своё время, будучи учеником Петра Дмитриевича Барановского, восстановил Грибоедовскую усадьбу «Хмелита» под Вязьмой, куда всегда хочется приезжать; открыл музей Нахимова, который из этих мест; открыл музей Хомякова. Этим летом он заканчивает великое дело своей жизни - открывает монумент на Богородицком поле, где в 1941 году погибло больше миллиона наших солдат... Так что это награждение дорогого стоит.

- Слава богу, что у нас стали звучать имена таких людей, что мы нашу историческую память начинаем потихонечку возвращать. Действительно, вот таких замечательных людей, деятелей у нас очень много. Мало кто о них знает, к сожалению. А есть такие «деятели», которые столько натворили, что не разгрести никакой лопатой... Я думаю, что мы сегодня об одном из них поговорим. И, хоть я застала Вас в больничной палате, рада, что Вы не потеряли своего бойцовского задора.

- Проходя курс лечения, я получил возможность немножко передохнуть, подумать, как говорится, оглянуться. И сформулировал для себя, почему мы в таком состоянии находимся. И как образец, я бы сказал, «феномен» в плохом смысле слова, тут фигура господина Швыдкого. Честно говоря, касаться такой ничтожной личности, как Швыдкой, много чести. Но мы о нём поговорим, потому что это собирательный образ либерастов, о которых рассказал господин Лошак, редактор «Огонька». В ответ на наше письмо (подписалось пятнадцать человек - Распутин, Золотусский, Белов) относительно того, что средства массовой информации должны принадлежать не только им, но и людям других убеждений - он сказал совершенно чётко: «Ваше время прошло, господа, место у кормушки занято». Вот этот феномен занявшего место у «кормушки» Швыдкого и иже с ним лошаков и прочих «деятелей» я и постараюсь вам обрисовать. Что же это такое?

Несмотря на то, что мой выставочный зал неподалёку от Белого дома, я не пошёл к нему в 1991 году. Вернувшись срочно из Италии, когда начались все эти события, я не пошёл туда. У меня были великолепные учителя дореволюционной школы, мой род крестьянский, по маме старообрядческий - они корневики, они построили мельницу, мои деды... Что делали с теми, кто мельницы строил, написано в «Канунах» Белова. И когда мне сказали, что там «за свободу» идёт борьба, я засмеялся: «Какая свобода? Там водку выдают бесплатно!» Разве выдают водку те, кто

борется за свободу?

Мне жутко понравилось последнее интервью генерала Варенникова. Когда сказали «путч», он спросил: «Какой путч? Мы пытались спасти страну от Горбачёва, ведущего сознательный курс на её уничтожение». И то, что генерал Варенников отказался от их амнистии и выиграл суд - это ещё одно доказательство того, что я был прав, когда не пошёл к Белому дому.

Я же видел, кто пошёл! Артисты театра «Современник» - господин Кваша и прочие. Какая свобода? Вы что, думаете, они хотели восстановить мельницу моих дедов или наши поруганные святыни? Нет! Все эти театры - «Современник», «Таганка» любимовская, хотя там прекрасные актёры играли - на чём вылезали? Что такое театр «Современник»? Это трилогия Шатрова о большевиках. Они же захлёбывались от восторга, играя Свердлова, Ленина, а Сталин для них был плохим. Я, в отличие от некоторых моих хороших знакомых, отнюдь не хочу идеализировать Сталина, но им не нравилось, что он в жёстких условиях войны обратился к корневым основам русского народа. Была восстановлена офицерская форма, использовались старые методы военной борьбы; он поднял тост за русский народ, за что его больше всего хаяли. Но Россию ведь начали уничтожать Ленин с Троцким, а их воспевали! Какая у Ленина и Троцкого правда может быть? Они всегда лживы! «Ленин - наше всё!» И это воспевалось! Пошли искать «свободу» с криками: «Большевики - негодяи!» И за это их допустили до кормушки.

Благодаря дружбе с Ельциным, процветает Волчек; Любимов вернулся «на коне». Ну какой борец из Любимова? В дни юбилея писали, что он до конца прошёл «советскую Голгофу». Какую Голгофу? Ему единственному Гришин театр тогда построил. Он сам пишет, что его Андропов расцеловал за «Десять дней, которые потрясли мир». Актёры в театре были замечательные. Володя Высоцкий, Коля Губенко, Лёня Филатов. Но ведь и Губенко, и Филатов порвали с Любимовым! Я уверен, что Высоцкий не был бы на стороне его «экивоков» «голого короля» в девяностолетнем возрасте... Вон сейчас восседает в Комитете оборонной стратегии некий господин Караганов - учит нас, как любить Америку, на что ориентироваться. Весь в золотых запонках, в «бабочке», в красивых галстуках, довольный, что сидит рядом с президентом. Но наши страдания, беды нашего государства таких не волнуют! Он прекрасно знает, во что превратилась страна благодаря политике Ельцина и Горбачёва, потому что специалисты об этом написали. Выдающийся советский резидент, генерал-майор Юрий Иванович Дроздов, которому немало лет, возглавляет исследовательский геополитический центр, издавший книгу о трагедии, произошедшей со страной, которая гораздо страшнее, чем трагедия Великой Отечественной.

У меня на глазах стали появляться во власти такие люди, как министр культуры Сидоров, который написал аж четыре книжки о Евтушенко - человек из разряда «и нашим, и вашим за двугривенный попляшем». Конечно же, он стал двигать своих. При нём и «всплыл» Швыдкой. Кем

был Швыдкой ранее? Средним критиком в журнале «Театр». Разве это что-нибудь подобное Игорю Золотусскому или Валентину Непомнящему? Он был чиновником и человеком - лживым, изворотливым. На заре «перестройки» быстро организовал своё дельце - редакционно-издательский комплекс «Культура». Изданный им огромный фолиант почеркушек Вознесенского может являться разве что пособием для психиатрических больниц.

Со Швыдким я столкнулся, когда начал заниматься трофеями. Он как-то «прилип» ко мне с тем, чтобы издать фолиант о «Бременской коллекции», выставку которой мы готовили. Снимал у меня в выставочном зале Института реставрации фильм о бременских листах с Игорем Костолевским в роли ведущего. Швыдкой вроде бы разделял мою позицию: не отдавать немцам безвозмездно ни одного предмета. В том, что он человек ничтожный, я убедился, когда в ответ на мою просьбу дать один экземпляр Бременского альбома, ответил: «Книга дорогая, надо купить».

Карьера Швыдкого поднималась, как опара на дрожжах: замминистра культуры, председатель ВГТРК, министр культуры! Человек, неспособный делать что-либо основательное, полезное для государства, занял огромную нишу у кормушки. И отношение своё к трофеям изменил мгновенно, когда дельцы «оттуда» поманили его выгодами. Я этих дельцов хорошо знаю: представителей Гугенхаймовского центра Ника Ильина и Томаса Кренца. Они ведь сначала подкатывали под меня, не понимая, что я, вольно или невольно, практически несу ответственность за наше культурное наследие как гражданин и как профессионал. Разобравшись во мне, они протянули свои щупальца к Швыдкому, который слился с ними в экстазе.

О какой демократии можно говорить после того, как в телепередаче «Постскриптум», посвящённой трофеям, Николай Губенко, бывший министр культуры и председатель комитета по культуре Госдумы, а нынче депутат Московской Думы, официально заявил: «Господин Швыдкой, я чётко знаю, что за Бременскую коллекцию Вы получаете 280 миллионов долларов отката». Почему оскорблённый не подал в суд? А сколько было публикаций об антикварной торговле его жены; о том, как они для своего дачного участка отрезали кусок Рижской автострады... И всё это сходит с рук! Никогда не забуду, как в одном телеинтервью возмущённый действиями Швыдкого В.И. Колесников, тогдашний заместитель Генерального прокурора, сорвался: «У меня на этого господина немало дел заведено!» Но Владимиру Ильичу быстро указали на его место.

Что же за феномен такой - Швыдкой?

Ответственно докладываю, что последние двадцать лет он является самым активным уничтожителем нашей народной памяти и культурного наследия России!

Его годами вялотекущее пошлейшее шоу «Культурная революция»

бездарно. О нём и говорить-то противно. Министр культуры вещает: «Музеи - кладбища культуры»; «Пушкин устарел»; «Русский язык без мата невозможен». И наконец, договорился пигмей ещё вот до чего: «Русский фашизм страшнее немецкого». Последнее заявление совпало с публикациями в прессе о готовящейся «безвозмездной» передаче в немецком посольстве Бременской коллекции. Безвозмездно для России, но не для команды Швыдкого. Хорошо, что Губенко подключил прокуратуру и предотвратил преступление. Выступая на Российском телевидении, я заявил: «Господин Швыдкой, вы не можете участвовать в спорах по поводу Бременской коллекции после вашего восхваления немецкого фашизма. Вам лучше защищать интересы Гитлера, Геринга и Гиммлера. Вам их фашизм нравится? Соскучились по тёплым печкам Дахау и Освенцима? Русского фашизма, господин «соврамши», нет и быть не может изначально. Спросите у любого немца!»

А если бы он был, то не было бы Швыдкого. Народ русский богобоязненный, терпеливый и мужественный. Потому и терпим швыдких. Если кто-то мне скажет о моих ксенофобских позициях, я могу ответить, что сегодняшнее утро начал с того, что позвонил в Ярославль Илье Борисовичу Рабиновичу - человеку, который возродил Рыбинский музей, который прошёл войну, был капитаном первого ранга. Ему уже под девяносто лет. Он еврей, но для меня это не имеет никакого значения. Прежде всего, он человек, который служил государству как воин, а потом - как музейный работник. И таких у меня много. Нет, «господа швыдкие» - это не национальность, это каста тех, кто ненавидит нашу культуру.

В юбилейные гоголевские дни нерадивые чиновники в усадьбе на Никитском бульваре, где жил и умер великий Гоголь и где должен открыться единственный в России музей классика, устроили жалкое подобие Диснейленда и кунсткамеры. Все без исключения средства массовой информации предали остракизму чудовищную поделку. И только шоумен Швыдкой написал в «Российской газете» о блистательном музее Гоголя. Блистательным он назвал и дешёвенький фильм телепопрыгунчика Парфёнова о Гоголе, который и близко не стоит с десятисерийной картиной-исследованием тонкого знатока писателя Игоря Золотусского. Как же низко нужно пасть, чтобы прославлять потуги Парфёнова, ненавидящего Гоголя и заявившего, что выбранные места из переписки с друзьями, Гоголь писал, будучи «ку-ку»! За эту книгу Толстой назвал жизнь Гоголя житием, а Блок сказал: «По этой книге России предстоит жить последующие столетия». Сколько же лет можно пичкать телевизионных налогоплательщиков похабной «Культурной революцией» и одесскими посиделками на кухне «Привала комедиантов».

Сейчас, когда наметились реальные перспективы возрождения Пскова, я хочу спросить: где был Швыдкой все семь последних лет, когда я говорил на телевидении, в печати о гибели Пскова. Он хоть пальцем о палец ударил, чтобы предотвратить эту гибель? Нет. Они вместе с господином Пиотровским придумали нелепую кражу в Эрмитаже, чтобы отвлечь внимание общественности от подлинного разграбления крупнейшего музея. Подставили сначала Путина, а потом Медведева,

устроив глобальную проверку всех музеев России. Настоящий коллапс сковал повседневную деятельность замечательных музейных тружеников. И если раньше, приезжая в музей, я слышал: «Савва Васильевич, мы новую икону открыли! Савва Васильевич, у нас была потрясающая выставка! Савва Васильевич, посмотрите - нельзя ли эти портреты отреставрировать?», сейчас только и слышишь: «Т-сс, у нас проверка!»

И всё Швыдкому безнаказанно сходит с рук! Когда ему заниматься музейными проблемами, если он на всех телеканалах поёт и пляшет?

Это Швыдкой уничтожил «Абрамцево» вместе со своим ставленником - выпускником ватиканского иезуитского колледжа неким Пентковским. На все наши вопли о пощаде, призывы спасти «Абрамцево» отвечал горе-министр через «толерантную» третьяковскую газету «Московские новости» (меня он не напечатает, этот толерантный), что это всё ложь, через полгода «Абрамцево» будет цвести и пахнуть. И вот оно раскатано, как говорится, до последнего брёвнышка. И что, его кто-нибудь привлёк к ответственности, шоумена Швыдкого? Убрали его сначала из министерства, потом из ФАККа, а он «всплыл» как представитель Президента по вопросам международных культурных связей. И это при том, что министр культуры Авдеев - дипломат высочайшего класса. Что может Швыдкой? Устраивать низкопробные выставки постмодернистов, позволять Марату Гельману, ненавидящему Россию, организовывать музей в Перми. Добрались они и до Перми, где в музейных фондах хранятся шедевры, чтобы насаждать мерзость и запустение.

Сегодня Швыдкой - имя нарицательное. Он всем ужасно надоел. Почему же нельзя освободиться от его засилья? До тех пор, пока он будет править бал, творческих успехов у нас не будет! Его национальная идея - фильм «Сволочи», опера «Дети Розенталя», щедро им проплаченная, он покровительствует ерофеевым, сорокиным, шендеровичам, жванецким.

Нынче решается судьба Третьяковской галереи. Уверен, что Союз художников России и прославленные мастера, такие, как Коржев, Жилинский, братья Ткачёвы добьются, чтобы из залов Третьяковки на Крымской набережной выбросили экспериментально-экскрементальные творения постмодернистов. Они заслуживают место в многочисленных галереях современного искусства, открывающихся в Москве с помощью меценатов типа Зураба Церетели и Шалвы Бреуса. Все эти художники - необразованные, полуграмотные. Их задача - всё расшатать и разрушить. И за это будет отвечать Швыдкой.

Есть завещание Третьякова, оно вечно действует, и там есть пункт - ни в коем случае не помещать в экспозицию экспериментальные, сомнительные вещи. Если послереволюционные авангардисты, как и мой любимый Честняков, были просто «обдолбаны» болтовнёй о революции, о том, что она им откроет врата в рай, то по произведениям этих можно только идти в Чистилище, в смоле гореть с теми гадостями, которые они выставляют! Ну как не стыдно - каждый день какая-нибудь новая выставка! Один нашёл то, другой нашёл... - да ничего вы не нашли! Микеланджело нашёл в «Пьете» главное, Дионисий нашёл главное в

своих фресках. Федотов нашёл в своих картинах. Вы ничего не нашли - вы ничего не ищете!

Всё это напёрсточники, как правило, полуграмотные, образования у них художественного настоящего нет, их задача - всё расшатать. А зачем им Гоголь? Жванецкий есть! Он за Гоголя пошутит, а там можно и Шендеровича выпустить!

И это всё допущено Швыдким, потому что он возглавлял ведомство, Минкульт, основной канал телевидения, этот комитет - ФАКК (ведь это ж надо придумать такое название!). Уже становится очень душно от этих людей, с них сальце стекает, они все настолько благополучные, настолько в Куршевелях и всюду - им плевать на проблемы нашей культуры.

Сколько написано писем против Швыдкого! И какие люди подписывались! И если наше руководство верит только ему, а не тем людям - а это и врачи, и физики, и инженеры, и писатели, которые для России делают больше, чем все швыдкие вместе взятые, - значит, не всё здорово в нашем доме, и он пока может праздновать победу.

Как бездарно был отмечен юбилей Гоголя. А швыдкие хлопали, издеваясь над Гоголем, который им как кость в горле.

Швыдкие тянут страну назад. Чем хуже - тем лучше для них, потому что они - люди без роду и племени. Это моё абсолютное убеждение, за которое готов отвечать в любом суде. Умоляю руководство страны: избавьте нас от Швыдкого и иже с ним - и тогда мы возродимся. Страна наша возродится, если убрать всех этих перевёртышей с палубы её корабля.